

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ЯРОСЛАВА МУДРОГО

ГЕНРИ БРЕРЕТОН

ИЗВЕСТИЯ О НЫНЕШНИХ БЕДАХ РОССИИ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2002

NEWES OF
the present Miseries
of Rushia
Occasioned
By the late Warre in that Countrey

Commenced

Betweene: *Sigismond* now King of Poland.
Charles late King of Swethland.
Demetrius, the last of that Name,
Emperour of Rushia

*Together with the Memorable occurrences of our owne
National Forces, English, and Scottes, under
the Pay of the now King of Swethland.*

London

Printed for *John Bache*, and are to be sold at his shop on
the side of the Royall Exchange. 1614.

**ИЗВЕСТИЯ О
нынешних бедах
России,
происходивших в результате
последней войны**

Между: нынешним королем Польши *Сигизмундом*,
бывшим королем Швеции *Карлом*,
императором России *Дмитрием*, последним
из этой династии

*Вместе с достопамятными случаями участия наших
национальных войск, английских и шотландских, нанятых
нынешним королем Швеции*

Лондон

Напечатано по заказу *Джона Бэча* для продажи в
магазине, расположенном за Королевской биржей. 1614.

Генри Бреретон. Известия о нынешних бедах России. — Санкт-Петербург, 2002 — «Европейский Дом» — 138 с.

Сочинение англичанина Генри Бреретона «Известия о нынешних бедах России» («News of the present miseries of Russia») представляет собой свидетельство очевидца и участника бурных событий Смутного времени. Его сочинение, отражающее взгляд просвещенного англичанина на события в России в начале XVII в., представляет не только историко-ведческий, но и культурологический интерес.

На языке оригинала было издано в Лондоне в 1614 г. На русском языке публикуется впервые. Публикация включает оригинальный текст памятника и его комментированный перевод на русский язык.

Издатели выражают искреннюю благодарность Ингегерд и Ричу Нордландер за помощь и материальную поддержку, оказанную или при подготовке издания.

Составитель *Г.М.Коваленко*

Перевод с английского *Е.Н.Козлова*
под редакцией *Г.М.Коваленко*

ISBN 5-8015-0142-8

© Г.М.Коваленко, составление,
предисловие, комментарии, 2002
© Е.Н.Козлов, перевод с английского, 2002
© Издательство «Европейский Дом», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

События Смутного времени вызвали пристальный интерес в Европе и породили обширную литературу о России. На фоне шведских, немецких, французских и даже голландских сочинений английские нарративные источники о Смуте немногочисленны¹. Нам очень мало известно о реакции «туманного Альбиона» на события в России и о том, что вообще англичане знали о них.

В исторической литературе подробное освещение получил лишь один эпизод русско-английских отношений этого периода, связанный с планами несостоявшейся английской интервенции в Россию². В этом плане сочинение Генри Бреретона «Известия о бедах России»³, отражающее взгляд просвещенного англичанина

---

¹ 1) *Thomas Smith. Voyage and Entertainment in Russia. London, 1605.* (Перевод: Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб., 1893). 2) *The Report of a bloudie and Terrible Massacre in the City of Mosco with the femefull and tragicall end of Demetrius the last Duke, before him reigning at this present., London, 1607.* (Перевод: Московская резня 1606г. Сочинение неизвестного автора // Русский заграничный сборник. Ч.III. Тетр.IV. Berlin-Paris-London, 1859). 3) Состояние Русского государства. Английское донесение 1607 г. // *Старина и новизна.*, XIV, 1911; Исторические записки. Т.13. 1942; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. М., 1951; Восстание Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С.180–182; 4) 1608. Донесение одного англичанина из Москвы; *Riksarkivet. Extranea.* 156. I. 26. 5) Рассказ шотландского капитана Дэвиса Гильберта о событиях в России (*S.Purchas. His Pilgrimes.* v.III. London, 1625; *S.E.Howe. The false Dmitri. A Russian Romance and Tragedy.* London, 1916).

² *Любименко И.И.* 1) Английский проект 1612 года о подчинении русского Севера протекторату короля Иакова I // Научный исторический журнал. II, вып.5. СПб., 1914.; 2) Планы английской интервенции в России в начале XVII столетия // Советская наука. 1941. №2; *Виригинский В.* Проекты превращения Северовосточной России в английскую колонию в XVII веке // Ист.журнал. 1940. №11; *Dauning Ch.S.L.* A Letter to James I Concerning the English Plan for Military Intervention in Russia // Slavonic and East European Review. Vol.67. 1989. P.94–108; *Konovalov S.* Thomas Chamberlayne's Description of Russia 1613 // Oxford Slavonic Papers. V. 1954.

³ *Brereton Henry.* Newes of the present Miseries of Rushia, occasioned by the late Warre in that Countrey, Commenced betweene Sigismond now King of Poland, Charles late King of Swethland, Demetrius, the last of that Name, Emperour of Rushia, Together with the Memorable occurrences of our owne Nationall Forces, English and Scottes under the Pay of the now King of Swethland. London, 1614. Сочинение Бреретона дважды было издано фототипическим способом: в 1855 г. в Берлине и в 1968 г. в Амстердаме.

на события в России, представляет большой источниковедческий и культурологический интерес.

Смута привела в Россию наемные армии, в составе которых были представители почти всех европейских народов. Заключив соглашение с Карлом IX, правительство В.Шуйского получило союзническую и в то же время наемную армию со всеми ее достоинствами и недостатками. Главное ее достоинство заключалось в профессионализме. Об отрицательных же качествах такой армии писал еще Никколо Макиавелли: «Союзнические войска — еще одна разновидность бесполезных войск — это войска сильного государя, которые призываются для помощи и защиты... Сами по себе такие войска могут отлично и с пользой послужить своему государю, но для того, кто их призывает на помощь, они почти всегда опасны, ибо поражение их грозит государю гибелью, а победа — зависимостью»⁴.

Обладая хорошими боевыми качествами, армия. Делгарди отличалась чрезвычайной неустойчивостью в моральном отношении. К ней, в целом, применима характеристика, которую Ф.Энгельс дал европейской пехоте XVI—XVII вв.: «В это время система военного наемничества была общепринятой в Европе; образовалась категория людей, которые жили войной и ради войны; и хотя тактика от этого быть может выигрывала, но зато качество людского состава — материала, из которого образуются армии и который определяет их *morale* (моральное состояние, моральный облик), от этого конечно пострадало. Центральная Европа была наводнена всякого рода кондотьерами, для которых религиозные и политические распри служили предлогом для того, чтобы грабить и убивать целые страны. Индивидуальные качества солдата подвергались деградации, которая продолжалась до тех пор, пока французская революция не положила конец этой системе военного наемничества»⁵.

Профессией кондотьеров была война, из которой они стремились извлечь максимальную выгоду, продав себя той из противоборствующих сторон, которая имела больше шансов на победу, поэтому они стремились к тому, чтобы по возможности составить какое-то представление о политической ситуации в стране пребывания. Конечно, главным делом для них была нажива, но некото-

⁴ Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С.339.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XIV. С.368.

рые стали наемниками, мечтая о далеких и неведомых странах, удивительных тайнах и увлекательных приключениях. Они бежали от одуряющего однообразия и скуки городской или деревенской жизни.

Попав в Россию, наиболее просвещенные из них стремились осмыслить те события, в которых они принимали участие, показать современникам и потомкам, за что и на чьей стороне они сражались. Некоторые из них внесли свой вклад в историографию Смуты. Среди иностранных сочинений о России конца XVI—начала XVII вв. важное место занимают сочинения К.Буссова⁶ и Ж.Маржерета⁷. Менее известны небольшие сочинения П.Делавиля⁸ и М.Шаума⁹. Сочинение же английского кондотьера Генри Бреретона почти не известно исследователям. Ф.Аделунг и М.П.Алексеев лишь упоминают его название¹⁰. Из русских историков только Н.И.Костомаров использовал его в своей работе о Смутном времени. В списке источников он отметил его одной звездочкой, т.е. отнес к группе менее важных источников по истории Смуты¹¹. Более критично оценивал его сочинение шведский историк Х.Альмквист. Он писал, что Бреретон сообщает кое-что об экспедиции Э.Горна в марте—июне 1610 г., в остальном же он дает искаженные и нелепые сведения о русских делах¹². Краткий пересказ сочинения Бреретона был приведен в комментариях к первому изданию «Краткого известия о Московии» Исаака Массы. При этом было отмечено,

⁶ Буссов К. Московская хроника. 1584—1613. М., 1961.

⁷ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982 (То же: Смута в Московском государстве. М., 1989)

⁸ *Pierre de Laville*. Discours sommaire de ce qui est en Moscovie depuis le regne de Ivan Wassiliwich, empereur, jusques a Vassili Ivanovitz Soushy // *La chronique de Nestor*. Paris, 1834.

⁹ *Matthias Schaumijs*. Tragoedia Demetrio-Moscovitica. Rostock, 1614. Tragoedia ... История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Димитрнем и о взятии Великого Новгорода // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К.М.Оболенским. М., 1847.

¹⁰ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1703 г. ч.2. М., 1864. с.178; Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи // Литературное наследство. Т.91. М., 1982. С.36.

¹¹ Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т.V. СПб., 1868, с.1—2.

¹² *Almqvist H.* Sverige och Ryssland 1595—1611. Uppsala, 1907. S.XII.

что «этот небольшой опус может иметь ценность для библиофилов, но с точки зрения истории — это смешная рапсодия»¹³.

О самом авторе сочинения Генри Бреретоне не известно практически ничего. Наиболее полный английский биографический словарь сообщает о нем лишь то, что он является автором сочинения «*Newes of the present Miseris of Rushia*»¹⁴. По всей вероятности, он принадлежал к низшим или средним слоям английского дворянства, которые в поисках средств к существованию поступали на военную службу иностранным государям. Очевидно, он получил неплохое образование. Об этом можно судить уже по тому, что его сочинение насыщено персонажами античной литературы и истории, с которыми он сравнивает действующих лиц своего повествования. Среди них — Гекуба и Поликсена, Эней и Приам, Иоакаста и Латона, Улисс и Ахтиофель, Марк Антоний и Клеопатра, Гней Помпей и Лукреция. Он ссылается на Плутарха и цитирует латинские стихотворения и пословицы.

Достоверно о нем известно лишь то, что он прибыл в Россию во втором потоке вспомогательного войска, посланного шведским королем Карлом IX для оказания помощи В.Шуйскому в борьбе с польско-литовскими отрядами и русскими сторонниками Самозванца.

В мае 1609 г. в Швецию прибыли наемники, завербованные эмиссарами Карла IX в Англии, Франции и Нидерландах для экспедиции в Россию. Всего их было около 3000 человек: англичане под командованием Колвила, шотландцы под командованием Коброна и французы под командованием Делавиля¹⁵. В их числе были Генри Бреретон и Томас Чемберлен, который считается автором проекта установления английского протектората над русским Севером.

В начале сентября они отправились морем в Россию, но ветром были занесены в Финляндию и высадились в Або. Оттуда они совершили пеший переход в Выборг, где командование над ними

¹³ *Massa J. Histoire des guerres de la Moscovie (1601–1610). T.2. Bruxelles, 1866, p. 252–255.*

¹⁴ *Allibone S.A. A critical Dictionary of English Literature & British & American Authors... Vol.1. London, 1859. P.241.*

¹⁵ *Brereton. H. Op. cit.s.43; Widekind J. Thet Swenska i Ryssland Tijo ehre Krijgz-Historie... ifren 1607 intill 1617. Stockholm, 1671. S.140–141; Almquist H. Op. cit. S. 180*

принял Эверт Горн. Совершив трехдневный переход по льду Финского залива, 12 февраля Горн вышел к Копорью, откуда двинулся на Старицу, где должен был соединиться с Делагарди. В Швеции и Финляндии непривычные к суровому климату наемники страдали и даже гибли от голода и холода. С этими же проблемами они столкнулись и на русской территории. Местные жители покидали свои дома и прятались в лесах. Как заметил Бреретон, «у них не было оснований доверять никому: ни тем, кто пришел защищать их, ни тем, кто пришел их убивать».

Наемники без боя взяли Старую Руссу и сняли осаду Осташкова, выбили поляков из Ржева. 24 апреля Горн взял Зубцов и послал Делавиля на помощь Григорию Валуеву, осадившему поляков и остатки тушинцев в Иосифовом монастыре. 21 мая они были изгнаны из Иосифова монастыря и Горн с Я.Барятинским осадил крепость Белую, занятую А.Гонсевским, но взять ее не смог и, узнав о приближении Жолкевского, отступил к Зубцову. Здесь наемники, недовольные задержками с выплатой жалования, были готовы поднять мятеж и перейти на сторону поляков, которые уговаривали их отступить от Шуйского и перейти на службу Сигизмунду III. Агитацию среди английских наемников развернул командовавший ими Колвил, в результате чего только в одну ночь дезертировали 60 человек. Сам Горн чуть было не подвергся нападению и вынужден был решительными мерами наводить порядок. Колвил был отстранен от командования и заменен Коброном, несколько солдат было повешено¹⁶.

21 июня Горн соединился с Делагарди в 25 верстах от Можайска. Оттуда они пошли на помощь Григорию Валуеву, осажденному поляками в Царево Займище. 23 июня они соединились с войском Дмитрия Шуйского около Клушина. На рассвете 24 июня Жолкевский, получивший сведения о противнике от перебежчиков, напал на клушинский лагерь. После трехчасовой битвы поляки вступили в переговоры с наемниками, которые стали переходить на сторону противника. Узнав об этом, Д.Шуйский бежал с поля боя, его примеру последовало все войско. Наемники, по словам Бреретона, «разделились: одни вернулись к царю, другие — к королю Швеции, большинство — к полякам, многие — домой в свои страны». Очевидно, в числе последних был сам Бреретон. Делагарди и Горн с небольшим отрядом финнов и шведов ушли к погоре-

¹⁶ *Almquist H. Op. cit. S.181–184; Widekind J. Op.cit. S. 140-141*

лому Городищу, где был Делавиль, а затем на Торжок, оттуда к Новгороду.

Со времени «открытия» Московии Ричардом Ченслером в 1553 г. Русское государство с его высоким торгово-промышленным потенциалом привлекает пристальное внимание английских политических кругов и купечества. Это определило тип английских сочинений о Московии. Во второй половине XVI в. работы, посвященные России, носят односторонний характер и представляют собой, как правило, либо наполненные практическими сведениями описания торговых путей, товаров и цен на них, либо отчеты послов об отношении московского правительства к английской торговле. Содержание и характер этих экономико-географических описаний Московского государства, главным образом его северной части, определялись теми практическими целями, которыми руководствовались их составители. Деловому содержанию этих записок соответствует и их изложение: не вдаваясь в общие рассуждения, их авторы сообщают краткие, но точные сведения, факты и наблюдения. По достоверности и обилию информации В.О.Ключевский относил их к лучшим иностранным сочинениям о России, благодаря которым представления англичан о России приобрели устойчивый характер¹⁷.

У сочинения Бреретона в отличие от сочинений его предшественников (Д.Флетчера и Д.Горсея) нет практической направленности, у него другой жанрообразующий фактор: оно написано для занимательного чтения высших аристократов, в частности, для фаворита Якова I-го государственного секретаря Роберта Карра.

Его сочинение — не только рассказ о поездке в экзотическую страну, где случались самые невероятные происшествия, но и своего рода роман. Его отличительная черта — образность. Бреретон выводит на историческую сцену людей с их сложными характерами и судьбами (как правило, вымышленными), вкладывает в их уста длинные речи и монологи, составленные по правилам античного ораторского искусства (например, речи Шуйского при захоронении останков Дмитрия Трагуса и во время судебного процесса Делавиля перед боем). У него бойкое перо, он склонен к риторике и театрализации описываемых событий. Смуту в России он срав-

¹⁷ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С.11; Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С.231–232.

нивает с превращением всей страны в «горестную сцену», на которой актеры играют под аплодисменты «свои кровавые роли». Стиль Бреретона напоминает стиль автора сочинения о путешествии в Россию Томаса Смита¹⁸.

В России Бреретон попал в особый мир. Поэтому его интересовала не только современная Россия, но и подступы к современности. Он имел самые смутные представления о русской истории, поэтому многие его персонажи условны. Главной реальной фигурой ближайшего прошлого для него, как и для большинства иностранцев, был Иван Грозный. Его основная характеристика — тиран, но тиран великий, поскольку до Смуты страна «процветала в богатстве, государственных делах и мирной торговле с иностранцами». Такой унаследовал ее его сын Дмитрий, но вместе с тем он унаследовал и ненависть подданных, «которую они испытывали по отношению к его отцу, и которая была настолько сильна, что не умерев с его смертью, продолжала жить вместе с его потомком и вскоре повергла его в смятение».

Вообще, Дмитрий у Бреретона — собирательный образ. Его биография составлена из биографий Федора Ивановича, Лжедмитрия I, Лжедмитрия II. Это некий символ, за которым последовательно шли сторонники всех самозванцев¹⁹. Он наделяет его природными добродетелями и способностями, а также молодостью и красотой. По его словам, Дмитрий был «наиболее совершенным князем с благородной душой и царской внешностью». Его антиподом выступает ближайший советник царя, «великий Конюший» некто Vansusce (Кnesevansusce). В нем угадываются черты Б. Годунова и В. Шуйского. Бреретон характеризует его как властолюбивого, лицемерного и жестокого человека, который во всех своих делах «руководствовался больше собственными амбициями, чем заботой о государстве». Сознывая исходящую от него опасность,

¹⁸ См.: Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII–первая четверть XVIII в. М., 1976. С. 70–81

¹⁹ В поэтической форме такое восприятие искателей русского престола современниками выразил М. Волошин в стихотворении «Dmetrius-Imperator» (1591–1613). Хронологические рамки в заглавии стихотворения не случайны, именно в это время «убиенный много и восставый» Дмитрий был для многих русских людей своего рода единым русским демоном, который четверть века правил Русью, «смущая ее судьбою дивной». (Волошин М. Избранные стихотворения. М., 1988. С. 156–158)

Дмитрий решил укрепить свое положение брачным союзом и стал искать себе невесту при дворе польского короля. С этой целью в Польшу было отправлено посольство во главе с родственником царя неким Трагусом, в котором довольно трудно узнать кого-либо из реальных лиц.

Избранницей Дмитрия стала некая изумительной красоты польская госпожа княжеского рода, которую Бреретон нигде не называет по имени, поскольку, очевидно, просто не знает его. Характеризуя этот брачный союз, Бреретон пишет, что он не был навязан каким-либо предварительным согласием и между молодоженами «не было несовместимости характеров, являющейся причиной сдержанности или скуки, ибо они были одного возраста и являлись и тот и другая наиболее совершенными и абсолютными творениями природы, какие только жили на этом свете.»

Главная ошибка Дмитрия, по мнению Бреретона, состояла в том, что он не заменил польскую гвардию своими соотечественниками и тем самым попустительствовал бесчинствам поляков. Антипольскими настроениями в столице воспользовался В.Шуйский, который, сплотив вокруг себя около 12 тысяч москвичей, напал на царский дворец и уничтожил всех поляков. При этом Дмитрию удалось бежать вместе с женой в Калугу. Этим, по словам Бреретона, заканчивается последнее действие его комедии и начинается первое действие его трагедии.

Ее основную сюжетную линию составляет борьба между Лжедмитрием II, который у Бреретона по-прежнему выступает как сын Ивана IV Дмитрий, и В.Шуйским (Vansusce). Объявив Дмитрия убитым и устроив его фальшивые похороны, Шуйский решил устранить его родственника Трагуса, «который в глазах народа был также великим» и поэтому являлся для него «огромным камнем преткновения». При помощи своего брата Дмитрия и некоего «подлого изменника» Glasco, который «был орудием исполнения его планов и намерений», он заманил его в Москву. Там его пытали, судили и, приговорив к смерти, бросили в тюрьму, где он покончил с собой, а его жена, которую Бреретон сравнивает с героинями античной истории, умерла от горя, явив «замечательный пример любви и постоянства». За этой античной трагедией, разыгранной Бреретоном на русской сцене, стоят реальные факты расправы В.Шуйского со своими политическими противниками²⁰.

---

²⁰ См.: *Абрамович Г.В. Князя Шуйские и российский трон. Л., 1991. С.137*

Возложив на себя корону и «прибыв в гавань, к которой он так долго держал курс», В.Шуйский тем не менее не обрел покоя, поскольку, как пишет Бреретон, узурпатор «никогда не пребывает в покое и редко спит спокойно по ночам», ибо власть, достигнутая ценой крови и подлости», таит в себе много опасностей.

Античная трагедия, описываемая Бреретоном, происходила на фоне реальных событий русской истории, которые он представлял лишь в самых общих чертах. Бреретон пишет о том, что из Калуги Дмитрий бежал в Польшу и, собрав там 40-тысячную армию, осадил Москву, но встретил сильное сопротивление. Поляки же, по словам Бреретона, как и в 1605 г., вели себя не самым лучшим образом; они «грабили и убивали... проявляли всевозможные акты жестокости», а Дмитрий был не в состоянии обуздать их. Для того, чтобы защитить своих подданных от поляков, В.Шуйский обратился за помощью к шведскому королю Карлу, которого «он знал как смертельного врага польского короля Сигизмунда». При этом он из двух зол выбрал меньшее: предпочел терпимых иностранцев (шведов) нетерпимым (полякам)²¹. В свою очередь, Карл IX, понимая, что поляки в России представляют для него не меньшую опасность, чем в Швеции, направил на помощь Шуйскому 12-тысячную армию под командованием Якова Делагарди, который, как считает Бреретон, «пользовался больше славой, чем своими достоинствами».

В целом, Бреретон довольно объективно оценивает шведское военное присутствие в России, о цели которого он говорит устами Делаваля, сказавшего перед штурмом Ржева, обращаясь к наемникам: «Мы пришли с целью послужить во славу наших стран и веры». Характерно, что он не видит особой разницы между поляками и армией Делагарди и пишет, что с приходом столь пестрой по национальному составу наемной армии бедствия России увеличились. Несмотря на то, что они пришли на помощь как друзья, «однако, кто может остановить армию от разорения страны и насилия». Тем не менее, приход наемников изменил соотношение сил. Соединившись с ними, русские разбили армию Дмитрия, и поляки из его ближайшего окружения начали роптать и склонялись к переговорам с под-

²¹ Такая оценка шведской военной помощи перекликается с мнением другого современника событий И.Тимофеева, который расценивает ее как намерение защитить стадо от одной стаи волков при помощи другой стаи. (Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951. С.131)

ступившим к Москве Делагарди. Видя, что его авторитет падает, приказания не выполняются и опасаясь быть убитым или отравленным, он вновь спасается бегством в Калугу.

Узнав об этом, Сигизмунд «навсегда отказался от своей дружбы и союзничества и объявил, что впредь никогда не будет помогать ему ни людьми, ни деньгами». Теперь, чтобы возместить потери, он решил лично вмешаться в события в России и, собрав 100-тысячную армию, состоявшую из «людей со всех стран мира, привлеченных лишь жадой убивать и грабить», вступил в Россию и осадил Смоленск. Тогда Шуйский обратился к Карлу IX за дополнительной помощью, и тот прислал в Россию новый экспедиционный корпус, в составе которого был Бреретон. Вот так он представлял развитие событий в России от смерти Ивана Грозного до начала открытой польской интервенции. Дальнейшие события, в которых он принимал непосредственное участие, Бреретон описывает в 11 и 12 главах своего сочинения.

В последней главе он дает краткий обзор событий от Клушинской битвы до взятия Смоленска поляками, среди которых он называет свержение В.Шуйского, вступление польских войск в Москву и антипольское восстание в столице, а также смерть Дмитрия.

К концу повествования главные герои из действующих лиц античной трагедии постепенно превращаются в более реальные исторические персонажи. Мы уже не видим большой разницы между В.Шуйским, у которого «не осталось ни поддержки ни надежды», и Дмитрием — «несчастливым князем, который, перебегая с места на место и нигде не находя безопасности, пал мучительной смертью от руки татарина». С большим сочувствием Бреретон пишет о «несчастливых москвитях», для которых жизнь стала земным адом и которым борьба между двумя политическими соперниками и поддерживавшими их иностранными государями не принесла ничего, кроме бед и страданий. И еще одна актуально звучащая и сегодня мысль его сочинения: если все несчастья и замышляются дьяволом, то исполняются они самими людьми.

Наиболее сложным является вопрос об источниках сочинения Бреретона. Ими могли быть сочинения Р.Ченслера, А.Дженкинсона, Т.Рандольфа и Д.Боуса, опубликованные в 1589 г. Р.Гаклюйтом. Но хронологические рамки их сочинений (1533—84 гг.) находятся за пределами хронологических рамок сочинений Бреретона.

Он мог использовать также изданную в 1589 г. книгу Джерома Горсея «Торжественная ... коронация Федора Ивановича»²², но это событие вообще не получило отражения в сочинении Бреретона, из чего можно сделать вывод, что эту книгу он не читал.

По всей вероятности, ему было неизвестно и сочинение Джильса Флетчера «О государстве Русском». Оно было опубликовано в 1591 г., но почти весь тираж был уничтожен, вновь оно стало издаваться только с 1625 г.²³

Труд неизвестного автора о путешествии в Россию представителя Московской компании Томаса Смита был издан в Лондоне в 1605 г., незадолго до отъезда Бреретона в Россию. По всей вероятности, он также был неизвестен Бреретону. Если бы он читал его, то в своем сочинении написал бы о Борисе Годунове, на личности которого было сосредоточено внимание автора, и об Угличском деле, которому посвящена последняя глава сочинения его предшественника. Единственное, что объединяет Бреретона с Томасом Смитом — это уверенность в том, что на русском престоле был не самозванец, а подлинный Рюрикович — сын Ивана IV Дмитрий.

Таким образом, по всей вероятности, основным источником сочинения Бреретона была устная информация, полученная им как в Англии (возможно, также в Швеции и Финляндии, где он перед отправкой в Россию провел почти 7 месяцев), так и непосредственно в России. Косвенно это подтверждается его словами «как я слышал», «узнал понаслышке», «не смог выяснить», а также тем, что почти все русские имена искажены им до неузнаваемости, в то время как имена иностранцев, вместе с которыми он воевал, переданы практически без искажений. Если бы он пользовался сочинениями своих соотечественников, то русские имена и фамилии были бы переданы им более точно.

Конец XVI—начало XVII в. было временем англо-русского культурного сближения²⁴. Одно из свидетельств тому — сочинение Бреретона, которое представляет собой не только исторический, но и литературный памятник. Разрыв дипломатических отношений правительства Алексея Михайловича с правительством революцион-

²² Д.Горсей. Записки о России XVI — нач. XVII вв. М., 1990. С.31. Другие его сочинения были изданы в 1626 г.

²³ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С.299.

²⁴ См.: Алексеев М.П. Указ. соч. С. 17–39

ной Англии и изгнание английских купцов из России сильно уменьшили в Англии интерес к Московии. Поэтому во второй половине столетия число английских сочинений о России сократилось, изменился их характер, а действительное представление о реальной Московии, стране довольно знакомой и популярной, расплылось в красочное экзотическое пятно с оттенком русофобии²⁵.

---

²⁵ Там же. С. 40, 44

TO THE RIGHT
Honorable sir Robert Carre, Knight,
Viscont Rochester, Earle of Somerset,
Knight of the most Noble Order of the
Garter, and one of his Maiesties
most honorable privy
Counsell

If in the great affairs of the kingdome, wherein (under our excellent Head) your Lordship is worthily employed as a principall member, there be any leasure left from the businesse of your high place, It may then please your Lordship to cast a favourable aspect upon the humble Labours of such whom Fortune, and their meane deservings keepes under in the obscure ranke of Póverty. Amongst whom, I have presumed to write this little Booke, as a Discousive Treatise upon the Miseriēs of Russia, occasioned by the late forreine and intestine warre in that Country, which I have adventured to present unto your Honours view (if a précieux eie may looke upon a woorthlesse object) and it is not the meanest vertue, to respect the poorest fortune: for take away goodnesse from great men: to whom shall the poore flee for refuge? I have therefore made bolde to shrowd it under the // the Patronage of your Honour, which I wish may still transcend, untill with your high woorth it hold correspondencie. And that those holy Nuptiallbands, whereby you are now honourably lincked into the Noble House of Norfolke, even by the Sovereaign appointment of the most high God, beyond the subordinate power of Destiny, may till death prove indissoluble, more hard to be untwined, then that Gordious knotte, wherein lay (insould-ed) the fate of Asia, That you may live long most happy, as you are now most worthy, both in your high Stile, State, Place, Fortune, and a Kings favour.

Your Honors in all humble duty,
Henry Brereton

ДОСТОПОЧТЕННОМУ
сэру Роберту Карру¹, рыцарю, виконту
Рочестерскому, графу Сомерсетскому,
кавалеру наиболее почетного Ордена Подвязки²
и одному из самых важных личных советников
Его Величества³

Если в больших делах королевства, в котором в качестве высокопоставленного подданого наиболее достойно служит (под отличным руководством главы нашего государства) Ваша Светлость, найдется время, свободное от дел, связанных с Вашим высоким положением, тогда, возможно, Вашей Светлости доставит удовольствие обратить благосклонное внимание на скромные труды того, чье состояние и слабые заслуги относят его к ничем не выдающемуся рангу бедных. Относясь к таковым, я взял на себя смелость написать эту небольшую книгу как трактат, основанный на фактах, о невзгодах в России, произошедших в результате последней иностранной и междоусобной войны в этой стране, и предоставить этот труд вниманию Вашей чести (если Ваше драгоценное внимание может быть обращено на столь никчемный объект). И не самой слабой добродетелью является уважать дела беднейших: так как, лишившись доброты великих мира сего, в каком еще убежище бедные люди найдут спасение? Поэтому я осмелился предоставить эту книгу под покровительство Вашей чести и посчитал бы превосходящим все ожидаемое, если, учитывая Ваши высокие достоинства, даже получил бы от Вас письмо. Желаю Вам, чтобы эти священные брачные узы, по которым Вы теперь связаны с благородным родом Норфолков, даже по высочайшему назначению Господа Бога, вне зависимости от ударов судьбы оказались до Вашей смерти настолько же нерасторжимыми, как Гордиев узел, определяющий судьбу Азии. Желаю Вам жить долго и счастливо и впредь занимать наиболее достойное место в личной и государственной жизни, благополучия и благосклонности короля.

С нижайшим поклоном Вашей чести,
Генри Бреретон

CHAP. 1

Demetrius the last of that name, after the death of his father Basilius, succeeds him in the Empire, he distrusteth his owne people, and many of his Nobility, and strives to strengthen his estate by marriage with a yong Lady neere in blood to Sigismund king of Poland.

Of all the accidents that I have read or heard of in the oppression of any State or Kingdome what soever, either for the present or precedent ages, there hath none in my opinion beene found so sudden, strange and variable, with occurrants so doubtfull, and events so fatall, both to Prince and People, to the invader and the invaded, with such devastation of Country, depopulation of Townes, combustion of Cities, such deflowrings, ravishemnts, murthers, and horrible treasons, fire, sword, and famine, the tragicke executioners of these miseries, plots and stratagems devised in hell by divels, and acted by men on earth: as hath happened of late yeeres, and is not yet concluded berweene Sigismund nowe King of Poland, Charles King of Swethland, and Demetrius the last of that name, called the great Duke of Muscovia, or Emperour of Russia.

And this unhappy countrey, which before flourished in great wealth, state, pleasure and peaceable commerce with strangers, no warre at hand, nor none forward, but such as no man looked for, was on the sudden, before a mans // mind could thinke in such a case of a kingdomes alteration, made the woefull Sceane and publicke stage whereon so many bloody parts have bene acted on all hands, as have brought wretchednesse to the people living, and prepared misery for the child unborne: which warre well considered, God never gave unto the world a more memorable example, either in what unsurety stands the state of any Kingdome or Nation that is not propt and supported by the high hand of Heaven, or what miseries and calamities succeed in the progress of such bloody and dangerous intendments, to a people so secure. And finally,

ГЛАВА 1

Дмитрий, последний из этой династии, после смерти своего отца Василия, наследует царство. Не доверяя своему собственному народу и многим из окружающей его знати, он стремится упрочить свое положение женитьбой на молодой госпоже, близкой по крови королю Польши Сигизмунду.

Из всех конфликтов, сопровождавшихся упадком какого-либо государства или королевства, о которых я узнал из книг или понаслышке, будь то в настоящем или в прошедших столетиях, ни один, по моему мнению, не был таким неожиданным, странным и переменчивым, ни один не был таким двусмысленным по происходящему и фатальным по событиям как для государя, так и для народа, как для захватчика, так и для угнетенного, ни один не приводил к такому сокращению городского населения и волнениям в городах, к такому количеству осквернений невинности, грабежей, убийств и других ужасных преступлений, а также пожаров, случаев резни, голода, ни в одном не было таких трагических несчастий, заговоров и уловок, замысленных самим дьяволом в аду, и исполненных людьми на земле, как тот, который имел место в последние годы между нынешним королем Польши Сигизмундом⁶, королем Швеции Карлом⁷ и Дмитрием⁸, последним из этой династии, имеющим титул Великого князя Московии или царя России, и который до сих пор не закончился.

И эта несчастная страна, которая до этого процветала в своем богатстве, состоянии государственных дел, удовольствиях и мирной торговле с иностранцами, в которой не было и никем не предвиделось никаких войн, в одно мгновение, которое для таких изменений в государстве непостижимо для человеческого ума, вдруг превратилась в горестную сцену и уличные подмостки, на которых многие актеры играли под аплодисменты свои кровавые роли, принесла своей войной горе и страдания живущим людям и несчастья для еще нерожденных детей. Господь Бог еще никогда не являл миру таких памятных примеров того, в каком неустойчивом состоянии находится любое королевство или государство, не поддерживаемое рукой Всевышнего, а также того, к каким несчастьям и бедствиям для народа, живущего в такой безопасности, могут привести подобные кровавые и опасные планы. И, наконец, что ожидает в конечном результате подобную преступную и надменную

what end followes such treasonable and despiteous crueltie, as the lamentable sequell of this history shall declare.

You shall therefore understand that Demetrius, the last of that name, Emperour of Russia, after the death of his father Basilius, called for his stearne and austere gouvernement, as well by strangers, as his owne naturall subiects, the great Tyrant of Rushia succeeded him, both in the Empire and hatred of his subiects: For notwithstanding that Demetrius was a most excellent Prince, framd even in the prodigality of Nature, endued with many commendable parts, and heroyicke vertues, in the flower of all his youth and beauty, which commonly the people do much esteems full of rich hope and expectation. Yet such was the hatred they bare unto his father, that not dying with his death, it lived still in his issue, and proved in short time the confusion of this Prince, who (setting aside his haughty disposition) which seemed to be inherent in him by Nature, he was otherwise a most absolute Prince, noble in mind, and of a kingly presence.

He having thus by his farthers death obtained, but not established himself in the Empire, devised the best meanes he could for the assurance of his estate, which by reason of his subiects minds (being Alians to him) and many also of the Nobility (which for his fathers sake also bare him no affection) stood very sickle: Amongst which there was at that time one Knesevansusce a noble man, and of great // power, that in the Raigne of the great Tyrant, being great Maister of the Horse did also at his time beare many great officess in the Empire, which the present King Demetrius, more for feare then love, suffered him to enioy. And that state in a Prince must needes be unassured, where the subiects power shall breed the Princes feare.

This Vansusce in the former Emperours raigne, did slily by his bounty and popularity wind himselfe into the love and opinion of the people: and because that some (fews) turbulent broyles and dangerous innovations were by his power and policy pacified, he was held in great estimation of the Prince, and great veneration of the Nobility, among which neverthesse there were some that looking upon his state, with an envious eye, did also with considerate eyes looke into his actions, that springing from ambition more then from countries care, or honorable ends, they found his greatnesse to be dangerous, and those acts which

жестокость, о чем будет объявлено в последующем печальном изложении этой истории.

Итак, вы поймете, что Дмитрий, последний из этой династии царь России, после смерти его отца Василия, прозванного как иностранцами, так и своими собственными подданными за свое суровое и жесткое правление великим Тираном России⁹, унаследовал от него не только государство, но и ненависть подданных: несмотря на то, что Дмитрий был во многих отношениях превосходным государем, одаренным от природы, наделенным многими достойными способностями и героическими добродетелями, в цвете своей молодости и красоты, что обычно вызывает у людей очень высокую оценку, полную богатых надежд и ожиданий. Однако, ненависть, которую они испытывали по отношению к его отцу, была настолько сильна, что, не умерев с его смертью, продолжала жить вместе с его потомком и вскоре повергла в смятение этого государя, который (если не учитывать его надменность, присущую ему от природы) был во всех других отношениях наиболее совершенным правителем, с благородной душой и царской внешностью.

Получив, таким образом, после смерти отца государство, но не утвердившись в нем, он вынашивал планы, что лучше всего в его силах сделать для укрепления своего положения, которое по причине настроений его подданных (которые были ему чужды) и также многих из знати (которые из-за его отца также не испытывали к нему теплых чувств) было очень слабым. Среди них в то время был некий Кнeсeвaнсyсce¹⁰, знатного рода и обладающий большой властью. Во время правления великого Тирана, будучи великим Конюшим, он также занимал много других важных постов в государстве, которые нынешний царь Дмитрий, больше из опасения, чем из любви (к нему), позволил ему сохранить за собой. Но такое положение государя, когда власть его подданных внушает ему страх, явно является ненадежным.

Этот Vansusce во время правления бывшего государя, хитро пользуясь своей щедростью и популярностью, сумел добиться приязни и высокого мнения о себе у народа, а так как с помощью его власти и политики удалось усмирить некоторые бурные столкновения и опасные беспорядки, он пользовался большим почетом у государя и сильным преклонением со стороны знати, среди которой, однако, были такие, кто хотя и с завистью относились к его положению, но вместе с тем и внимательно следили за его действиями, кто, руководствуясь больше амбициями, чем заботой о стране

carried the name and colour of the Emperours good, served under hand to make way for his ambition, as having only a reference to himselfe and his owne designs, which Demetrius well perceiving, did neverthelesse dissemble, and coulourably made him faire countenance, as loth (in this greene world) to stirre the fire that lay hid in this embers.

This Vansusce was very noble in bloud, derived from a long continued ancestry, honored in many ages with many alliances of the Empire, alwayes held in great love and estimation of the people, he was in his owne person of a Princely presence, full of affability & Court complement: yet neverthelesse ambitious, cruell, a great dissembler, not letting to kisse whom he meant to kill, sparring no mans death, whose life withstood his purpose. He was heard once say to a secret friend of his, that that man was to be held unworthy the stocke of all Noblenesse, that yeelded his honour to vassalage, whose fortunes might attain to Sovereignty, whereby discovering his owne affections, he made himselfe transparent, thinking that if his woeds were brought in question, his power was able to defend // them. This Vansusces greatnesse gave principall matter for the Emperours distrust, knowing well that his ambition once ioyned with the peoples hate against him, whose natures are ever wont to follow Nobility, there might be raised a dangerous faction: for the prevention or meeting whereof, his friends councelled him to strengthen his unassured estate, by mariage in the alliance of some foreigne Prince: for the furtherance whereof, there was a young Lady at that time of Princely birth and admirable beauty, as yet uncontracted in the Court of Poland. Thither with great preparations were Embassadors with great expedition sent, the principall of whom was a young Nobleman, and kinsman to the Emperour, called Tragus, that bare chiefs place and honor, who being honourably entertained in Poland, found their dissignes happely succede to their desires: for in short time this young Lady was with all solemnity affianced to this yong Prince, a great ioynture granted, a rich dowry constituted, and the Embassadour richly rewarded, withall speed richly returned into Russia.

или благородными целями, признавали его силу опасной. И эти дела, которые слыли и имели окраску дел на благо царя, скрытно служили для претворения его амбиций, поскольку упоминались только в связи с ним и с его собственными замыслами. Хорошо понимая это, Дмитрий, однако, закрывал на это глаза и притворно поддерживал его, постепенно разжигая огонь, тлеющий в углях.

Этот Vansusce был очень знатных кровей, происходя из древнего рода, который на протяжении многих веков был удостоен чести быть в брачных союзах со многими благородными семьями государства и был всегда в почете и уважении у народа, имел княжескую внешность, расточал любезности и светские комплименты, однако при этом был амбициозен, жесток, являлся большим лицемером, не упускающим возможности обласкать того, кому желал смерти, не щадил жизни никого, кто стоял на пути достижения его цели. Говорят, что однажды он сказал одному своему тайному другу, что тот должен быть признаным недостойным знатного рода, тем самым он лишил чести этого человека, дела которого могли бы обеспечить его независимость, и поставил его в положение вассала, предав свои собственные дружеские привязанности. Он действовал откровенно, считая, что если его слова поставят под сомнение, его власть способна защитить их. Власть этого Vansusce являлась главной причиной недоверия царя, хорошо понимающего, что как только амбиции этого человека соединятся с ненавистью народа, имеющего обыкновение следовать за знатью, может возникнуть опасная оппозиция по отношению к нему. Для предотвращения или умиротворения оной его друзья посоветовали ему укрепить свое слабое положение брачным союзом с родом какого-нибудь иностранного государя. В поддержку этих планов выяснилось, что в то время была молодая госпожа княжеского рода, изумительной красоты и еще не помолвленная ни с кем из польского двора¹¹. В эту страну с большими приготовлениями были незамедлительно направлены послы. Из них главным был молодой человек по имени Tragus¹², из знати, родственник царя, наделенный полномочиями и почетным положением старшего, который будучи с почестями встречен в Польше, обнаружил, что их замыслы, к счастью, осуществляются, так как вскоре эта молодая госпожа, имевшая большое наследство и богатое приданое, была со всей торжественностью обручена с молодым государем, а щедро награжденный посол поторопился вернуться в Россию с радостным известием.

The Emperour embraceth the newes, and his kinsman for them kisseth the Ladies picture, confirmes the Articles, axhausteth his treasure, holds himselfe poore in the riches of his hope, makes great preparations for his iourney into Poland, still langoishing in his desire to see the substance of thay beauty, whose shaddows onely had so incenced his fancy, that that seemed to be true in him which was written by Plutarch, upon the languishments of Marcus Anthoniuos, to Cleopatra Queene of Egypt, that the soule of a Lover lives in his owns, but in anothers bodie.

Царь с радостью принял его и обнял своего родственника за них, поцеловал портрет госпожи, подтвердил брачное соглашение и, чувствуя себя бедным среди богатства своих надежд, стал готовиться к поездке в Польшу, по-прежнему изнывая от желания увидеть наяву эту красоту, одни упоминания о которой так распалили его воображение, что к нему, кажется, применимо написанное Плутархом о томлении Марка Антония по царице Египта Клеопатре¹³, что «душа влюбленного живет не в его собственном, а в другом теле».

CHAP. 2

The Emperour Demetrius descends in person into Poland, with an honourable traine, and is there with all solemnity espoused to the Polish Princesse, returneth into Russia, bringing with him five thousand Poles for his guard.

All things being in sumptuous manner prepared, the Emperour Demetrius setteth forward towards Poland, committing the government of his Empire in his absence to certaine of his Noblemen, whom he especially trusted, constituting his Kinsman Tragus for his Vicegerent. The people stocke from all parts to see him, but neither with outward acclamations, nor inward desires of ioy, which neverthesse he little respected, supposing that this new alliaance with Poland had so strengthened his estate, as he should not need to feare any intestine innovation, and from foreign invasions he was secured: howbeit there were some that iudging of future contingents by the present times condition, foresaw that this marriage and disposing of it, might hereafter prove his confusion, as indeed it did: Howbeit we will not now mingle his present pleasures with unseasonable feares of future troubles, but bring him in all honorable and delightfull manner out of his owne territories into the Kingdome of Poland, where in all places he found his entertainment to answer his estate, and to exceed his expectation.

After many honorable stayes and meetings, with many Princes and Nobles of Poland, he came at last to Court, the King lying then at Craccow, the chiefe in Craconia, and the principall Seate of the Kingdome, here he found all the honors that his heart could desire, and sawe the rarest beauties that his eyes could behold: but which most pleased him, was the sight of her, whose beauty at first sight did so ravish him with astonishment, that his eyes and other parts with outward complements // were driven to execute his tongues office, in discovering his inward thoughts: for he wanted words to expresse his Joye.

Here feasting the time, and his owne desires with banquets, imbracements, dances, and other amorous delights, at last, the long wisht for day appeared, wherein the solemnity and authority of the Church, should consummate their hopefull longings with those happy

ГЛАВА 2

Царь Дмитрий, лично приезжает в Польшу с почетной свитой и там со всей торжественностью женится на польской принцессе. Возвращается в Россию в сопровождении охраны из пяти тысяч поляков.

После пышных приготовлений Царь Дмитрий отправляется в Польшу, поручив править государством во время его отсутствия одному человеку из знати, кому он особенно доверял, назначив его наместником — своему родственнику Тугус'у. Чтобы увидеть его, отовсюду собираются толпы народа, однако люди не проявляют чувств радости и одобрения ни внешне, ни в душе, что, однако, мало его беспокоит, так как он полагает, что этот новый союз с Польшей настолько укрепил его положение, что ему нет нужды бояться каких-либо внутренних перемен, и от иностранных вторжений он в безопасности. Однако, были некоторые, кто, оценивая возможное развитие событий в будущем, исходя из существующих условий, предсказывали, что этот брак и его последствия, возможно, в будущем приведут его в смятение, что на самом деле и произошло. Тем не менее, мы не будем смешивать испытываемые им наслаждения с неуместными страхами перед будущими бедами, а со всевозможными почестями и радостью перенесем его со своих территорий в Польское королевство, где он повсеместно встречал такой прием, который соответствовал его положению и превзошел его ожидания.

Совершив много почетных визитов и встреч с большим количеством князей и знати Польши, он, наконец, прибыл к королевскому дворцу. Король в это время находился в Кракове¹⁴, который был столицей Краконии и главной королевской резиденцией. Здесь он получил такие всевозможные почести, о которых мог только мечтать в своем сердце, а также увидел таких красавиц, от которых не мог оторвать свой взгляд. Но в самый больший восторг он пришел, увидев ее, чья красота с самого первого взгляда повергла его в такое изумление, что, обнаружив свои мысли в душе, вместо дара речи он мог пользоваться только глазами и другими органами, дополняющими внешнюю оболочку тела — он не находил слов, чтобы выразить свою радость.

В празднествах проводил он здесь время, удовлетворяя свои собственные желания банкетами, объятиями, танцами и другими

imbrascings, and that true touch of ioy that languishing Lovers feele in the height of pleasure, which then is at the full, when with simpathy of affection that sweete is mutually tassed betweene them with reciprocall desire, as it was betwixt these two Lovers, in whom no compulsory consent did enforce mariage: neither was there any incompacible bloud betweene them to over-sway or dull affection: for they were both of equall yeeres, and both of them the most perfect and absolute frames of nature, that lived at that time in that part of the world. But at last, all things being finished with the time for this Princely mariage, they begin to prepare for their departure, a new desire therein stirring them both, him to review his native Kingdome, and her to behold that land whereof she was now stiled Empresse.

The King and Queene of Poland, a great part of the Nobility, and the richest beauties of the Court accompany them to the frontiers of Russia, the high-wayes, townes and villages being strewed with flowers, and sweet smelling herbes, as if the ground had seemed too base to carry these Princely personages, the people stocking from all parts to see the blazing Comets of these two kingdomes, whose beauties attracted all mens eyes with wonder to behold them.

At last, the day of parting came, wherein these two yong Lovers having taken their leaves, with severall tokens of ioy and sorrow, held on their way by their appointed Journey, first to Smalensco, the chiefe City in the Dukedome of Seveare, where the Emperours Kinsman Tragus in honourable manner met them, here staying awhile // to rest and solace themselves, within few dayes they departed, holding on their course, from thence to the great City of Mosco, where by the directions of the Prince Tragus they were with all State and Magnificence entertained.

Here they lived a while in all delights and pleasure. Who would have thought that this Sunne thus shining but in his morning beauty, could so suddenly have found an Eclipse in this Horizon, even in the high-way of his ascending glory. But with the incertainty of terrene pleasures, this light that brought so great a luster to so great a Nation, was by the same people, whom it beheld with so faire an aspect, suddenly extinct by the malignancie of Fate and opposite Envy, as you shall further heare. The

любовными наслаждениями пока, наконец, не настал тот долгожданный день, когда торжественно и официально церковь должна была скрепить брачными узами их надежды и стремления к тем счастливым объятиям и тем настоящим проявлениям радости, которые томящиеся возлюбленные чувствуют на вершине блаженства, которое тогда становится самым сильным, когда подобная гармония сладострастных чувств, как глоток вина, приходит одновременно к каждому из них, вызывая обоюдное желание, как это и было между этими двумя влюбленными, брачный союз которых не был навязан каким-либо принудительным согласием. Не было между ними и какой-либо несовместимости характеров, являющейся причиной слишком сдержанных или скучных чувств, ибо они были одного возраста и являлись наиболее совершенными и абсолютными творениями природы, какие только жили на этом свете. Но, наконец, когда по истечении некоторого времени все дела, связанные с этим великолепным браком, закончились, они начали готовиться к отъезду, будучи оба охвачены новым желанием: он — снова увидеть свое родное государство, а она — лицезреть эту страну, в которой ее теперь величали царицей.

Король и королева Польши, большая часть знати и наиболее богатые красавицы королевского двора сопровождают их до границ России. Дороги, города и деревни — усыпаны цветами и душистыми травами, как будто земля показалась слишком низкой, чтобы по ней ступали эти царские особы. Отовсюду собрался народ, чтобы видеть яркие кометы из этих двух королевств, чья красота повергала всех созерцающих ее в восторг.

Наконец, подошел день прощания, когда эти двое молодых влюбленных, попрощавшись, выразив как радость, так и сожаление, продолжили свое путешествие, сначала в Смоленск¹⁵, главный город Северского княжества¹⁶, где их с почетом ожидал родственник царя Tragus. Здесь они оставались некоторое время для того, чтобы отдохнуть и прийти в себя. Через несколько дней они снова отправились в путь, держа курс на великий город Москву, где по распоряжению князя Tragus'a их ждала встреча со всем подобающим величием и пышностью.

Недолго они жили здесь, погруженные во всевозможные радости и удовольствия. Кто бы подумал, что это солнце, так сияющее в своей утренней красе, настолько неожиданно может попасть в затмение на горизонте, даже будучи на пути своего триумфального восхождения! Но при неопределенности земных удовольствий

Emperour Demetrius brought with him out of Poland five thousand Souldiers well appointed, to whom he gave the guard of his person, distrusting the fidelity of his owne subjects, which the rather did incense the Muscovite against him, and in short time proved the cause of his bitter overthrowe.

этот луч, который принес так много света такой большой стране, был этими же людьми, освещаемыми им в таком красивом ракурсе, и неожиданно погашен — их злой судьбой и завистью, в чем вы убедитесь ниже. Из Польши царь Дмитрий привез с собой пять тысяч¹⁷ хорошо вооруженных воинов, которым он поручил свою личную охрану, не будучи уверенным в верности своих собственных подданных, что вызвало сильный гнев москвитов против него и вскоре оказалось причиной его горестного ниспровержения.

CHAP. 3

The Emperours guard of Poles abuse his favour, committing many outrages in the City, and in short time fall into great hatred with the Muscovite, Kresevensusce laying hold of this occasion, ioynes with the Muscovite, and growes discontent.

NOW while the Emperour with his Lady delighted in nothing but what might please his fancy, spending whole dayes and nights in Banqueting and Revels, thinking all safe and secure, the Poles being a people proud in their owne manner, and that pride nowe doubled in them by the Princes favour, commit without controlement many outrages in the Mosco, and other places // adioyning, so that by degrees (in short time they came to be extreemely hated of the Muscovite, which Vansusce perceiving would oftentimes complaine so farre as he durst to diverse of his friends the Muscovites, both of the Indulgence of the Prince, and insolency both of the Pole, alleaging probability of a Tyranny in the sonne, more unsufferable than that of his fathers.

Who foresees not saith Vansusce, that perceives any thing, how this new Alliance with Poland is like to prove fatall to Rushia, who sees not that these rude beginnings, are certaine signes foregoing much greater mischiefes, if they be not in time prevented, we are scarce now secured of our wives, children and goods, but that many times they passe the hazard of their barbarous cruelty, if five thousand Poles keeps us thus in awe, committing such outrages (whereof there are daily complaints) without controulement, what will their greater numbers doe, whereof there is a continuall expectance: the Prince sleeps and dallies in the delights of his new love forgetting his old friends, his own people are disesteemed, the Pole hath all estimation, no Rushian sues at Court but (if he will thrive) must have a Pole to his Advoacte, nothing that is by the Pole begged, but is by the Prince granted, without respect of common profit, the principall Offices begin already to be transposed both in Court and City, what

ГЛАВА 3

Польская охрана царя, злоупотребляя его благосклонностью, совершает множество преступлений в городе и вскоре становится объектом сильной ненависти москвитов. Knesevansusce, воспользовавшись этим случаем, объединяется с москвитами и сеет недовольство.

В то время, как царь со своей супругой предавался наслаждениям, удовлетворяя все свои прихоти, проводя все дни и ночи напролет в пиршествах и кутежах, считая что все дела находятся в надежном и безопасном состоянии, поляки, будучи людьми по своей природе гордыми, и это чувство гордости становилось у них вдвойне сильным за счет благосклонности государя, совершили, находясь без надзора, множество преступлений в Москве и прилегающих землях и постепенно в течение короткого периода времени оказалось, что москвиты их стали ненавидеть величайшей ненавистью. Осознав это, Vansusce часто выражает своим различным друзьям москвитам в той степени, насколько он может отважиться, недовольство как терпимостью Князя, так и наглостью поляков, утверждая, что тирания сына, вероятно, будет еще более невыносимой, чем тирания его отца¹⁸.

«Кто не предполагает, говорил Vansusce, если он осознает и видит в какой-либо мере, как этот новый союз с Польшей может оказаться губительным для России, что эти жесткие начала являются определенными признаками, предшествующими гораздо более великим невзгодам, если их не предотвратить вовремя! Мы теперь едва ли спокойны за наших жен, детей и имущество, напротив, уже много раз они подвергались опасности от их варварской жестокости. Если пять тысяч поляков держат нас в таком благовеином страхе, совершая такие насилия (о которых поступают каждый день жалобы) без контроля, что же они будут делать, когда их число будет больше, чего постоянно можно ожидать! Князь спит и тратит время в усадях своей новой любви, забывая о своих старых друзьях. Его собственный народ презираем в то время, как поляки пользуются всевозможным почетом. Ни один русский не обращается в суд, но (если попытается) должен иметь в качестве защитника поляка. Что бы поляки ни попросили, государь им дает, независимо от общих интересов. Главные учреждения как при дворе, так и в городе уже начинают меняться. Что нас ожидает, кроме даль-

shall we looke for but a declination still from bad to worse untill we have lost all, and the Pole hath got all.

These words together with their outrages had so incensed the Muscovite that there wanted but occasion to raise an innovation which unluckely was soone after proffered, for a Polish Gentleman casting by chance his eye upon a Marchants daughter of Mosco, a virgine of excellent bewty, was so intangled in her love, that having tried all waies for the obtaining his desire by intreaties, and gifts, and finding stil his suite to returne in vaine, was neverthesse so ardent in his outrageous lust, that having trayned her by // devise into a place of conveniency, where in the pursuite of his desire all faire waies being denied him, he in a most barbarouse manner ravisht her. This defrowred damsell with great sorrow and heavinesse complained to her friends of this vile abuse.

When the causes of our griefes exceede all bounds, it workes in our minds diversity of effectes, not immoderately those that follow our ordinary afflictions, or the customary crosses of fortune, which draw our sighes, tears, and other common tokens of calamity, but in the excesse of grief when the object whereof presents a veiw beyond al patience or sufferance, if so distracts the minde and astonisheth the senses that reason giving way to sorrow we fall into a boundlesse Ocean of the extreamest passions, such was the involved heart with grieve in that spectacle of all misery Hecuba Queene of Troy, who seeing herselfe betraid Ilrum set on fire, her Lord Priame slaine, her children murdered, and that flowre of all beauty Polixena (in the love of whome that mirror of all knighted Achilles sight) slaine in her owne armes, by unrelenting Pirrhus, in the view of these miserable objects she was so far from finding ease in the bitterance of sorrow, that shee lost herselfe in the Daze and Labrinth of madnesse, the like was that of Niobe upon the slaughter of her seven sonnes by the Goddesse Latona, who in the sight thereof was so astonished with sorrow, that the Poet sained her turned into a stone, no much unlike was the state of the friends of this deflowred damsell, who having seene their daughters teares and knowen the cause of hir grievance fell presently from the passion of sorrow to the passion of rage, and in a furious manner with resolved purposes but unguided steps ran to Court, complaines of this abuse with frantike and unseemly gesture, set forth the

нейшего падения от плохого к наихудшему, когда мы потеряем все, а поляки получают все!».

Эти слова в сочетании с их [поляков] произволом так распалили московитов, что требовался только повод, чтобы поднять восстание, и таковой, к несчастью, в скором времени предоставился, ибо один польский дворянин случайно обратил свой взор на дочь московского купца, девственницу замечательной красоты, и настолько вспылал в любовных чувствах к ней, что после того, как испытал все пути удовлетворения своего желания в виде переговоров и подарков и увидел, что его притязания остаются по-прежнему тщетными, но тем не менее будучи настолько пылким в своей преступной похоти, он обманом заманил ее в удобное место, где, поняв, что все честные пути исполнения его желания отвергаются, изнасиловал ее самым варварским образом. Эта обещанная девица, будучи в глубоком горе и несчастье, пожаловалась на это гнусное оскорбление своим близким¹⁹.

Когда причины наших горестей переходят все границы, это производит в наших умах самые различные крайние проявления, не те, которые следуют за нашими обычными недугами или привычными нам ударами судьбы, что вызывают наши вздохи, слезы и другие обычные знаки несчастья, а те, которые в состоянии чрезмерного горя, объект которого представляет из себя нечто сверх всякого терпения или страдания, это настолько помрачает ум и поражает чувства, что здравый смысл уступает место скорби и мы падаем в безбрежный океан самых крайних страстей. В таком сложном горестном состоянии в той наиболее несчастной драме было сердце королевы Трои Гекубы²⁰, которая, увидев, что ее предали, что Илрум находится в огне, ее супруг Приам²¹ сражен, ее дети умерщвлены, а эта цветущая красавица Поликсена²² (в любви к которой пребывал зеркало всех рыцарей — Ахилес) убита прямо у нее на руках безжалостным Пирром — при виде всех этих горестей она была настолько далека от того, чтобы найти облегчение в выражении своего горя, что затерялась в переплетениях лабиринта безумия. Подобно этой была судьба Ниобеи²³, которая после убийстве ее семи сыновей богиней Латеной²⁴ была настолько поражена горем, что, как сказал поэт, превратилась в камень. Не очень далеко от этого было состояние близких этой обещанной девицы, которые, увидев слезы своей дочери и узнав причину ее горя, тотчас же из чувства скорби впали в чувство гнева и в ярости, с решительными намерениями, не контролируя себя, побежали в суд, где

guilt of this abominable fact in the presence of the Emperour, and after a violent manner, rather commanding then craving iustice, what hath we committed (saith the father to this wronged damsell) that we your natural people having // beene so long brought up under your Lawes, Religion, and Government, should be so farre distrusted of our loyalties, and so much distasted in our affections that you should repose your selfe in a strange guard, and expose us to their cruelty. What outrages have they committed since the comming of your Queene into Mosco, sparing neither age, sex, nor quality, how many complaints have beene made of their abuses, but no redresse; and I the sad father to this deflowred virgin perceive by your looks that I speake in vaine, the way to oppression is plaine and open, the path to Justice is untrodden, the King is a stranger to his subiects and a King to strangers, the Muscovite held himselfe wretched under the government of your father, but was much more under your tyrannie, these last words did so incense the Prince, that with his foote he spurned the father of this damsell from him, and being by rage wholly transported from reason without any respect, either to the complainants cause, or the Muscovites discontent, committed him as a mutiner together with his wife and this wronged damsell to prison, who causing them there to be laden with Irons, did there by so overlade himselfe with the hatred of his people, that in short time it proved a burden too heavy for him to beare, overpressing him so much that it deprived him of his Empire, in the end of his life, as the sequell shall declare.

принесли жалобу на это оскорбление, нанесенное в возмутительной и непристойной манере, при этом они больше требовали, чем просили о справедливости: «Что мы совершили, — сказал отец этой опозоренной девицы, — что мы, ваши подданные, которые так долго жили под вашими законами, религией и правлением, должны настолько подвергаться недоверию в нашей верности и внушать такую неприязнь в наших качествах, что вы поручили свою охрану иноземцам и подвергли нас их жестокости! Какие бесчинства они совершили со времени приезда вашей царицы в Москву, не щадя ни старости, ни пола, ни знатности людей, как много было жалоб на их злоупотребления — и нет никакого улучшения; и я, опечаленный отец этой обесчещенной девушки, вижу по вашему виду, что говорю тщетно. Путь к угнетению прост и открыт, а тропа к справедливости не проторена, царь является иностранцем для своих подданных и царем для иностранцев, москвиты чувствовали себя несчастными во время правления вашего отца, но гораздо более несчастными они являются под вашей тиранией». Эти последние слова настолько воспламенили государя, что он оттолкнул ногой отца этой девушки и, будучи в гневе, полностью потерял способность здраво судить как о причинах этой жалобы, так и недовольства москвитов, и повелел посадить его как мятежника в тюрьму вместе с женой и обесчещенной дочерью.

И, заставив их сидеть там под тяжестью оков, он настолько перегрузил себя тяжестью ненависти своего народа, что вскоре это оказалось для его непосильной ношей, давящей на него так сильно, что она лишила его государства в конце его жизни, о чем пойдет повествование дальше.

CHAP. 4

Vansuske with the aide of the Muscovite rebels, surpriseth the great Castle or Palace of Mosco, kills all the Poles in one night, in this garboile the Emperour is bruted to be slaine, but with the aid of a trusty servant escapes secretly with his Lady disguised.

The newes being spread abroad the great Citty, of the usage of his Marchant, his wrongs and uniust imprisonment, together with his wife and daughter, the Muscovite in more open manner bewray their discontents on to another, and all against the Pole, so farre forth that they begin to mutiny, stocking together in great Companies with minds of resolution to revenge themselves for the wrongs received, which the Pole understanding, keepe within the great Pallace, not daring to stirre abroad: The Prince looking (but too late) into the danger, imploie certaine Noble men of his Court, such whom he knew to be gracious with the people for the quieting of these tumults, by whose care and industry in short time they seemed to be pacified, not appeased, the Marchant, his wife, and daughter delivered, not contented, a punishment upon the offender imposed, not executed, a satisfaction promised, not performed, so that this fire was for a time smothered, not extinguished, which shortly after broke forth in such violent manner, that the flame thereof had well neere consumed the whole Empire.

The Prince being much perplexed in minde with these garboiles and continuall dangers of innovation, demands counsel of his friends what were best to doe, rather for prevention of mischief then pacification of the people, the best counsell was given to appease; to apply himselfe to a gentle // and debonaire behaviour towards his subiects, that obedience was better from love then feare, to send backe the Pole, into his Country, to betake the gard of his person to his owne people and to apply his government to the nature of the Muscovite. But the worst, is followed which is to fore-stall to make his Guard stronger with the aide of the

ГЛАВА 4

Vansusce с помощью мятежных московитов неожиданно нападает на замок или дворец в Москве и уничтожает всех поляков за одну ночь. В этой суматохе царя убивают, как ходят слухи, но он с помощью преданного слуги, изменив внешность, тайно совершает побег со своей женой.

В то время, как по всему огромному городу распространялась весть об обращении с купцом, несправедливости к нему, о его заточении вместе с женой и дочерью, московиты начинают все более открыто выражать свое недовольство, которое так или иначе направляется против поляков и достигает такой степени, что они начинают бунтовать, собираясь большими толпами, с решимостью в душе отомстить за допущенные к ним бесчинства. Понимая это, поляки держатся внутри дворца, не осмеливаясь передвигаться за его пределами. Государь, увидев (но слишком поздно) опасность, использует некоторых представителей знати его двора, тех, которых он знает как людей, способных быть снисходительными к народу, чтобы усмирить эти волнения. В скором времени своей заботой и усердием они, кажется, успокоили, но не умиротворили, людей — купец, его жена и дочь были освобождены, но не удовлетворены, на офицера было наложено наказание, но оно не было исполнено, сатисфакция обещана, но не выполнена, — так что этот огонь был на время ослаблен, но не потушен до конца, и некоторое время спустя разгорелся так сильно, что его пламя чуть было не поглотило все государство.

Государь, будучи очень растерянным в душе из-за этих волнений и сохраняющейся опасности восстания, просит у своих друзей совета, что лучше сделать не столько для предотвращения беды, сколько для усмирения народа. Самый лучший совет, который ему был дан, состоял в том, что для умиротворения своих подданных ему надо лично применить к ним доброе и приятное обхождение, что послушание из любви лучше послушания из страха, что надо отослать поляков назад в свою страну и поручить его личную охрану своим собственным людям, а также что надо править так, как этого хотят московиты. Однако он последовал самому худшему совету, который состоял в том, что надо предвосхитить [события] — усилить свою гвардию с помощью поляков, укрепить дворец и дру-

Poles to fortifie his Pallace and other places of command in the Mosco, to rule by force not love, and utterly to disgrace and distrust the Muscovite, to this end, and for these purposes were there messengers secretly sent into Poland for ten thousand souldiers more to be entertained under his pay for the saveguard of his person.

When distrust once growes in a Princes minde and hatred once settled in the subiects hearts, they are hardly removed, as was well found in this Prince and people, howbeit if at that time he had followed the best counsell to have cassiered the Pole and entertained the Muscovite for his Guard, undoubtedly hee might long have rained a happy Prince over a happy people, and prevented infinite mischiefes that followed even to an utter destruction of himselfe and great desolation in the Empire: And thus in the beginning ends the last act of his Sceane, and now begins the first act of his tragedy, and as the first was short and full of pleasure so this last was long and more full of misery, for his old adversary Knesevasusce understanding of the close dispatch of the Emperours messengers into Poland for this new supply foreseeing that the Prince would then be too strong for him, except hee should openly raise his powers, and so put it to the hazard of a batell, the end whereof he wist was doubtfull, as well for the number of the Poles that were knowen to be much better souldiers then the Muscovite, as also for some few Noble men in Court both of land and power, whom he knew were fast unto the Prince, and might soone raise there forces: held it his best for the pursuing of his designs to take the advantage of the occasion present, & by a sudden surprise with // the helpe of his friends to make a new slaughter in the Pallace and places adioyning not only the Poles but also of the Prince himselfe his chiefe friendes and followers. To this end and bloody purpose he sendeth secretly to his friends & such as he specially trusted in the Citty to be in a readinesse armed at an houre appointed, and as the Poet saith, *Tenebris audacia crescit*: the night was held fittest for this deed

гие места в Москве, имеющие важное значение, править силой, а не любовью, и полностью лишить московитов благосклонности и доверия. Для этого и с этими целями в Польшу тайно были направлены гонцы, чтобы получить дополнительно десять тысяч воинов, которые будут оплачиваться им для несения его личной охраны.

Когда в душе правителя есть ростки недоверия, а в сердцах его народа упрочилась ненависть, их вряд ли можно устранить, как это хорошо видно на примере этого государя и его подданных. Однако, если бы в этот момент он последовал лучшему совету — выгнать поляков и назначить в его гвардию московитов, он бы, несомненно, добился долгого правления счастливого государя над счастливым народом, а также предотвратил бесконечные невзгоды, которые последовали за этим и даже привели к его полному уничтожению и великому разорению в государстве. Таким образом, в самом начале заканчивается последнее действие его комедии и теперь начинается первое действие его трагедии, при этом насколько первое было коротким и полным удовольствия, настолько второе было длинным и еще более полным невзгод. Ибо его старый противник Knesevansusce, понимая, что только что отправленные в Польшу гонцы царя посланы за свежим пополнением, предвидя, что в этом случае государь будет иметь над ним слишком большое преимущество, если только он открыто не поднимет свои силы, положившись, таким образом, на волю случая в битве, исход которой, как он знал, был сомнительным — как из-за численности поляков, которые считались более хорошими воинами нежели московиты, так и по той причине, что некоторые люди из знати при дворе, обладающие и землями, и воинской силой, как ему было известно, были верны государю и могли вскоре поднять эту силу, посчитал, что самым лучшим для выполнения его планов было воспользоваться существующими преимуществами и, неожиданно напав на поляков с помощью его друзей, устроить новую бойню не только им, но также и самому государю вместе с его близкими друзьями и сторонниками, находившимся во дворце и прилегающих районах. Для претворения в жизнь этих кровавых целей он тайно оповещает своих друзей в городе, которым он особо доверяет, быть в назначенный час при оружии в готовности и, как сказал поэт, «*Tenebris audacia crescit*»^{*} — для этого дела, (требующего)

^{*} «Темнота придает смелости» (лат.)

of darknesse, & the Pallace itself was made the publike Theatre whereon was acted this horrible massacre, the night being come they stocke on all sides to the house of Vansusce, all waies being fore-laide to prevent intelligence of this bloody proiect, his friends and followers being thus assembled together to the number of ten, or twelve thousand, all armed for the purpose: Vansusce prepares for this bloody assault, telling them with words of much incouragement that now the long lookt for time was come, that would make the Muscovite famous to all posterity in the delivery of themselves from the cruell tyranny of the Poles, the experiment of whose proud natures and bloody dispositions they were too well acquainted with in their owne particulars, and that now the houre was come, wherein they might revenge at full the vilde abuses and intollerable wrongs of this unsufferable stranger, and free the Citty and the land of so dangerous a Wiper, these words of Vansusce, together with the credit and opinion that was held of him that spake them, did so stirre up the spirit of the Muscovite to the enterprise of this attempt, that most of them with an universall consent of revenge, the rest-carried with hate and desire of spoile ran in disordered troupes from the house of Vansusce to the Pallace of the Emperour which was two miles a sunder, now was there one Glasco a Secretary, and in speciall trust with the Emperour, howbeit a most vile traitor, for being privy to all Vansusces proiects he was the only meanes for their entry into the Pallace, this Glasco shall carry the stampe of infamy, and for ever leave it to his name and memory, who had he beene faithfull to his Lord and // Master might have discovered this horrible treason, prevented the infinite mischiefes that followed, preserved the life of his Prince, and purchast to himselfe immortal glory.

The entry was made with little resistance into the base Courts, where having once set foot, they cry out, liberty, liberty, liberty; kill, kill, kill; the Poles some naked, some weakely armed, according to the shortnesse of the time, passe with small defence the cruelty of the enemies swords, & it fell out as Vansusce had expected, for others that knew not the matter hearing the Larum-bell rung in the Pallace, came from all parts, and understanding that Vansusce was there in person, without inquiring further fell presently to execution, killing all they found, as well

темноты, наиболее подходящим временем была выбрана ночь, а сам дворец был превращен в публичный театр, в котором была сыграна эта сцена ужасной резни. Когда наступила ночь, они собрались вокруг дома Vansusce, на всех путях к которому были устроены засады с тем, чтобы никто не проведал об этих кровавых планах. Таким образом, вооруженных с этой целью друзей и приверженцев Vansusce собралось от десяти до двенадцати тысяч. Vansusce подготавливает (людей) к этому кровавому штурму, выступая перед ними с горячими словами о том, что теперь пришло долгожданное время, которое прославит москвитов перед всеми потомками за избавление от жестокой тирании поляков, надменный характер коих они испытали на себе и хорошо знакомы с их кровавыми делами, что наступил час, когда они могли бы сполна отомстить за дикие преступления и невыносимые случаи несправедливости со стороны этих несносных чужеземцев и освободить город и страну от этой опасной гадины. Эти слова Vansusce вместе с уважением и высоким мнением о нем настолько подняли решимость москвитов осуществить эту попытку, что большинство из них, горя всеобщим желанием мести, а остальные, воодушевленные ненавистью и желанием прикончить (врага), разрозненными отрядами поспешили от дома Vansusce к дворцу царя, который находился в двух милях оттуда. В то время был некий Glasco²⁵, секретарь, пользовавшийся особым доверием царя, который, однако, оказался самым вероломным предателем, так как, будучи посвященным во все планы Vansusce, он был единственным средством их проникновения во дворец. Этот Glasco будет нести клеймо позора и оно навсегда останется связанным с его именем и памятью о нем. Оставшись верным своему царю и господину, он, возможно, открыл бы эту ужасную измену, предотвратил последовавшие за ней бесконечные невзгоды, спас жизнь своему царю и заслужил бессмертную славу.

Встретив слабое сопротивление, они проникли на нижние помещения двора и, оказавшись там, стали выкрикивать: «Свобода, свобода, свобода, убить, убить, убить». Поляки, некоторые голые, некоторые плохо вооруженные из-за отсутствия времени, оказали слабое сопротивление жестоким мечам неприятеля, и оно, как Vansusce и ожидал, было подавлено, так как остальные, не понимая причины звона набатного колокола, собирались во дворце отовсюду и, узнав, что там находится лично Vansusce, они не задавали дальнейших вопросов, а начали творить расправу, убивая на своем

Muscovite as Pole, that bare office in the Court; now was there nothing heard in the Pallace but a horrible and confused noise of armour, Horses, and harqubuses; a pittifull crie of all sorts of people, of all ages, and conditions going unto death, and the pitillesse shoutes of murtherers, the Pallace died over with blood, to the which (though having made choice of darknes) they neverthelesse set fire to give them light for the execution of this masacre, two houres murder and rapine make this one night famous in the infamy of the executioners, to whom also afterwards it proved so fatall, as all of them were enforced to confess that mans blood spilt violently, when as the manner whereof, cannot lawfully challenge, the quallification of iustice is odious in his sight; who having created man according to his owne image, sels his blood deerely to the authors of such effusion, neverthelesse this was but the exordium, or entrance, or first, or least part of this Tragicke Sceane, for when their way was made into the inward Courts by fire and sword, they spared none of any degree or calling, every object they saw in the Court was a subiect to their fury.

The Emperour and his Lady being in the heart of the Pallace imbracing one another, in great dolour and heaviness determine yet nobly to die together, whilst a trusty // servant of the Emperours found away and meanes for their escape, the Prince in the habit of a slave, the Lady in mans apparel, thus in great sorrow and feare these two younge lovers in this disguise tooke hand in hand, and with their faithfull guide by his direction past through by(waies out of the Pallace, then burning about their eares: he deserveing for his care and duty to his Prince, no lesse fame and memory then that patterns of all piety Aeneai did carrying upon his shoulders his old father Anchises, even through the flames of Troy.

пути всех, кто служил при дворе — и московитов, и поляков. Теперь во дворце были слышны только ужасный глухой шум, исходящий от доспехов, лошадей и аркебуз, жалобные крики людей всех возрастов и званий, шедших на смерть, безжалостные возгласы убийц. Дворец захлебнулся в крови, к тому же, они (хотя они ранее выбрали темноту) тем не менее разожгли огонь для того, чтобы освещать эту резню. Убийства и насилия, продолжавшиеся в течение двух часов, создали позорную известность этим палачам, которая для них же впоследствии оказалась фатальной, поскольку все они были вынуждены признаться в том, что жестоко пролили человеческую кровь. Когда подобные действия могут претендовать на законность, закон в этом свете выглядит отвратительно. Тот, кто создал человека по своему подобию, воздаст по заслугам авторам такого кровопролития. Однако, это было еще только введением, вступлением или первой, самой маленькой частью этой трагической сцены, так как когда мечом и огнём они добрались до внутренних покоев дворца, они уже не щадили никого, невзирая ни на чины, ни на должности, — любой, кто встречался на их пути во дворце, становился объектом их ярости.

Царь и царица, будучи в самом сердце дворца, находились в объятиях друг у друга, и в глубокой печали и в подавленном состоянии намеревались уже умереть вместе, когда один из истинно преданных слуг царя нашел путь и средство их спасения. Царь в облачении слуги, царица — в мужской одежде²⁶ — так, будучи в большой скорби и сильном страхе, эти двое возлюбленных, переодетых подобным образом, взялись за руки и с помощью их преданного проводника вышли окольными путями из горящего дворца. За свою заботу и исполнение своего долга перед государем этот человек заслуживает не меньшей славы и известности, чем образец добродетельного поступка, Эней²⁷, который нес на своих плечах своего старого отца, Анхиса, через охваченную пламенем Трою.

CHAP. 5

Demetrius with his Empresse flies to the Dukedome of Collooge, and findes entertainment, Vansusce bruits him dead, and causeth one like him to be carried thorow the Citty murdered, the Muscovite beleeves it.

Thus these two young Princes sprung from the lines of Kings, in the chiefe pride of their flowring youth, and beauty, in the height of all their state and dignity, in the midst of all their pleasures and delights, from the happy society of their friendes and great Allies, are now by the vilde treachery of Vansusce, their sworne subiect, and forsworne battaile, brought from their Imperial greatnesse to so wretched and miserable a state, as not the meanest in the Empire would now willingly change fortunes and conditions with them.

But to returne to their tragicke story: They having by the aide of their trusty guid past the feares and dangers of the Pallace, tooke the river of Volga, in a little boate, the Prince himselfe helping his trusty servant to row downe the streame, & what a piteous sight it was to behold a Prince that but the day before held a Septer of so rich // royall and spacious kingdome served in all state and maiesty, attended on with Nobles, and infinite numbers of men, to be now tugging at a simple Oare, and labouring for his life to preserve her, whom above his life, and all the world hee preferred, and of all that he inioyed but three houres before, to have only this remnant left that he might call his owne, his desolate Queene, his faithfull servant, and two silly Oares, and a little Boate.

But holding on our course, we must publish to the world those dolorous occurrents, and heavy calamities that followed, to fill up this sad Sceane of sorrow with matter more tragicall then that of Seneca, in the wretchednesse of Locasta, or that of Homer in the miseries of Hecuba: thus this poore rich remaine of Rushia, these two pretious iewels pluckt rudly from their golden frame, these two great personages, in this little Boate, easing themselves in this heavy burden of care by the naturall participation of sorrow, and comforting themselves in the sight each of other, hold on their course towards the Dukedome of Colloga, some

ГЛАВА 5

Дмитрий с царицей совершают побег в Калужское княжество, где находят приют. Vansusce сеет слухи о том, что он (Дмитрий) мертв и по его распоряжению похожего на него убитого проносят через весь город, чему москвиты верят.

Таким образом, эти две царственные особы, происходящие из двух царских династий, будучи в самом расцвете своей молодости и красоты, на самой вершине своего положения и достоинства, в самый разгар удовольствий и наслаждений, из счастливого общества своих друзей и ярых сторонников, из-за жестокой измены Vansusce, принесшего им клятву на верность, из царского величия пришли в такое несчастное и жалкое состояние, что даже человек самого низкого происхождения в государстве теперь не захотел бы поменяться с ними судьбой и жизненными условиями.

Но возвратимся к их трагической истории. Преодолев с помощью их преданного проводника страхи и опасности дворца, они сели на маленькую лодку и поплыли по реке Волге. Государь сам помогал своему надежному слуге грести против течения, и какое жалкое зрелище было созерцать того, кто еще накануне держал царский скипетр и правил во всем великолепии и величии таким богатым и обширным государством, окруженный знатью и бесчисленным количеством людей, а теперь грёб с помощью простого весла и отдавал все жизненные силы за спасение той, которую любил больше своей жизни и всего мира, и из всего того, чем он наслаждался всего лишь несколько часов назад, единственно что он мог назвать своим собственным, остались лишь его безутешная царица, верный слуга, а также два жалких весла и маленькая лодка.

Но, придерживаясь нашего курса, мы должны предать огласке для мира эти следовавшие затем печальные события и тяжелые бедствия с тем, чтобы заполнить эту драму материалом более трагичным, чем описанные Сенекой бедствия Иокасты²⁸, или повествование Гомера о несчастиях Гекубы²⁹. Итак, эти несчастные богатые осколки России, эти два драгоценных камня, грубо вырванные из своих золотых оправ, эти две великие личности, двигаясь на маленькой лодке, постепенно успокаивались от тяжелого бремени забот, разделяя друг с другом печаль и находя утешение, видя друг друга, и держали курс на Калужское княжество³⁰, кото-

fourscore verse, as the Rushe calls it, from the great Citty of Mosco, which is about threescore miles English, a place for the natural scituation so defensible, by reason of Rivers, Rockes, and Castles, that with an Army it is well neare unaccessible, Demetrius having heere safely set his foote, the whole Dukedome did generally entertaine him, some also of the Nobility, and many of his old servants that had past the dangers of the Pallace, and the tiranny of Vansusce fled unto him, in whose sight hee comforted himselfe with this, that he was not utterly forsaken, thanking almighty God upon his knees, that his state thorough this treason was not reduced to so low an ebbe but that hee might yet live, to out-live this misery, and sith hee was in this short time raised from the attendance of one servant and a little Boate, to the possession of many servants and a whols Dukedome, he might also afterward, by the revolution of time, and fortune, recover and repossesse his whole // Empire, checking his present feares with the hope of future contingents, striving thus to make a body of a limbe, and to beguile the actuall condition of his fortunes with imaginary conceits of better: But we will now leave this crosse starrrd Prince in the sorry comfort of his wan hopes, building new Castles in the aire, while his fatall enemy Vansusce possesseth his old Castles in the Empire, and letting him rest a while, after the unrest of that dismall night, we will now returne where we left Vansusce burning, or spoyling that great Castle and Pallace of Mosco, the royall Seate of many Emperours in many precedent ages, which had bens a building many yeares, and was thus miserably in one night destroyed, or so much defaced, that to this day it is not re-edified: now must we bring upon the stage Usurpation attainders, forfeitures and confiscation of Lands and Goods, plots, and stratagems to supplant, polices and devices to establish a Crowne uniuistly gotten, upon an Usurpers head, that is never at rest, or seldome sleepes in quiet.

Vansusce notwithstanding that every thing succeeded according to his desire: but that which was the maine of his proiect, the slaughter of

рое находилось от великого города Москвы примерно в восьмидесяти верстах в измерении русских, что составляет около шестидесяти английских миль. Это место, благодаря своему естественному местоположению было настолько хорошо защищено за счет рек, скал и укреплений, что при наличии там армии было почти недоступным. Когда Дмитрий, оставив опасности позади, вступил на эту землю, его встречало все население княжества, а также часть знати и многие из его старых слуг, которым удалось пройти через опасности дворца и уйти от тирании Vansusce; они поспешили навстречу к нему, при виде чего он нашел в этом большое успокоение в том, что его не полностью покинули, и на коленях поблагодарил Всемогущего за то, что его положение из-за этой измены не стало безнадежным, что он сможет выжить и пережить это бедствие, и, если за такое короткое время он смог подняться от забот одного слуги и наличия одной маленькой лодки до владения многими слугами и целого княжества, он, возможно, впоследствии через некоторое время и при благоприятном раскладе судьбы сможет восстановить свою власть и вновь овладеть всем государством. Обуздывая свои страхи за счет надежд на будущие возможности, стремясь таким образом создать всю плоть из одной конечности, он скрашивал действительное состояние своей судьбы с помощью рисуемых в своем воображении планов на лучшее.

Но мы теперь оставим этого находящегося на пересечении звёзд государя в жалком утешении его слабых надежд, строящим новые воздушные замки в то время, как его смертельный враг Vansusce владеет принадлежащим ему прежде замком в его государстве и даёт ему короткую передышку после волнений той мрачной ночи, и вернемся туда, где мы оставили Vansusce, сжигающим и опустошающим московский замок, престол многих царей, который в течение многих предшествующих веков стоял монолитом, а теперь за одну ночь был уничтожен и настолько разорен, что и поныне не восстановлен. Мы теперь должны вывести на сцену узурпаторов, объявляющих людей вне закона, лишаящих их прав и конфискующих земли и имущество, организующих заговоры, идущих на хитрости, чтобы выжить, ведущих политику и строящих планы, каким образом водрузить незаконно полученную корону на голову узурпатора, который никогда не пребывает в покое и редко спокойно спит ночью.

Vansusce, несмотря на то, что всё успешно завершилось в соответствии с его желаниями и планами, кроме главного — убий-

the Prince Demetrius, whose escape none but his trusty friends knew of, proceeds in his purposes to make himselfe Emperour, albeit he knew that he had no title thereunto, nor colour like to any.

The mind of man is infinite in opinion and weening, which being once set upon ambition, nothing can stay or limit her adventures, as appeared in Vansusce, in whose way lay two great stumbling blockes, the first was the escape of the Prince, the other was the life and greatnesse of Kinsman Tragus, who was also great in the peoples opinion, him must Vansusce needed reinsure, or he finds a greater enemy expose then Demetrius that was expeld, this must be done secretly, and upon the sudden, and there was no time stackt, for three howers before the appearing of the day that followed this fatall night, a brother of Vansusces, whose name was also Demetrius, was sent to // surprise him with five hundred horse, he lying then at a house of pleasure in the country, some fiftene miles from the Citty, and to bring him prisoner to the Mosco, where by forme of tryall he was to passe such censure as was preindicated for him, in those false crimes and imputations already set downe to be suggested and inforced against him: for he durst not by reason of the peoples favour proceed against his life, but by processe of Law, and because he knew also that it would be a hard matter to surprise him in his house, he causeth a letter of Credence to be counterfeit in the Emperours name, the tenor where of was onely this, That there was some matter of import that craved his present aide at Court, and that he should set all other business aside, and make what speed he could thither, the trust of this letter was committed to that vilde traytor Glasco, as being found the fittest for this negotiation : howbeit there will come a time wherein he that is now an Agent, shall prouve also a Patient in this bloody tragedie, when that treasonable blood that now floweth in his veines, shall be let out even by the hand of him whom he now obeyes, but we will leave him now, and Vansusces brother Demetrius, to their poasting iourney, and returne to the Castle at Mosco, where Vansusce having beheld many dead Carkases, found one that in yeares, savour, and other lineaments of his body, was very like the Emperour, Vansusce layes hold upon this

ства царя Дмитрия, о побеге которого знали только его близкие друзья, приступает к осуществлению своей цели — самому стать царём, хотя он и сознавал, что у него на это нет ни титула, ни права.

Разум человека имеет бесконечное множество мнений и дум, дерзость которых в сочетании с амбициями ничто не сможет остановить или ограничить, как это и оказалось в случае с Vansusce, на пути которого лежали два огромных камня преткновения. Первым из них был побег царя, другим — жизнь и сила его родственника Tragus'a, который в глазах народа был также великим. Vansusce должен был его остановить, иначе бы он нашел в его лице гораздо большего врага, чем изгнанный Дмитрий. Это необходимо было сделать тайно и неожиданно, так как за три часа до рассвета после той роковой ночи брат Vansusce, также по имени Дмитрий, был отправлен с отрядом в пятьсот лошадей с тем, чтобы неожиданно напасть на него (Tragus'a), который в то время отдыхал в загородном доме в деревне, находящейся в пятнадцати милях от города, привести его пленником в Москву, где судить и приговорить к такому наказанию, которое ему было уготовано за те вымышленные преступления и обвинения, уже подготовленные для выдвижения и судебного исполнения против него, поскольку, учитывая его популярность в народе, он (Vansusce) не осмелился покушаться на его жизнь, но решил сделать это в законном порядке, а так как он знал, что застигнуть его врасплох дома — дело трудное, он повелел составить от имени царя фальшивое рекомендательное письмо следующего содержания: что существует очень важное дело, требующее его помощи и присутствия при дворе, и что он должен отложить все другие дела и как можно быстрее прибыть туда. Это письмо было доверено подлому изменнику Glasco, которого посчитали наиболее подходящим человеком для ведения подобных переговоров. Однако, наступит время, когда тот, кто сейчас является исполнителем, окажется также и объектом кровавой трагедии, когда кровь измены, которая течет в его жилах, будет выпущена рукой именно того, кому он в настоящее время служит. Но оставим на время его и брата Vansusce Дмитрия на их пути с письмом и вернемся в московский дворец, где Vansusce, осмотрев множество мертвых, нашел труп, который по возрасту, отличительным чертам и другим характеристикам был очень похож на тело царя. Vansusce воспользовался этой возможностью и, облачив труп в царские одежды, приказал объявить, что царь Дмитрий убит. Для того,

occassion, and having princely apparrelled this dead counterfeit, caused it to be published, that the Emperour Demetrius was slaine: for manifestation where, he causeth this counterfeit to be laid upon a Beere, and with great State to be carried barefaced thorow the great Citty, to their State-house, or common hall, he accompanying the body in person, the people stocking from all parts to see him, believing stedfastly that it was he, but no man beflowing a sigh or funerall tears upon him, such is the nature of the vulgar.

чтобы доказать это, он повелел положить это ложное тело царя на носилки и с великими почестями пронести его с открытым лицом по всему городу в государственную палату, или зал для собраний, при этом он лично сопровождал процессию. Люди, собравшиеся толпами, чтобы увидеть его, без сомнения поверили в то, что перед ними тело их государя, но никто не отдал ему ни прощального вздоха печали, ни траурных слез — такова природа простонародья.

CHAP. 6

The counterfeit body is buried for the Emperor Demetrius, with the state and solemnity of a Prince, Tragus is suddenly surprised and brought prisoner to the Mosco.

Vansusce being come into the publike Hall, colourably attired in blacke, being in himselfe of a Princely personage and presence, maiestically ascended up into a high Throne that was suddenly erected for him, the supposed body of the Prince being laied before the people, where after silence proclaimed, he spake after this manner unto them, with a sad settled countenance and an audible voice. I cannot tell with what passions or affections of griefe and sorrow, my deare Country-men, this dead Prince whom we lately called our soveraigne Lord and Emperour, lies buried in our hearts, but unto me it is the saddest sight, and the most wofull object that ever my unhappy eyes beheld, of whose blood, as the immortall God can witnesse of my cleere heart and innocence, so I protest by the maiesty of him before whom I stand, that with your allowance and consent, I would punish with torture, to all examples this worse then Parricide, were it in the person of mine owne brother, though done in ignorance, as in such unhappy garboiles many such chances happen: If probable witnesse could be produced against him, for it is not fit the earth should beare the murderer of his Prince, but because that matters uncertaine cannot be certainly disposed, we must leave him to his iudgement that knowes as well the intentions as actions of man, it onely resteth that we performe our last duties to the dead, his funerall Rites and Obsequies, which I desire may be with all solemnity accomplished, in whose sudden and untimely death, because we have lost a hope of a continued line for succession in the Empire, and that by the slaughter of the Poles we have drawn // a great and dangerous enemy, it behooves you to make choise of such a one to governe, whose wisdom and valour may be able to maintaine the State and Maiesty of the Empire, and also meet with those opposite occurrent that both maligne it, but first of all, and chiefest of all, it behooves you to cut off all occasions of civill and intestine war: for prevention whereof, we have this morning

ГЛАВА 6

Подложное тело хоронят как царя Дмитрия с почестями и торжественностью, полагающимися царю. Tragus застигнут врасплох, схвачен и в качестве пленного доставлен в Москву.

Vansusce, прибыв в зал собраний подобающим образом облаченным в черные одеяния, имея царскую внешность и осанку, величественно поднялся на высокий трон, неожиданно возведенный для него. Предполагаемое тело царя было положено перед народом. После объявления тишины он, соблюдая скорбное выражение на лице, громким голосом обратился к людям со следующей речью: «Мои дорогие соотечественники, я не могу сказать, какие чувства, скорбь и печаль в глубине души вы испытываете, глядя на этого усопшего царя, которого мы недавно называли нашим повелителем и государем, но для меня это является самым скорбным и самым ужасным, что когда-либо приходилось с горестью лицезреть. За его кровь, чему свидетель вечный всемогущий бог, моя душа чиста и неповинна, поэтому заверяю вас высоким именем того, чье тело находится рядом со мной, и с вашего одобрения и согласия, что подвергну наказанию пыткой в назидание всем этого человека, который даже хуже отцеубийцы, будь то даже мой брат, будь то сделано по неведению, что часто происходит в случаях таких ужасных столкновений, если будет возможным найти свидетеля против него (убийцы), ибо не подобает, чтобы земля носила цареубийцу. Но поскольку неопределенными вещами нельзя определенным образом распорядиться, мы должны отдать суд в руки того, кто знает как намерения, так и действия человека. Нам только остается исполнить наш последний долг перед усопшим — траурные церемонии и похороны, и я хочу, чтобы они были проведены со всей торжественностью. Его смерть очень неожиданна и несвоевременна, так как мы потеряли надежду на продолжение линии престолонаследия в государстве, а убийством поляков мы нажили сильного и опасного врага. Вам должно выбрать того, кто будет править, чья мудрость и доблесть смогут поддержать славу и величие государства, а также справиться с раздорами, которые действительно вредят ему. Но самое первое и главное, что вам надлежит сделать, это положить конец гражданской и междоусобной войне, для предотвращения которой мы сегодня утром послали за

sent for the Princes kinsman Tragus, as well to answer to such supputations of crime as shall be objected against him, as also in this dangerous time to be disposed of by your wisdomes, nought else at this time our dolorous tongue can discourse of but the Princes funerals, which we will hasten to solemnize: and with that word he wipt his eyes, the people were so farre from any tokens of sorrow, that they fell presently to acclamations of ioy, clapping their hands and throwing up their hats, crying, Vansusce, Vansusce, God save Vansusce.

It is a thing worth the observation to note and marke what diversity of shapes hypocrisie puts on, *Hac simulat a sanctis as*, b.c. dissumulat a iniquist as, how many miles distant are words and thoughts of a dissembler, how many unknowne Regions betwixt his tongue and heart, but admit they lie close for a while, they will be discovered when his iustice shall be turned outwards, and though his treasons have for a time undeserved and unsuspected passage, as carring and outward glosse faire and remarkable, yet the day will come when hee shall render an account of his uniust Stewardship, and surrender up and restore back all those false titles and honours which murder, periury, and horrible treason helps him to put on, when by being truly pulled downe from the height of his false greatnesse, he shall be advanced as a marke of terrour to all traitours and treasons, in the meane time, and at all times, his name and memory shall be held odious and infamous to God and all good men, to whom humane society and virtue is had in veneration.

Not long after the living Princes obsequies were with all state and honour solemnized in the person of another, who though he were of base birth and obscure parentage, and perhaps did never any act memorable in his life, was neverthelesse in his death honoured with a Princes funeral, and buried in a Sépulchre of Emperours.

But we must now returne where we left with Vansusces brother Demetrius and the traitour Glasco, who many daies before this counterfeit obsequies had betrayed and surprised the young Prince Tragus, which

родственником царя Tragus'a для того, чтобы он ответил за те преступления, обвинения в которых ему будут предъявлены, а также и для того, чтобы в это опасное время с помощью вашей мудрости избавиться от него. Сейчас наши скорбные души не могут говорить ни о чем, кроме похорон нашего царя, которые мы в скором времени совершим со всей торжественностью». И с этими словами он вытер слезы на глазах, а собравшиеся были настолько далеки от выражения печали, что сразу же перешли к бурному изъятию радости: аплодируя, подбрасывая шапки и крича: «Vansusce, Vansusce, да хранит Господь Vansusce!»

Размышляя об этом, следует отметить и обратить внимание на то, какое разнообразие форм может принимать лицемерие. «*Nas simulat a sanctis as, b.c. dissumulat a iniquis as*»^{*} — на какое множество миль отстоят друг от друга слова и мысли обманщика, как много неизвестного существует между тем, что у него на языке, и тем, что у него на сердце. Но, согласитесь, что в течение определенного периода времени мысли и слова лицемера лежат близко друг от друга, и это будет обнаружено, когда его неправедность выйдет наружу, и, хотя его преступления и имеют некоторое время незаслуженный и находящийся вне подозрений выход, имея внешне обманчиво благоприятный и замечательный вид, тем не менее приходит день, когда он будет держать ответ за свои неправедные дела и лишится всех лживых титулов и почестей, которые он получил с помощью убийств, вероломства и ужасных измен, когда, будучи низверженным с высот его лживого величия, он будет служить символом, внушающим ужас всем предателям и изменникам, и ныне, и во все времена его имя и память о нем будут отвратительны и покрыты позором как для бога, так и для всех добрых людей, которые почитают человеческое общество и его добродетели.

Вскоре после этого были торжественно проведены со всей пышностью и почетом похороны живущего государя в лице другого человека, который, хотя и был низкого происхождения и, вероятно, не совершил в своей жизни чего-либо замечательного, был тем не менее в своей смерти удостоен царских похорон и погребён в царской усыпальнице³¹.

Но мы должны возвратиться туда, где мы покинули брата Vansusce Дмитрия и изменника Glasco, которые за много дней до этих фальшивых похорон предали и захватили врасплох молодого

---

* «Это мнимая святость, притворная строгость» (лат.)

in this manner was effected: early in the morning a little before the breaking of the day, they came within sight of the Castle, where having found within a mile thereof a fit place by reason of certaine copses of wood, and other shrubbish, to plant an Ambuscado, Demetrius took the advantage thereof, lying there close with his men to intrap the Prince upon the way whilst this Achitophel, this Iudas, that had before betrayed his Lord, in a most abhominable manner, goes now also to betray his kinsman, to whom before hee had beene much obliged, but no benefite received, or pleasure done can stay a treacherous heart bent to mischief, for that it is altogether transferred unto the end it aimes at, and neither respects the way it takes, nor the course it holds, though never so foule or indirect, he comes like slie Vlisses, that stole Paladium out of Troy, with a faire face, but a foule minde, a smooth countenance, but a rotten heart; knockes at the Castle gate, and is let in, he understands that the Prince is a sleepe, who God knowes, little drempt of the fatall night his kinsman the Emperour endured, nor of this unhappy day wherein hee himselfe is to be betrayed. Now because that Glasco had told the servants of the house that his business was of such import, that he had it in charge given not to forebeare his rest, they waked the Prince before his houre, who understanding of Glascoes comming was very glad, and sent for him into his bed-chamber, so cleere and true a minde hath innocence upon the Amrite when treason and mischief // is in the Forge. But this vilde traitour Glasco being entered the Chamber, he in very humble manner salutes the Prince, and delivers many suggested complements, together with these counterfeit letters from the Emperour, the Prince with a cheerefull and unsuspected countenance, gives him his hand, bids him welcome, demands of the Prince his health, and the newes at Court, all is delivered in faire manner and coloured over with dissembled words, the Prince beleeves all, and distrusteth nothing, receives and reads the letter without suspicion, making himselfe ready for his journey to Mosco: Thus whilst the tongue and the heart of truth are in one line paralel, the heart and tongue of treason as farre sundered as the Poales, such distance there is from their artlike words to the antartike purposes: the Prince is soone ready, kisseth his faire Lady, making more hast then good speed to goe on with this traitour to the Mosco; from whence he is never to returne, nor ever to behold his wife againe; shee weepes at parting, as bedewing

князя Tragus'a. Это произошло следующим образом: рано утром, незадолго до рассвета они подошли к месту, с которого был виден замок, где на расстоянии одной мили от замка в небольшой рощице, состоящей из деревьев и другой растительности, они нашли подходящее для засады место. Дмитрий залёг там со своими людьми, чтобы перехватить князя в пути, в то время как этот Ахтиофель³², этот Иуда, который до этого самым гнусным образом предал своего господина, теперь шел также предавать его родственника, которому прежде был так многим обязан. Но никакие полученные выгоды или предоставленные удовольствия не могут остановить вероломное сердце, склонное ко злу, поскольку оно полностью направлено на ту цель, которой служит, и, не считаясь ни со способами, ни с путями ее достижения, какими бы грязными или окольными они ни были, он приходит, как коварный Улисс³³, который выкрал Паладий из Трои, с честным лицом, но грязными намерениями, со спокойствием в поведении, но с гнилой душой. Он стучит в ворота замка и его впускают, он понимает, что князь почивает во сне, и только Бог знает, как мало было позволено поспать в эту кровавую ночь его родственнику царю, и каким несчастливым будет для него самого этот день, когда он будет предан. Итак, поскольку этот Glasco сказал слугам в доме, что его дело настолько важно, что он уполномочен не считаться с отдыхом князя, они разбудили его. Узнав о прибытии Glasco, он был очень рад и послал за ним, чтобы его провели в спальню — насколько бессмертна чистота и искренность невинности на фоне слитых воедино измены и зла. Но вот этот гнусный предатель Glasco входит в спальню и в очень почтительной манере приветствует князя, делает ему множество тонких комплиментов, а также вручает фальшивое письмо от царя. Князь в бодром настроении, ничего не подозревая, протягивает ему руку, радушно приветствует его, спрашивается о здоровье царя и новостях при дворе. Всё это сообщается в учтивой манере и окрашивается лживыми словами. Князь верит всему, берет и читает без тени подозрения письмо и готовится к поездке в Москву. Итак, в то время, как с одной стороны слова и правдивое сердце идут параллельно друг другу, сердце и язык изменника настолько далеки друг от друга, насколько далеки земные полюса — такая дистанция лежит между его арктическими словами и антарктическими целями. Вскоре князь готов отправиться в путь, целует свою красавицу жену, собираясь не просто быстро, а как можно поспешнее отправиться с этим изменником в Москву,

his hidden fate with her open teares, whether of present love, or fore signifying sorrow, they mount on horse-backe, and with halfe a doozin of the Princes followers they post towards the Mosco, till they came within the compasse of the Ambuscade, that all this while late as still as midnight, the larum being given on the sudden, they surprise him and detaine him prisoner, there could be no resistance, the Prince seeing himselfe thus vildly betraied, and by him also whom he especially trusted, bouldly desired to know the cause, and whether it was the Emperours pleasure that he should be thus held in captivity, they answered him churlishly, that he should know the rest at his returning to Mosco, and when he began in goodly tearmes, as he was an excellent wel spoken man, to bewray his innocense, they staied not the end of his speech, but crudely put him forward, at which the Prince sighed, but it bootied not: All this was done within view of the Princes house, and in the Ladies sight : How iudge all you honourable // dames, that love your Lords and husbands with intire affections, with what heart the sad eyes of this desolate Lady could behould this miserable obiect, to see her husband thus betraied within her view; such was the sorrow of that ever memorable Roman Lady Cornelia, wife to Pompey the great, when from a farre off shee saw her Lord and husband in a little Boate betrayed and slaine, by the treacherous Councillers and bloudy ministers of that periured Prince Ptolomie King of Egypt, when after his overthrow in Theffali hee put himselfe upon his protection. And this poore Ladies sorrowes were the greater because shee neither knew the cause, their purposes, nor the meanes to helpe him, but wee must leave her in her passions and follow him in his captivity, whom they soone brought in a poasting iourney to Mosco, and lodged him in a strong prison.

откуда ему уже не суждено вернуться и когда-либо еще видеть снова свою супругу. При прощании она плачет, как будто орошая откровенными слезами его скрытую судьбу, то ли от любви, которую к нему испытывает, то ли от предчувствия беды. Они усаживаются верхом на лошадей и в сопровождении полудюжины людей князя держат путь к Москве пока не оказываются окруженными людьми в засаде. А так как все это происходило глубокой ночью и сигнал тревоги прозвучал неожиданно, им удалось застигнуть князя врасплох и захватить его в плен, не встретив никакого сопротивления. Князь, увидев, что его так вероломно предал именно тот, кому он особенно доверял, решительно пожелал узнать причину этого и не является ли это прихотью царя, что его подобным образом захватили в плен. Они грубо ответили ему, что он все узнает по возвращении в Москву. А когда он, будучи человеком весьма учтивым, начал в благожелательной манере доказывать свою невиновность, они не дослушали его речь до конца и грубо оборвали его. При этом князь опечалился, но это не возымело никакого успеха. Всё это происходило в пределах видимости из дома князя и на глазах его жены. Как ценимы вы все, благородные женщины, которые любят своих супругов и повелителей безраздельной любовью, с какими чувствами горестные глаза этой безутешной госпожи могли лицезреть это несчастье, своими глазами видеть, как предадут ее мужа! Такой же была горесть незабвенной Римской госпожи Корнелии³⁴, жены великого Помпея³⁵, которая издали видела, как в маленькой лодке ее господина и супруга предадут и убивают вероломные советники и кровавые министры этого клятвопреступного правителя, царя Египта Птолемея, под защиту которого он отдал себя после своего поражения в Тефалии³⁶. А горе этой женщины было еще сильнее, так как она не знала ни причины этого, ни их целей, ни способа помочь ему. Но мы должны оставить ее в страданиях и последовать за пленником, которого они вскоре спешно доставили в Москву и поместили в сильно укрепленную тюрьму.

CHAP. 7

Tragus is arraigned, condemned, and iudged uniustly in the Mosco, who out of the greatnesse of his minde, to mocke Vansusces tyranny kils himselfe.

NOW were their daily counsels and consultations held in the Citty, concerning the progresse of this businesse with this Noble-man, by Vansusce and those of his secrets: who soone grew to be powerfull by reason of his strong Guards and plurality of friends, that from all parts flocked unto him: The day was soone appointed for this young Lords tryall, not from his knowne innocence to cleere him, but from their preiudicated doombes to confound him; the publike place of iudgement was appointed, the Theatre upon which must be acted this Gentlemans tragedy, thither at the day set downe comes Vansusce in a Princes Roabe, together with his friends, allies, and a strong guard of souldiers, the principal Officers in the Citty accompanying him, and having all // taken their places, this Princely prisoner is brought in before them, who with a cheerefull and unaffrighted countenance beholds them all. The allegations of treason objected against him were, that by his procurement the last warre with the Tartars was commenced, that cost more treasure and bloud then the victory was worth, that by his sollicitation that unhappy marriage with the Polish Princes was mediated and concluded, that the Polish Guard was by his meanes brought in, by which, so many outrages were committed, that they were driven to take the course they did for their slaughter, in which the Emperour himselfe past an unhappy destiny, the guilt of whose death was laid upon him as being the originall, though not the efficient cause thereof, that the bringing in of ten thousand Poles more was by his counsell urged, that the Princes treasure was by his prodigal profuse of mony much wasted, that he had allowed the title of the Dukedome of Severe, to the Crowne and Kingdome of Poland, with other matters not so much as thought upon, to all which, the Prince answered so fully and so nobly, as every unpartial eare found his innocence; howbeit truth never told her tale but envy was either ready to wrong her by suggestion, or falshood by subornation,

ГЛАВА 7

В Москве Tragus предстает перед судом, ему предъявляются обвинения и выносятся несправедливый приговор. Обладая сильным духом, в знак протеста против тирании Vansusce он кончает жизнь самоубийством.

Теперь в городе каждый день проходили совещания и консультации относительно продвижения дела этого человека из знати, которые проводились Vansusce и теми людьми из его окружения, кому он доверял секреты, и которые быстро стали могущественными по причине его сильной охраны и многочисленности его друзей, собравшихся вокруг него со всех мест. Вскоре был назначен день суда над этим молодым господином не с целью оправдания, исходя из его уверенности в своей невиновности, а с целью поставить его в тупик заранее составленными ими обвинениями. Было назначено место проведения общественного суда, театр, на сцене которого должна была быть сыграна трагедия этого господина, куда в назначенный день приходит Vansusce, облаченный в царскую мантию, вместе со своими друзьями, союзниками и сильной охраной из воинов, в сопровождении главных чиновников города. Когда все заняли свои места, перед ними поставили этого благородного узника, который с неунывающим и безбоязненным видом лицезрел всех. Против него были выдвинуты следующие необоснованные обвинения в государственных преступлениях: в том, что по его инициативе была начата недавняя война с татарами³⁷, которая унесла больше средств и крови, чем того стоила победа, что его стараниями и посредничеством был заключен этот злосчастный брак с польской принцессой, что с его помощью была привезена польская охрана, которая совершила так много преступлений, что они были вынуждены были предпринять меры, чтобы обуздать ее, и при этом несчастная судьба постигла самого царя, вина за смерть которого была возложена на него как первопричину, хотя и не главную; что по его настоянию было вызвано дополнительно десять тысяч поляков, что царская казна за счет его чрезмерного расточительства сильно уменьшилась, что он допустил передачу Северского княжества во владение Польской короне, а также были выдвинуты другие менее значительные обвинения. На всё это князь ответил настолько полно и настолько достойно, что каждый непредвзятый слушатель признал его невиновность.

for uniust witnesses were produced against him, by whose testimony this innocent Prince was condemned. Vansusce then rising from his Throne, began with a studied and premeditated speech after this manner. I cannot tell my loving Country-men in what tearmes, or with what words I shall proceed in iudgement against this Noble man, late kinsman and neere Alley unto our deare Souveraigne Lord the Emperour, for when I think of the times past, and compare them with the present, the thought and consideration thereof so strikes me with astonishment, my minde being diversly distracted betwirt my Countries care and this Noble-mans respect, that I stand divided in my iudgement, the one pleading rigor, the other pitty, what I shall desinatively set downe in censure, for him, or against him; // first give him his due, who doth not sorrow that so noble a Gentleman, so fully stuf with such excellent parts of mind, of so admirable composure, and constitution of body in the prime of his youth, and beauty in the pride of his state and pleasures, in the solace and comfort of his wife and children, his over-heedlesse actions, and over-weening conceit, his owne greatnesse, in abusing the Princes favour, should now make him unworthy of his life, by reason of the states present condition: whereas otherwise his life should have been most desired. For mine alone part, I would have not lived at all, or at least, not till this time, wherein saving my countries care, and the entire respect and affection I beare to all your lives and safeties, I am otherwise even against the consent of my soule, and my best genious, enforst to pronounce peremptory sentence of iudgement against such a man, to whom but of late I gave place to in honour. For thus say my private thoughts to my common cares, where Nobility, greatnesse, a Princes favour, or what excellent parts or qualities soever, either of body or mind be in the same subiect that ewes them transferred unto itselfe without respect of common good, to the which he owes a duty, he growes not onely an unprofitable, but also a dangerous member to that Commonwealth, and where from such a mind there be acts committed, though but criminall, and feares depending of greater consequence in this case, it is more then a politicke or nationall Lawe, it

Однако, истине так и не удалось восторжествовать, а зависть была готова как очернить её намёками, так и преподнести ее в ложном свете с помощью подкупа, поскольку против него были представлены лжесвидетели, в результате показаний которых невиновный князь был признан виновным. Затем со своего трона поднялся Vansusce и выступил со следующей заранее хорошо обдуманной речью: «Не знаю, мои верные соотечественники, каким образом и какими словами мне продолжать выступать с осуждением этого знатного человека, родственника и ближайшего соратника нашего дорогого усопшего царя, так как, когда я размышляю о прошлых временах и сравниваю их с настоящими, эти мысли настолько повергают меня в изумление, что, будучи в душе раздираемым между заботой о моей стране и уважением к этому человеку из знати, мое мнение делится на две части — одна призывает к суровому наказанию, другая — к жалости. Что я точно хочу определить в приговоре за него или против него, это то, что главное — воздать ему по заслугам, невзирая на сожаление по поводу того, что такой знатный господин, настолько полно обладающий такими замечательными свойствами души, имеющий такое восхитительное самообладание, такое телосложение, в расцвете своей молодости, такую красоту на вершине своего положения и удовольствий, находящий отраду и утешение в лице жены и детей, этот человек своими чрезмерно беспечными действиями и слишком самонадеянными замыслами, воспользовался своей силой и злоупотребил благосклонностью государя и поэтому недостоин жизни, хотя во всем остальном его жизнь была бы наиболее желанна. Лично я лучше бы хотел вообще не жить, или по крайней мере не жить до настоящего времени, если бы забота о моей стране, а также та полнота уважения и любви, которые я испытываю к вашим жизням и безопасности, не заставили меня против согласия, достигнутого в моей душе, вынести обвинительный приговор человеку, которого до недавнего времени я так уважал. Ибо в моих личных мыслях и общих заботах я пришел к следующему: когда знатность, величие, благосклонность царя, а также какие бы то ни было отличные качества тела или души находятся в одном человеке, который стремится их направлять только на себя, без учета всеобщего блага общества, хотя и имеет обязанность заботиться о нем, этот человек становится не только невыгодным, но также и опасным членом этого общества, и когда от такого разума исходят действия, увы, преступные, что вызывает опасения относительно еще больших последствий, как в

is Religious Iustice, and the service of our God, to take away the life of such greatnesse, and make it the peoples sacrifice: and therefore with your consents, since things cannot otherwise stand, or be established, I give him over to the rigour of the Law, and the ministers thereof.

All this while this captive Prince, although he saw how closely and indirectly every thing was carried, and had heard during the time of his imprisonment, the supposed death of the Emperour, the murder of the Poles and many of great place and office in the Palace, actions so bloody // and so fatall that albeit he knew the world to be full of mischiefs, and the pathes thereof troden with unsanctified feet, yet he thought there wanted that venemous matter in the minde of man to beget, breed, and bring forth such hideous and horce murders, he noth yet neverthelesse, neither in the conceit of these inhumane massacres past, nor in the indurance of his owne unavoidable miseries present shew tokens of any feare or affrightment, but with the same countenance he held before in his prosperous estate, he now beheld the tiranous authors, and bloody actors of his tragedy, so nobly had the inward vertues of his minde framed and composed the outward actions and gestures of his body: And thus with words as bould, and as undanted as his lookes, he spake in this manner unto them.

I have strained withall my best within me, to heare and heare patiently all your unkind handlings, uniust presumptions, furious Inforcements; your malicious manifold appliments, foule wrestings, and impossible constructions, and all to make me seeme to be a member dangerous to the state, to take away my life as a common enemy, which onely must be removed to make smooth the way to your present ends and intendments, for this cause was the true noble bloud of my royall Lord and kinsman shed, to make you grow up in this false greatnesse, I speake to the Vansusce, whose inward soule knowes my innocence in all my accusations, and that al this show of Law is but a form, a meere ingine, or device to set a glosse upon your horred murders past; and to take away

этом случае, это дело — забрать жизнь такого величия и принести ее в жертву народу — уже выходит за рамки политики или правосудия и является вопросом божественной справедливости и служения нашему Господу Богу. А посему с вашего согласия, поскольку положение вещей изменить по-иному нельзя, я отдаю его в руки сурового правосудия и его служителей».

В течение всего этого времени плененный Князь, хотя и видел, как прямо и косвенно всё это преподносилось, хотя он и слышал во время своего заключения о мнимой смерти царя, убийстве во дворце поляков и многих людей высокого звания и положения, действиях настолько кровавых и роковых, что, зная о том, что мир полон бедствий и что по его тропам ступают не святые, он тем не менее думал о том, что требуется для того, чтобы подобное злобное начало в душе человека породило, взрастило и произвело такие ужасные и отвратительные убийства. Он, однако, ни в думах об этих нечеловеческих убийствах в прошлом, ни в мыслях о невыносимости своих собственных бедствий в настоящем не показал никаких признаков страха или ужаса, а, сохраняя то же самое самообладание, которое и ранее соблюдал, занимая своё высокое положение, он теперь лицецерел этих авторов-тиранов и кровавых актеров его трагедии — настолько благородно внутренние добродетели в его душе образовали и составили внешние действия и жесты его тела. И, таким образом, со словами настолько же уверенными и отважными, как и его вид, он обратился к ним со следующей речью:

«Я заставил себя собрать все самое лучшее во мне, чтобы спокойно выслушать и перенести все ваше недоброе обращение, несправедливые предположения, яростные нападки, ваши многочисленные и разнообразные злобные заявления, ваши грязные искажения фактов и их невозможное истолкование, и всё это для того, чтобы показать меня как опасного для государства члена общества, отобрать мою жизнь, как у обыкновенного врага, только устранив которого можно очистить дорогу к вашим нынешним целям и намерениям. По этой причине была пролита благородная кровь моего высшего Правителя и родственника — для того, что дать вам возможность вырасти в этом фальшивом величии. Я обращаюсь к Vansusce, который в глубине своей души знает о моей невиновности по всем предъявленным мне обвинениям, знает, что этот спектакль суда является всего лишь формой, просто способом или приёмом, которому вы следуете со злобными намерениями навесить лоск на проделанные вами ужасные убийства, а также лишить меня жизни под предлогом закона. Показал ли я себя опасным для

my life by a pretext of iustice, which you persue in mallice, have I showne my selfe dangerous to my Country, when in the last wars with the Tartars I so little regarded mine owne life, that I spent most her bloud in that action, and returned victorious against the eie and opinion of all that saw and knew the danger of that day; did I wrong my Country when with your consents and allowances I made that honourable contract with the Polish Princes; was that the Treasure I exhausted in that expedition: when mine owne private Coffers // are yet empty with that charge. For the Polish guard, it was rather my enforced consent, then my voluntary counsell, or approvement, for the title of the Dukedome, with the rest of the Articles, which I scorne to repeate, the great God of my hope knowes the Vansusce to be guilty of these horrid treasons; I doe not plead mine innocence to save my life, for that is foredoomed by an unchanged decree, but only to ease my heart of an overburdening wait of grieffe which your base wrongs, and false woven iniuries have contracted there, (and it is one comfort yet that I am suffered to speake, I doe not raise either against thy tyranny, or malévolence of my starres, therein no man greater then his destiny, neither have I set the gard of vertue so weakely within me, against the spight of Fortuné, or your malice, but that my spirit and resolution can suffer, either in thy inhumaine cruelty Vansusce, or thy unnatural treachery vild Glasco, or all your hates you unkind Muscovites, or what else is precious unto mee, as the loffe of wife and children, deprivation of lands and honours, or torment, or death, or whatsoever can happen in humanity: All these or what else is in the power of envy, hate, malice, or tiranous oppression is beneath me, life is not my Paramour, I stand not inamoured of her pleasures, the world hath to me adulterated his faire protestations of love and respect, with the foule prostetucions of the times mischiefe, I have seene an end of my fortunes, and have set an end to all my desires, all the ambition that is left in mee is the hopefull inioyment of a far more glorious kingdome, theth-

моей страны, когда во время последней войны с татарами я так мало заботился о своей собственной жизни, что не жалел своей крови в этих боевых действиях и вернулся домой с победой, несмотря на мнение тех, кто видел и знал опасность этого времени? Нанёс ли я вред моей стране, когда с вашего согласия и одобрения я заключил этот почетный контракт с польской принцессой? Царские ли средства я потратил во время этой поездки, когда моя собственная казна опустела из-за этих расходов? Что касается польской гвардии, это было больше моим вынужденным согласием, чем добровольным советом или одобрением. Относительно права владения на княжество и остальных пунктов обвинения я считаю для себя унижительным их повторять. Великий Господь, я надеюсь, знает, что в моих поступках и намерениях я свободен от обвинений, также как и знает о том, что Vansusce виновен в этой ужасной измене. Я заявляю о своей невинности не для спасения моей жизни, так как это предопределено неизменным велением судьбы, а только для того, чтобы облегчить моё сердце, отягощенное грузом горечи, которая вызвана вашими подлыми преступлениями и фальшиво сплетенной клеветой, и то, что мне позволено говорить, является единственным утешением. Я не выступаю ни против твоей тирании, ни против того, что мои звёзды оказались несчастливými — нет человека более сильного, чем его судьба, и не ограждаю свои добродетели, которые так слабы в моей душе, ни против злого рока или вашей злобы, я говорю о том, что может преодолеть моя сила духа и решимость — это и твоя нечеловеческая жестокость, Vansusce, и твоё необычное чудовищное предательство, гнусный Glasco, и вся ваша ненависть, недобрые Московиты, а также о том, что еще ценно для меня, это и любовь жены и детей, и лишение меня земель и почестей, и пытки, и смерть, и что бы то ни было, что может произойти с родом людским. Всё это, а также всё остальное, что находится во власти зависти, ненависти, злобы или тирании, — ниже меня. Жизнь не является моей любовницей, я не влюблён в ее удовольствия. Мир для меня совершил прелюбодеяние между своими прекрасными заявлениями о любви и уважении и отвратительными проявлениями сегодняшнего зла. Я увидел окончание моей фортуны и положил конец всем моим желаниям. Единственной мечтой, которая осталась во мне, является надежда на то, что наступит радостный миг большой славы для страны, именно этого жаждет моя душа, и именно туда устремится мой дух до того, как для вас настанет этот час. И если в этом собрании людей есть те, кто оказался, находится сейчас или ока-

er doth my soule aspire, and thither shall my spirit mount before your time present, if there be any therefore in this assembly that did or is at this time, or shall happen heereafter to come unto the like danger, and would know how to mocke Vansusces tyranny, let him learne it thus by my example: And with that word having closely drawne a short dagger hid of purpose for this houre, he stabbed himselfe to the heart, an act though in itselfe seeming desperate and full of horror. yet in // circumstance and considerate respects truly noble and full of honour that would not suffer his opposite and mortal enemies to triumph over his vertues and the freedome of his spirit in his end.

The sudden and voluntary death of this Noble man put them all into amasement, and some there were present and those not of the meaner sort, did for the time so inwardly sorrow for the hard disaster of the Prince his innocence and iniuries that they made outward manifestation thereof by these teares, which Vansusce perceiving, and in their generall silence a generall sadnesse, that from thence his Plots and Proiects, might be more narrowly looked into with considerate eies, began to looke about and to gather his wits together to draw this inward creeping suspition from the heart of the Muscovite, upon whose love and opinion did principally depend the hope and meanes of his proceedings, he therefore spake againe unto them so fully for the times condition, so colourable against the guilty life, and rash death of the Prince, and so carefully for the security of the state, together with all their safties, that hee soone turned the gentle current of their passionate sorrowes into the vast Ocean of their wonted rage, crying out against the house of Demetrius his name and family, and in this new humour, like the flattering Zewes to Herod after his Oration to the people, they falsly guild his words with an Angels eloquence, crying out after their wonted manner, Vansusce, God save Vansusce, such a turning Phaze is the peoples breath, with much looked for acclamations the Court was presently dissolved, the dead body of the Prince carried backe to Prison, from whence the next day, it was brought forth againe and poorely buried, making the world to stand at amasement, that the earth which never failes of meanes in abundance for a Princes life should now faile in necessities for his interrement.

жется в будущем в такой же опасности и захочет узнать, как выразить протест против Vansusce, пусть они следуют моему примеру». И с этими словами, быстро достав короткий кинжал, специально спрятанный для этого часа, он вонзил его себе в сердце. Этот поступок, хотя и сам по себе казался актом отчаяния и полного ужаса, тем не менее в тех обстоятельствах вызвал огромное уважение к тому по-настоящему знатному и достойному славы человеку, который не потерпел триумфа своего противника и смертельного врага над всем, что ему дорого и, в конечном счёте, доказал свободу своего духа.

Неожиданная и добровольная смерть этого знатного человека повергла всех в изумление и среди присутствующих оказались люди не самого плохого качества, которые в этот момент почувствовали такое внутреннее сострадание к тяжелому несчастью, постигшему этого князя, к его невиновности и оскорблениям, которым он подвергся, что они внешне выразили это слезами. Увидев это, а также почувствовав, что молчание всех означает их общую печаль, Vansusce понял, что исходя из этого пристальный взгляд может рассмотреть более внимательно его замыслы и планы. Он начал оглядываться вокруг и собираться с мыслями, как удалить это подкрадывающееся подозрение из сердец Московитов, от любви и уважения которых главным образом зависели его надежды и дальнейшие действия. Он вновь обратился с речью к ним, в которой настолько полно раскрыл текущее положение дел, настолько ярко выступил против преступной жизни и поспешной смерти князя, проявил такую заботу о безопасности государства, с которой связана их безопасная жизнь, что в скором времени спокойное течение их горькой печали переросло в необъятный океан присущей им ярости, направленной против рода Дмитрия, его имени и семьи. И в этом новом настроении, похожем на то, какое имело место в результате лести иудеев к Ироду³⁸, после его обращения к народу, они ошибочно приняли его речь за слово Ангела, выкрикивая в своей обычной манере: «Vansusce! Спаси Боже Vansusce!». Такая изменчивость — в природе народа. С этими долгожданными проявлениями шумного одобрения суд был тут же распущен, мертвое тело князя перенесено обратно в тюрьму, откуда на следующий день оно было снова вынесено и убого похоронено, и это изумило мир тем, что земля, никогда не отказывающая в изобилии князю в его жизни, на этот раз должна отказывать в необходимом для его погребения.

CHAP. 8

The wife of Tragus dies for sorrow his two children detayned prisoners, Vansusce is crowned Emperour of Rushia, Demetrius, with the Empresse flees into Poland from whence with a great Army he returnes backe into Rushia: the warre begins.

After this tall Ceader of the Rushian state was, from the mountaine of his greatnesse, thus pulled downe: many lower trees and shrubbes past the like fortune, for whosoever stooode in Vansusces way must be removed, till it was made smooth from any oblique let for his transcending glory, even to the maiestike state of the Rushian Empire, treacherous Glasco being the principall agent, and special instrument for his designs, and Intendments.

But before we set the Crowne on this usurpers head, whilst the preparations be now in framing for his Coronation, wee will looke a little backe into the wretched state and miserable condition of this untimely Widdowed Lady, wife to the late noble Prince Tragus, and his two sonnes, both so young that they were not capable of their calamity: To write of this Ladies teares, and hir profound sorrowes, were but like a Painter to counterfeit by art the teares of Lucesse for her enfeoff wrong done to Collatyne, or the true bred woes of Popcia for her deere Lord Bruftus, so shew outwardly the presentation of such tragike spectacles, and so to seede the phantasie with imaginary grieffe, in which nevertheless there is neither life, nor sense of reall sorrow.

We leave therefore these teares with her who is the true owner of them, who presently also leaving the world and // the pleasures thereof enclosed herselfe in a religious house, where with long fasting, and deepe melancholy, spending her daies alone in the exercise of sorrow, in short time she ended her life, leaving behind her a notable example of love and constancy: his two sonnes are yet living, but detained as prisoners by Vansusce, howbeit happily reserved to better fortunes.

Now is Vansusce arrived at that Haven he bend his course unto, even through a Sea of blood, where nevertheless he shall not finde that

ГЛАВА 8

Жена Tragus'a умирает от горя, двое его детей содержатся в качестве пленников. Vansusce коронован царём России. Дмитрий с царицей бежит в Польшу, откуда с большой армией возвращается в Россию: начинается война.

После того, как этот высокий кедр Русского государства был повержен с огромной высоты его величия и силы, множество более низко растущих деревьев и кустарников постигла подобная участь, поскольку всех тех, кто бы ни стоял на пути Vansusce, необходимо было убирать до тех пор, пока этот путь не стал бы свободным от какой-либо тени для его пышного восхождения и ровным по направлению к великому трону Русского государства. При этом подлый Glasco был главной действующей силой и специальным орудием исполнения его планов и намерений.

Но перед тем, как мы водрузим корону на голову этого узурпатора, в то время, как начинаются приготовления к его коронации, мы вернемся немного назад и взглянем на жалкое состояние и бедственное положение этой женщины, преждевременно ставшей вдовой, жены умершего знатного князя Tragusza, и его двух сыновей, обоих в настолько молодом возрасте, что они были неспособны понять постигшее их несчастье. Описывать слёзы и глубокое горе этой госпожи — это то же самое, что художнику воплотить в искусстве слёзы Лукреции³⁹ по поводу зла, которое она невольно причина Коллатину, или то, как искренне оплакивала Порция⁴⁰ своего дорогого супруга Брута — изобразить эту трагичную сцену и таким образом посеять семена фантазии воображаемого горя, в котором тем не менее не будет ни жизни, ни чувства настоящей скорби.

Поэтому мы оставим эти слёзы той, которой они действительно принадлежат, той, которая вскоре покинула мир и его радости и заточила себя в молитвенном доме, где в длительных постах и глубокой меланхолии, скорбя, проводила свои дни в одиночестве. В скором времени она закончила свою земную жизнь, оставив после себя замечательный пример любви и постоянства. Двое его сыновей по-прежнему живы, но содержатся в качестве пленников Vansusce, хотя им была предназначена лучшая участь.

Теперь Vansusce прибыл в гавань, к которой он так долго держал свой курс, хотя и по морю крови, но в которой, однако, он не

safty that he expects, for dangerous is the State that is obtained by bloud and treason, as the sequell shall declare, the Emperiall Crowne of Rushia being now set upon his head, there fell mischiefes thicke, and the thing evil gotten is seldome, or never well kept, thorow all the time of his usurped raigne there never ceased bloody war and slaughter, no not in his owne destruction and captivity for he had scarce time to finish the state and solemnity of his Coronation, before he heard newes of the great preparations in Poland, both to reveng the terasonable wrongs done to the Emperour, and also the murder of the Poles, or rather which is most like, Sigismond the King of Poland making these but colourable pretenses for higher designs of another nature, both to recover the Dukedome of Seveare, to the which hee challenged a title, and further, as the successe should follow to invade the whole Empire of Rushia, and to keepe it for himselfe, to make another entry that way into the Kingdome of Swethland, such a passage had this sivill dissention made, even for the overthrow of the whole state, but wee must now returne to the lawfull Emperour Demetrius, who being by the happy fortune of his birth a Prince, was now by the malignant power of his fate a fugitive, for having about some few of his friends that followed him in all fortunes, hee gave them in charge to looke carefully to the keeping of that Dukedome, it being still a receptacle for them in the midst of danger while he with his unhappy Lady in gr. of stranger and strange disguise together with his // trusty servant past from Colloge, and after a longand weary iourney at last tooke the River of Ipre, and with fasty recovered the Territories of the Polish Kingdome.

Sigismond having notice of their comming sendeth his safe conduct, together with directions for their entertainment, but not in the state and sumptuous manner as before, for in a change of fortune we finde a change of friendship and account, being neverthelesse come to Court, they were honourably welcomed, and comforted after their many endured miseries, where they rested themselves awhile till the preparations for Rushia were made ready, it being an Army of fourty thousand soul-

найдет той безопасности, какую ожидает, поскольку опасно то положение, которое достигнуто ценой крови и подлости, о чем и пойдет дальнейшее повествование. По водружении на его чело царской короны последовали крайне тяжелые бедствия и, поскольку вещи, полученные несправедным путём, обычно редко или никогда не содержатся в порядке, так и в течение всего времени его узурпированного правления никогда не прекращались кровавые войны и убийства, не говоря уже о его собственном крахе и захвате в плен — он едва успел закончить государственные дела и торжества по поводу коронации, как до него дошли вести о больших военных приготовлениях в Польше, направленных на то, чтобы, во-первых, отомстить за подлые преступления, совершенные по отношению к царю, а также за убийство поляков или, что гораздо более вероятно, Сигизмунд, король Польши, использовал эти всего лишь мнимые предлоги для выполнения своих замыслов другого плана: вернуть себе Северское княжество, на право владения которым он претендовал, а в дальнейшем, если ему будет сопутствовать удача, захватить всё Русское государство и удерживать его в своей власти с тем, чтобы таким путём еще раз вторгнуться в Шведское королевство⁴¹, — такой пассаж вызвал этот раскол общества, который привел к упадку государства. Но теперь мы должны вернуться к законному царю Дмитрию, который, родившись по счастливой судьбе государем, был теперь по воле злого рока изгнанником, так как, имея вокруг себя небольшое количество друзей, следовавших за ним при любом повороте его судьбы, и поручив им внимательно следить за состоянием дел в этом княжестве, которое по-прежнему служило им пристанищем в самый разгар опасности, он со своей несчастной госпожой в иностранных одеждах и облики, вместе со своим верным слугой отбыли из Калуги и после длительного и изнурительного путешествия добрались наконец до реки Днепр и благополучно вступили на территорию Польского королевства.

Сигизмунд, получив сообщение об их прибытии, выслал эскорт для их безопасного проезда и распорядился оказать им приём, но не такой пышный и роскошный, как раньше, ибо при изменении своей судьбы мы обнаруживаем и изменение дружбы и своего значения. Однако, когда они прибыли к королевскому двору, им был оказан почётный прием и после всех невзгод, которые они вынесли, предоставлены все удобства. Некоторое время они предавались отдыху до тех пор, пока не были завершены приготовления для похода в Россию — собрана армия в сорок тысяч воинов⁴².

diers. With this new raised power, Demetrius raiseth new hopes, both to recover and to revenge, which fell not out according to his desire, man puposeth but God disposeth.

Now Vansusce hearing of this great preparation in Poland, fortifies the Citty of Mosco, and other places of import, gathering souldiers from all parts to strengthen his faction, bearing the Muscovite in hand that it was the policy of the Polish King to have entertained some stragling runnagate to take upon him the name and state of Demetrius, only to countenance this invasion; staying by this suggestion the uincertaine minde of the Muscovite, that otherwise he knew would be deversly carried. But Demetrius being now in all things furnished for the transposing of this great Army into Rushia, takes his leave of the King and Queene and other of his friends in Poland, but above all, of his deare beloved Empresse, whom his unhappy eies shall never behold againe; to shew her sorrow in his departure, were to stay us in the pursuite of this great war that must be prosecuted with all apeed and cruelty, Demetrius therefore with many long marches, at last had past the frontires of the Polish Kingdome, he no sooner set footing upon the Territories of his owne Empire but the miseries of the war began, and that Country that before flourished with a long continuous peace, and was growne exceeding rich both in their owne abundance, and a prosperous // commerce with others, began now to be spoiled and harried of her plenty; fire and sword being the executiones: the Pole spoiled and killed in all places in revenge of the Massacre done in the Mosco, sparing neither sort, nor sex, in any state or age, whom they met withall, neverthelesse the most of them had before fled into Citties, Castles Woods and other defensible places.

Thus mischiefs having set footing in Rushia, it did in a short time take such rooting, that in a long time after shee was not supplanted, Demetrius either giving consent thereto, or else wanting power in himselfe to curbe her. howbeit he made as much speede as he could to Mosco, either to make the spoile of his Country lesse by his hasty marches, or otherwise burning in desire to be revenged on that place where he had received such wrong and outrage. Being at last come to Mosco, he beleaguers the Citty, but findes an unexpected resistance, it

С этой новой поднятой ратью также появились и новые надежды Дмитрия на то, чтобы восстановить свою власть и отомстить, однако, всё вышло не так, как он желал — человек предполагает, а Бог располагает.

В это время Vansusce, услышав об этих приготовлениях в Польше, укрепляет город Москву и другие важные места, набирая солдат со всех краев для укрепления своего лагеря, обманывает московитов заявлениями, что это политика польского короля — принять у себя какого-то сбежавшего бродягу, присвоить ему имя и положение Дмитрия с единственной целью — оправдать своё вторжение; успокаивая подобным предположением неуверенную душу московитов, которая иначе, как он знал, может пойти по другому направлению. Однако Дмитрий, теперь во всеоружии готовый двинуться со своей большой армией в Россию, прощается с королём и королевой и остальными своими друзьями в Польше, но в первую очередь со своей дорогой любимой царицей, которую его несчастные глаза больше никогда не смогут лицезреть. Не станем показывать её горе при расставании с ним и будем следить за событиями этой большой войны, которые разворачивались со всей стремительностью и жестокостью. Итак, Дмитрий, совершив множество длительных переходов, наконец, пересёк границу Польского королевства, но как только он вступил на земли своего собственного государства, начались невзгоды войны, и эту страну, которая до этого процветала в продолжительном мире и стала чрезвычайно богатой как за счет своего собственного изобилия, так и с помощью успешной торговли с другими, стали теперь грабить и лишать её изобилия силой огня и меча. Поляки грабили и убивали повсеместно в отместку за бойню, совершенную во дворце в Москве, не щадя никого, невзирая ни на род, ни на пол, ни на положение, ни на возраст людей, которые встречались на их пути. Однако, большинство людей заранее спрятались в городах, крепостях, лесах и других укрепленных местах.

Однажды придя в Россию, эти бедствия в скором времени настолько глубоко пустили корни, что в течение длительного времени их нельзя было искоренить, а Дмитрий либо был на это согласен, либо был не в состоянии обуздать их. Он, однако, двигался со всей возможной скоростью к Москве с целью своими быстрыми переходами уменьшить вред, наносимый его стране, или, напротив, горя желанием быть отомщенным в том самом месте, где ему причинили такое зло и подлость. Подойдя, наконец, к Москве, он

being so strengthened with men and munition that it was wel-neere unpregnable, all places of strength and import about the Citty were in short time subdewed and given to the Pole, who executes all manner of cruelty: Demetrius laies wait in all places to cut off all succour that should be brought into the Citty, so that the Muscovite in short time endured great want and misery, to wright all the particulars of this siege, that continued for the space of two years, would aske a whole volume by itselfe; I will onely touch the most speciall occurants, according to my best intelligence that happened in that time.

Vansusce understanding the miseries that the Country people indured by the cruelty of the Pole, and fearing also great miseries in the Citty, if the siege endured, sent speedily and secretly his Cursitours to Charles King of Sweathland, whom he knew to be mortall enemy of Sigismond King of Poland, demanding upon certaine conditions his aid to remove the Leagure. King Charles having at that time an Army of French, English, and Scottish, in worth among them pay for any occasion offered from Sigismond, but understanding at // that time all his preparations were disposed of in Rushia, and knowing also that if the Pole set footing their hee should find him *more* dangerous there then in his owne Country, yeelds easily to Vansusces demand, imploying the forces of those strangers which he had strengthened with many companies of Swethens, to the full number of twelve thousand under the conduct and generall command of one Pontus de la Guard, a French Capitaine, a man of more fame then worth among them.

осаждают город⁴³, но встречает неожиданное сопротивление и обнаруживает, что он настолько укреплен людьми и вооружением, что является почти неприступным. Все укрепленные и важные места вокруг города были в скором времени взяты и отданы полякам, которые творили там всевозможные акты жестокости. Дмитрий выжидал, стараясь отрезать любую возможную помощь городу, так что вскоре москвиты стали испытывать большие лишения и бедствия. Чтобы описать во всех деталях эту осаду, которая длилась в течение двух лет, потребовалась бы отдельная книга. Я же, насколько это будет в моих силах, только затрону самые важные события, произошедшие в это время.

Vansusce, зная о невзгодах, которые претерпевают жители страны от жестокости поляков и опасаясь также еще более сильных бед в городе в случае продолжения осады, срочно и секретно направляет своих гонцов к королю Швеции Карлу, которого он знает как смертельного врага польского короля Сигизмунда, с просьбой оказать помощь по снятию блокады на определенных условиях⁴⁴. Король Карл в это время имел армию, состоящую из французов, англичан и шотландцев, которым платил на случай любых действий со стороны Сигизмунда. Понимая, что в то время судьба задуманного им предприятия решалась в России, и зная также, что вступив в Россию, поляки будут представлять для него большую опасность, чем в его собственной стране, он охотно соглашается на просьбу Vansusce использовать этих иностранных наемников, которых он усилил множеством отрядов шведов, доведя численность армии до двенадцати тысяч человек и передав ее под командование некоему Понтусу Делагарди⁴⁵, французскому военачальнику, человеку, который пользовался среди них больше славой, нежели своими достоинствами.

CHAP. 9

Sr. Robert Sherly comes as Embassadour from the Persian to Demetrius in the Leager, the Muscovite mutiny, but are appeased, Glasco is suspected, convicted, arraigned, and executed in the Mosco.

Knesevansusce albeit he bare no great affection to King Charles, and was loth also that so many strangers should bee brought into Rushia, to harry and spoyle the Country, yet knowing the difference that was betwixt him and Sigismond King of Poland, he held it his best to make use thereof, to serve his owne turns in their dissention, and by any meanes rather to remoove the pole, then upon the best conditions to yeelde unto their habitation there, making choice rather of a sufferable than an intollerable stranger. Now while these forces were thus a raising in Swethland for these designes in Russia, Demetrius with his Army lying still before the Citty of Mosco, that brave Spirit of England, Sir Robert Sherly, came as Ambassador to Demetrius from the Sophie of Persia, demandibg his aide in the generall hostility to be made by christian princes against the common enemy the Turke, where hee found that entertainment that those tumultuous // times in warrelike leager could afford, but for the matter of his Embassie, the present troubles cut off the meanes of any present aid, so that after his stay there some few daies, having received many honourable giftes and presents hee departed, onely furnished with hopes and faire promises, howbeit his coming thither put the Muscovite into more then a presumption, that it was the true Demetrius that beleagured their Citty, and that the report of his death was but a fained matter, insomuch that in most places, especially in the Mosco, they beganne to murmure, whispering one to an other, that God had forsaken the guidance of them and their Citty, and had given them over into the hands of strangers and others for their disloyalty, they saide betweene themselves, that it could not be that the King of Poland, other Princes, and many noble men of Russia in the leager could

ГЛАВА 9

Сэр Роберт Ширли прибывает в качестве посла из Персии к Дмитрию в его осадный лагерь. Московиты бунтуют, но их умиротворяют. Glasco арестовывают по подозрению, осуждают, предъявляют ему обвинения и казнят в Москве.

Хотя Knesevansusce и не испытывал большой симпатии к королю Карлу, а также чувствовал отвращение к тому, что такое большое количество иностранных наёмников необходимо привести в Россию, чтобы они разоряли и грабили страну, он, однако, знал о существующих разногласиях между ним (королём Карлом — Е.К.) и королём Польши Сигизмундом и делал всё для того, чтобы использовать это, заставить разногласия между ними служить его собственным целям. Он считал, что лучше всеми средствами избавиться от поляков, чем даже на самых хороших условиях согласиться на их пребывание в стране, делая таким образом выбор между иностранцами, которых было можно и нельзя терпеть. В то время, как в Швеции собирались силы для выполнения данных планов в России, а Дмитрий со своей армией находился вокруг Москвы, в качестве посла к Дмитрию прибыл из Софии в Персии этот храбрый дух Англии, Сэр Роберт Ширли⁴⁶, который попросил его помощи в качестве вклада в общую борьбу христианских государей против общего врага — турок. Там он нашёл такой приём, который только был возможен в те беспокойные времена в лагере, находившимся на военном положении. Но относительно дела, с которым он прибыл в качестве посла, существующие заботы отрезали какую-либо возможность предоставления такой помощи в настоящее время, и посему после нескольких дней его пребывания там, получив множество почетных наград и подарков, он отбыл, имея на руках лишь надежды и честные обещания. Однако, его приезд туда позволил Московитам сделать предположения о том, что город осадил именно настоящий Дмитрий, и что сообщение о его смерти было всего лишь вынужденным делом, так что почти повсюду и особенно в Москве они начали роптать, шептаться друг другу, что из-за их неверности Бог отвернулся от них и от города и передал их в руки иностранцев и прочих. Между собой они говорили, что быть такого не может, чтобы король Польши, другие князья и многие из русской знати, находящиеся в осадном

be so long deceived with a counterfet Emperour, but either his countenance, behaviour, speech, or som ones report or other would betray him. They compared the times present with the times past, and found that the Errours and Indiscretions of a yong Prince, being their naturall Lord, were more easie to endure than the milder governement of an Usurper, for that the abuse and instabilitie of his estate had drawne infinite dangers and miseries by a contrary faction, which they now endured in no meane degree, and were like beereafter to suffer in the greatest extreames these murmurings and privie whisperings being brought to Vansusces eare, he beganne to looke about, and, to prevent all occasions that might be offered for the raising of a faction within the Citty, hee therefore sought to pacify the Muscovites in the best manner he could, and withall sent colourably (under safe conduct) certaine Gentlemen his friends to the Emperour in the Leager, that if he were the right Demetrius his true and lawfull Prince, he should shew it in a naturall love and care unto his Countrey, and not suffer him to be thus defiled with the bloud of his people, by the Poles crueltie // and for his owne part, if he found that it were so, he would not onely surrender up unto him, the Title and governement that he now held, together with the Citty and other places in his command, but also in all submission acknowledge and serve him in all faithfulnessse and duety as his naturall liege Lord, hee further instructed them to excuse him in the plottes and courses that hee had taken, and to blame but respectively his sufferance in the abuses of the Poles, that had drawne on the hatred and indignation of the Muscovite, so farre as being gathered to a head, and breaking forth into action, it proved as a raging Torrent or violent Inandation that no wayes could be stopped: hee willed them further to descend into particularities, and to touch the severall factions on his part, that it stooode him upon to take the advantage of his friends offers, and the opportunity of every revolt, to the end that the head of all, which was himselfe, might be the surer garded, and this (hee said) hee learned of Future and Necessitie, that teacheth every creature to defend herselfe, and that albeit he could a long time endure

лагере вокруг города, были в течение такого долгого времени обмануты фальшивым царём, что его бы выдали либо внешность, либо поведение, либо речь, либо какое-то сообщение или еще что-нибудь. Сравнивая время настоящее с временем прошедшим, они обнаруживали, что ошибки и неблагоприятные поступки молодого царя, который был их природным государем, было легче переносить, чем более мягкое правление узурпатора, так как злоупотребление им своей властью и нестабильность его положения вызвали бесконечные опасности и беды со стороны противоположного лагеря, из-за которых они теперь так страдали и, похоже, в будущем будут страдать еще больше. Когда это роптание и тайные откровения достигли ушей Vansusce, он начал размышлять и с целью предотвратить все возможности образования оппозиции внутри города, он постарался умиротворить москвитов, приложив для этого все свои силы, и посему послал тайно (с надежным сопровождением) некоторых знатных людей из его друзей в осадный лагерь к царю с поручением заявить, что если он является настоящим Дмитрием, его действительным и законным государем, он должен доказать это своей естественной любовью и заботой о стране, а не заставлять ее так страдать и проливать кровь своего народа из-за жестокости поляков, а со своей стороны, если он обнаружит, что это на самом деле так, он не только сдастся ему, передав титул и власть, которыми в настоящее время обладает, вместе с городом и другими местами, находящимися под его контролем, но также со всей покорностью признает его и будет служить ему со всей верностью и уважением как своему настоящему господину. Затем он дал им наставления принять его извинения за те заговоры и действия, которые он совершил, а также, соблюдая уважение, поставить ему в вину его терпимость по отношению к преступлениям поляков, что вызвало ненависть и негодование москвитов в такой степени, что, достигнув самой высокой точки и вылившись в действия, они превратились в бушующий поток или сильное наводнение, которое остановить нет никакой возможности. Он пожелал, чтобы они далее обратились к обсуждению деталей и затронули от его имени несколько вопросов: что он был вынужден воспользоваться предложениями своих друзей и возможностью любого восстания, преследуя ту цель, что избранный, как он, их главой, он будет надежнее всего охраняться, а это, по его словам, он узнал из будущего и необходимости, которые учат любое существо защищаться. И хотя он может в течение длительного времени выдерживать осаду, а

the siege, and that hee knew also the Forces were ready in Swethland to attempt the Leager, he would yet neverthesse give over these new hopes and designes for warre, and with all his best, endeavour to conclude a peace, protesting with this conclusion, that if by his maiesties favour he might enioy these lands, honours, and offices, to the which partly he was borne, partly he enioyed by the deceased Emperours gift, and his owne admission, no Prince in the world should finde a more loyall subiect or more faithfull Gentleman than himselfe. Demetrius albeit he suspected a Padde in this straw, did neverthesse either simply or colourably put them in hope of a Parlee, and for a time held a cessation, discharging the Messengers with faire words and countenance, who at their returne into the Citty, gave out that this was not the true Demetrius, but counterfeited by Vansusces instructions, and that if they held out but a few dayes till the comming of the // Swethen Army, the Leager would easily be removed.

Vansusce also bestirres himselfe to stirre up the Muscovite to endure the siege until the comming of King Charles his forces: In the meane time Demetrius had understanding secretly of some causes of discontent given from Vansusce to the traytour Glasco, both in the barres to his expected recompence, and also in the change of Vansusces favour and countenance, for it is commonly so with Usurpers, when their turnes are served by such Ministers, who having made all the use of them they can, they convert their services done, into iniuries, especially where there is an expectation of rewarde above merit, for benefites with tyrants are of no longer pleasure, than they can with ease restore them, that once transcended, they study not how to reward, but to kill: for Glasco supposed that his services to Vansusce were of such worth and greatnes, that halfe the Empire had beene scarce his recompence. Demetrius therefore striving to worke upon this his discontent, and that by him some meanes might be wrought for the surprise of the Citty, sent secretly his Letters unto Glasco, wherein after hee had touched (but in gentle termes) his disloyalty, he willed him to consider that there was no way for him to recover the love and opinion both of God and man, but to untread againe those steppings of treason, which from a corrupt minde his guiltie feete had before trodden, promising him in the word of a Prince, that if hee would find meanes for him to enter the Citty, hee would not onely pardon what was past, but restore him againe into his wonted place and

также знает, что в Швеции готовы силы, чтобы попытаться про-
рвать осаду, он тем не менее откажется от этих новых надежд и
военных планов и сделает всё возможное, чтобы заключить мир,
при этом торжественно заявив, что если по милости его величества
он сможет пользоваться теми землями, почестями и должностями,
которые частично он получил по наследству и частично — в каче-
стве подарков от покойного царя и за счет своего собственного
продвижения, никакой государь в мире не сможет найти настоль-
ко лояльного подданого и верного джентльмена, чем он. Дмитрий,
хотя и подозревал подвох, тем не менее согласился на переговоры,
а спустя некоторое время прервал их, отпустив посланников с доб-
рыми словами. По возвращении в город они, по наущению
Vansusce, объявили, что он не настоящий, а фальшивый Дмитрий,
и что, если они продержатся несколько дней до прихода шведской
армии, осаду можно будет легко снять.

Vansusce также энергично взялся убеждать москвитов тер-
петь осаду до прихода сил короля Карла. Между тем Дмитрий тай-
но узнал о некоторых причинах недовольства, которое Vansusce
испытывал к предателю Glasco, что выразилось как в отказе вы-
дать ожидаемое им вознаграждение, так и в смене благосклоннос-
ти и моральной поддержки Vansusce — поскольку это обычно так и
происходит с узурпаторами, которым для выполнения их целей
служат такие министры. Используя их до конца, они превраща-
ют эти услуги в преступления, особенно в тех случаях, когда есть
ожидание вознаграждения сверх всяких заслуг — благодеяния для
тиранов удовольствия уже не приносят, поскольку они легко могут
возвратить эти милости себе. Раз преступив черту, они уже думают
не о том, как наградить, а о том, как убить. Так и Glasco, вообра-
зив, что его услуги Vansusce настолько велики и достойны награ-
ды, что за них и половины государства мало, упомянул, что для
того, чтобы вернуть себе любовь и уважение Бога и людей, ему не
остается никакого другого пути, как еще раз пройти по тропе изме-
ны. Дмитрий, стремясь сыграть на этом недовольстве Vansusce, с
помощью которого можно добиться некоторых возможностей для
неожиданного вторжения в город, от своего имени секретно по-
слал Glasco письма, в которых коснулся (в мягких выражениях)
его неверности, а также измены, на которую его преступные стопы
направила его растленная порочная душа. Он дал ему слово госу-
даря, что если он найдет для него способ, как войти в город, он не
только простит ему его прошлое, но и восстановит его в прежней

favour. These Letters being intercepted, were brought to Vansusce, who presently caused this trayroure to be committed to prison, where having a long time endured much miserie, he was at last arraigned and condemned, and finally, were he faulty, were hee faultlesse, hee was executed in the Mosco, a fit death for such a life. There were many others of his condederacie, which because I knew not their names, I would not mention their actions, but this I deliver from report, that none of them all died their natural death, onely one excepted, that yet lives in a pelting Village in Ruscia, poore, wretched, miserable and hated of all the world.

должности и милости. Эти письма были перехвачены и доставлены Vansusce, который тотчас приказал заточить этого предателя в тюрьму, где, претерпев в течение долгого времени большие бедствия и страдания, он был подвергнут суду и признан виновным, а затем, неважно, был ли он виновен в предъявленных ему обвинениях или не был, он был казнён в Москве — достойная смерть для такой жизни. Было также много других, обвиненных в преступном сговоре с ним, и поскольку я не знаю их имен, я не буду описывать, что с ними произошло, однако мне сообщили, что никто из них не умер естественной смертью, кроме одного, который по-прежнему живет в глухой деревне в России в бедности, жалкий, несчастный и отверженный всем миром.

CHAP. 10

King Charles of Swethland sendeth an army of twelve thousand Souldiers into Ruscia, under the command of Pontus de la Gard a French Coronell, the Ruscians ioyne with them and remove the Leager: the Emperour Demetrius flees againe into the Dukedome of Colloge.

Now must the miseries of Ruscia be augmented by the comming of this Armie compounded of so many Nations, English, French, and Scots. For though they came as a friend, and for their aide, yet who can stay an Armie from spoile and rapine, which the unhappy Ruscian found true in the pursuite of this bloudy warre, not onely in their goodes and cattelles, but even in their wives and daughters, which in all places were made a prostituted prey to the lustfull appetite of the Souldiers. It was about the beginning of Summer, that this Army of King Charles descended into Ruscia, under the command of the aforementioned French Coronell Pontus de la Gard, who with all speede marched with this Armie to the Cittie of Mosco, ençamping in the most commodious place they could find neare to the Pölish Leager. Demetrius was before advised to remoove, by them who fore-iudged the prooffe of that which the sequel manifested, foreseeing that it would be a hard matter for Demetrius to resist both the Forces of the Mosco, and this new raised power, for being much wearied with a long siege, being now also with this fresh // Armie, in a manner beleagerd themselves, they soone found the want of victualles and other necessaries, which in a short time brought them to great miseries, and to increase the Swethen Army, Demetrius the brother of Vansusce advaunceth himselfe forward with twentie thousand Ruscians, to ioyne with the Swethen forces. Now are all places forestalled that might bring in succours to the Polish Leager. The Emperour Demetrius was now in greater miserie than ever before: for besides the wants which he endured, the Poales themselves beganne to murmure and mutiny against him, insomuch as he was often times enforced to heare many contumelious words and reproaches pronounced against him, that he was an unhappie Prince, borne to a disastrous fortune, and not onelie for himselfe, but also for such as should take part with.

The Councells that were daily held were continually divided, some advise to make their way thorow the Swethen Armie, others to continue

ГЛАВА 10

Король Швеции Карл присылает в Россию армию в двенадцать тысяч солдат под командованием французского военачальника Делагарди. Русские присоединяются к ним и они прорывают осаду. Царь Дмитрий снова бежит в Калужское княжество.

Теперь с приходом этой армии, состоящей из представителей такого множества стран — англичан, французов и шотландцев — Россию ожидали еще большие бедствия, поскольку хотя они пришли как друзья на помощь, однако, кто может удержать армию от разорения страны и насилия, в чем несчастные русские убедились воочию в ходе этой кровавой войны, когда не только их имущество и скот, но даже жены и дочери стали легкой добычей похотливого аппетита солдат. Было начало лета⁴⁷, когда эта армия короля Карла вступила в Россию под командованием вышеупомянутого французского военачальника Делагарди⁴⁸, на полном ходу прошла в походном марше к Москве и разбила лагерь в наиболее удобном месте неподалеку от осаждающих город поляков. Дмитрию уже ранее советовали снять осаду те, кто заранее предвидел, как уже говорилось в этом повествовании, что войскам Дмитрия будет сложно оказать сопротивление как силам Москвы, так и этой новой собранной армии, поскольку, будучи очень сильно ослабленными этой длительной осадой, и противостоя теперь еще и этой свежей армии, они оказались как бы в окружении и вскоре обнаружили потребность в провианте и других необходимых вещах, что в короткий промежуток времени привело их к большим лишениям. Для усиления шведской армии брат Vansusce Дмитрий⁴⁹ выдвинулся вперед с двадцатью тысячами русских солдат, чтобы соединиться со шведскими силами. Теперь все пути, по которым могла поступать помощь лагерю поляков, были перекрыты. Царь Дмитрий оказался в необычайно бедственном положении, поскольку не только он сам испытывал лишения, но и поляки начали так сильно роптать и бунтовать против него⁵⁰, что он был вынужден часто слышать дерзкие слова и упрёки в свой адрес о том, что он — несчастный государь рожден жить под звездой, несчастливой не только для него самого, но и для тех, кто эту судьбу с ним разделяет.

На совещаниях, которые проходили ежедневно, мнения постоянно разделялись: некоторые советовали пробиваться через

the Leager, the most to parlee, the last was the worst that Demetrius liked, knowing well that there would be no composition made without his delivery, either alive or dead into the hands of Vansusce, which though the Poales knew it was for their best safety so to do, yet they did abhorre it as an erecrable deed, to betray a Prince whom they had undertaken to protect, and to yeelde him to his enemies hamds whom they had bowed to defend. To continue the Leager, was without all possibilitie of effecting, victualles growing so scarce in their Campe, that all provision was devoured so farre as they were enforced to eate their horces; and from this scarcitie followed a great mortallitie. The Poale being so straitly ingirt, that they wanted ground to bury the dead, the unhappy Prince sits alone in his tent, all desolate and dismayed, wanting both courage and counsell in these extreames; in the Campe he sees his dignitie decreased, and his commaund not respected; in his Tent he feares murder, in his Cuppe poyson: and though the causes of these // feares were false, there being no such intendments, yet to a troubled minde overwhelmed with sorrow, oppressed with care, distracted with opinion what comfort or conceit can assure, his friends being a few noble men of Russia that were about him, comfort him, and counsell him, that he would adventure with those companies of Russians hee had yet in his commaund, which were faithfull to him in all fortunes, being neverthelesse not above the number of a thousand men, make an attempt in the dead of the night for their escape, even through the Swethen Armie, the necessitie of the time and place say they urge you to this dangerous resolution or to die, there being no third way for you to take: you shall not neede to feare our loyalties, because our owne lives lies in the same hazard, and if wee live or die, it shall be our glories, that we have either freed you from this danger, or that we have communicated our service to the fortunes of our Prince. For the attempt itselfe, it may happily not proove so full of perill as it appeares to be, for that the darknesse of the night, the suddennesse of the action, and the advantage of the place wherein we are quarterd, being but against the skirtes of the Swethen Armie, may happily make

шведскую армию, другие — продолжать осаду, большинство же предлагало переговоры. Последнее устраивало Дмитрия в наименьшей степени, так как он хорошо знал, что не будет достигнуто никакого соглашения без его передачи живым или мертвым в руки Vansusce. И хотя поляки сознавали, что это для их безопасности является самым лучшим, они тем не менее питали отвращение к этому варианту как к делу мерзкому — предать государя, которого они обязались охранять, и отдать в руки врагов того, кого они поклялись защищать. Продолжать осаду не представлялось никакой возможности, поскольку запасы провианта в лагере настолько истощились, что в качестве съестного поглощалась любая провизия вплоть до того, что они были вынуждены есть своих лошадей, а из этой скудности провианта вытекала высокая смертность. В ситуации, когда поляков так косила смерть, что им не хватало земли для захоронения трупов, несчастный государь сидел в одиночестве в своей палатке, будучи в полном смятении и безысходности, нуждаясь в этих бедственных условиях как в мужестве, так и в добром совете, и при этом наблюдая, что его авторитет в лагере падает, что его команды не выполняются. Он боится, что его убьют, что ему подадут чашу с ядом, и хотя причины этих страхов не имеют под собой основания, так как таких намерений не существует, разве может находиться в спокойствии и быть довольной смятенная душа, отягощённая скорбью, подавленная заботами, полная тревожных дум! Его друзья, несколько русских из знати, которые находятся при нём, успокаивают его и дают ему совет, что ему вместе с теми небольшими отрядами русских, которые всё ещё находятся под его командованием и были всегда верны ему во всех перипетиях судьбы, численностью, однако, не превышающей тысячи человек, надо совершить смелую попытку глубокой ночью прорваться через шведскую армию. «Время и место, — говорили они, — диктуют вам настоятельную необходимость принять это опасное решение или умереть. Третьего пути вам не дано. Вам не следует сомневаться в нашей верности, поскольку наши жизни находятся в такой же опасности, и если мы останемся живы или погибнем, это будет наша слава, заключающаяся в том, что мы либо спасли вас от опасности, либо отдали свою жизнь на благо нашего государя. Что касается самой попытки, она, к счастью, может оказаться не настолько опасной, как это кажется. Тёмная ночь, неожиданность действий и выгодное положение, в котором мы находимся — напротив фланга шведской армии, могут удачно содействовать нашему безопасному

our way with more safety, and lesse losse than you imagine, howsoever it falls out, the greatest danger dwells heere, where to remaine, there is nothing more certaine than certaine destruction. These words, together with the desperate condition of their estates, made him suddenly to apprehend the plot, and to entertaine with courage the resolution of this attempt, which was done so closely and so secretly, as it was not discovered till the larum was given: this was about the noone of the day, all the afternoone was spent in councell, and in giving directions, which also was done so correctly, as the Poales themselves doubted nothing lesse than that which was intended. Now is the houre come wherein Demetrius must passe as great or a greater danger (by all opinion) than that of the Castle in Mosco, // but with lesser feare or sorrow: for his unhappy fortunes had now so much inured him to such disastrous accidents, that his mind seemed to be suted to his misery, all things therefore being ready, they beginne to dislodge, the larum was first given in the Swethen Armie, and was so suddenly answered in all places, that it bred a horrible confusion, the Poales feared a surprise from the Swethen Army, the Swethen from the Poales. When they came into the Emperours Tent, not finding either his Guard or himselfe, they cried out, that he had betrayed them. Pontus de la Gard drawes the best of his Forces to the head of his Campe, and there attends all attempts, whilst the Emperour with the losse of a few men had passed the danger, the darknesse of the night being a great help onto him, his guides before day had brought him out of all feares from any followers, howbeit many of the Poales followed after, and yeelded themselves afterward to him in Colloge.

All this time both the Campes stooode still without anie attempt on either side. The City not knowing the matter were soone in Armes, howbeit kept themselves within the walles, in the morning the Poales found the plot, and being driven every way to obey necessity, they required capitulations of truce with Vansusce, which was granted, the Articles drawne, the composition made, the Poles dislodge, and with colours displayed; they went, some into other parts of Russia, turning Cossakes, and living upon spoyle, some back into Poland, into having

продвижению и уменьшить ожидаемые потери. Как бы то ни было, наибольшая опасность — это оставаться здесь, что без всякого сомнения будет означать полный разгром». Эти слова вкупе с безнадежным состоянием дел, неожиданно заставили его оценить замысел и принять мужественное решение о такой попытке, что было сделано настолько быстро и тайно, что не было обнаружено вплоть до сигнала тревоги. Это произошло примерно в полдень, весь вечер прошел в совещаниях и отдаче распоряжений, что также было сделано настолько правильно, что сами поляки ничего не заподозрили. И вот пришел час, когда Дмитрий должен был пройти такое же или даже еще более опасное испытание (по общему мнению), чем то, которое было в московском дворце, правда, сопряженное с меньшими опасениями и страданиями, поскольку его несчастная судьба настолько приучила его к таким катастрофам, что его душа, казалось, привыкла к лишениям. Когда всё было готово, они начали выдвижение. В шведской армии был подан сигнал тревоги, который был настолько неожиданным для всех повсюду, что вызвал ужасное смутнение: поляки опасались неожиданного нападения со стороны шведской армии, шведы — со стороны поляков. Войдя в палатку царя и не обнаружив там ни его охраны, ни его самого, они (поляки — *Е.К.*) стали кричать, что он предал их. Делгарди подтягивает свои самые лучшие силы к центру своего лагеря и там ожидает попыток наступления. А в это время царь, потеряв несколько человек, уходит от опасности, чему очень хорошо содействует темное время ночи. И до рассвета его проводники выводят его туда, где он может уже не опасаться преследования. Впоследствии, однако, многие поляки последовали вслед за ним и сдались ему в Калуге⁵¹.

Всё это время оба лагеря находились без движения и не совершали никаких попыток нападения ни с одной, ни с другой стороны. Горожане, не знающие причины тревоги, были вскоре в боевой готовности, однако продолжали оставаться в пределах городских стен. Поляки к утру обнаружили замысел и, будучи полностью вынужденными считаться с необходимостью, запросили у Vansusce мирную капитуляцию, которая была им предоставлена. Было составлено мирное соглашение, подписав которое, поляки снялись с места и со знамёнами отправились: некоторые в другие места России, где стали казаками, занимающимися грабежом, другие — назад в Польшу, где доложили своему королю о том, каким образом Дмитрий совершил свой побег, который привел к их собственным

related to their King the manner of Demetrius flight, and by it their owne enforcements, he renounced forever his friendship and alliance, protesting from thenceforth never to aide him either with men or money. But though hee seemed to be discontent, hee was neverthelesse inwardly glad that such occasion was proffered, in his owne behalfe to revenge and recover the losse hee had sustained, and under this colour, together with the broken Title he had to the Dukedome of Sevean, to invade the whole Empire // of Russia, and to keepe it for himselfe, which shortly after hee in person did, as you shall heare. And thus was the Polish Leager all this time removed.

вынужденным действиям. Он навсегда отказался от своей дружбы и союзничества, объявив, что впредь никогда не будет помогать ему (Дмитрию — *Е.К.*) ни людьми, ни деньгами. Но хотя король и казался недовольным, в душе же на самом деле был рад предоставившейся возможности отомстить и возместить понесенные им потери и под этим предлогом, наряду с нарушенным обещанием о передаче ему Северского княжества, захватить все Русское государство и владеть им самому, что вскоре он и сделал, о чем вы узнаете из дальнейшего повествования. Таким образом была окончательно снята польская осада.

CHAP. 11

Knesevansuske continues still his usurped authoritie. Sigismond King of Poland descends into Ruscia with an army of a hundred thousand men he besegeth Smalensco, ang the great Citty of Mosco. The Emperour Demetrius makes another attempt, but is driven backe into the Dukedome of Collogue.

Now stood Vansusce higher in state and opinion of the people that ever before: Noewere there daily feastings and triumphs in the Citty, and all dedicated to Vansusce fortunes, Orations made daily in the publique Hall to the people of eternal praise and immortall thanks to Vansusces greatnesse, even above the straine of flatterie, attributing the safety and preservation of their lives and goodes to his wisdom and providence, together with the general good of the whole Land, reduced by him from a manifest danger of bitter destruction, the benefit of whose peace (say they) and happy state next under God, we derive from his Imperiall Maiestie in his natural and political body, the one so absolute in blood and qualitie, the other so excellent in State and Councell, that as he gives place to no Prince living for Stile and Territorie, reaching from the River of Ipre, to the Caspian Sea, in Fame and Glorie they all give place to him; and it is the anniversall joy of the whole Empire, that to a Prince voluptuous and full of defects, as was Demetrius, there hath succeeded a Prince of such high worth and estimation. They also // gave great praises and gifts to the French, English and Scottish for their paines taken, and balours shewne, in their defence, still retaining them in Mosco for their garrison. But though the Citty was for a time thus delivered, and in quiet, the Poles that remained still in the Countrey, having taken many Castles, and strengthened themselves in many places, commit all manner of unspeakeable cruelty and villany on the poore people, who can call nothing they have their owne, neither wives, children, nor goodes, but are all made a prostituted prey to the Poles lust and rapine; in their houses, sword and fire destroyeth them, in the woods,

ГЛАВА 11

Kresevansuske по-прежнему продолжает удерживать узурпированную власть. Король Польши Сигизмунд прибывает в Россию с армией в сто тысяч человек, осаждает Смоленск и огромный город Москву. Царь Дмитрий совершает еще одну попытку, однако его отбрасывают снова в Калугу.

Теперь Vansusce, как никогда ранее, пользовался огромной властью в государстве и уважением народа. В городе теперь ежедневно проходили празднества и торжества, которые все посвящались успешным делам Vansusce. В общественных местах каждый день произносились торжественные речи с выражением бессмертной славы и вечной благодарности величию Vansusce, причем тональность речей была даже выше обыкновенной лести. Его мудрости и осторожности приписывались безопасность людей и сохранение их жизни и имущества, а также общее благосостояние всей страны, явную угрозу полного разорения которой он уменьшил. «Благо от мира в стране, — говорили они, — и почти райское счастье в государстве мы получили от Его Царского Величества в его природном и политическом лице, причем первое настолько абсолютно по крови и качеству, а второе настолько превосходно по достоинствам и решениям, что ему, по величию и территории, простирающейся от реки Днепра до Каспийского моря, нет равных среди государей по славе и известности, все они уступают ему, и вся страна рада тому, что на смену сластолюбивому и полному недостатков правителю, каким был Дмитрий, пришел государь таких высоких достоинств и уважения». Также выражалась огромная благодарность и вручались богатые подарки французам, англичанам и шотландцам, которые по-прежнему содержались в Москве, в своем гарнизоне, за их усилия и проявленный героизм по защите страны. Однако, хотя в течение этого времени в городе было так безопасно и спокойно, поляки оставались по-прежнему в стране. Захватив множество крепостей и укрепившись во многих местах, они совершали всевозможные акты отвратительной жестокости и злодейства по отношению к бедному народу, который был поставлен в такое положение, что не имел ничего собственного, ни своих жен, ни детей, ни имущества, являясь предметом продажи и грабежа со стороны похотливых и жадных поляков — в своих домах их уничтожали огнем и мечом, в лесах их ждала смерть от голода и

hunger and colde devoureth them. Thus the poore Russians in many parts of the countrey doe miserably feele or endure, eyther alive or dead, the bondage of the Poles tyranny. Yet these afflictions and calamities present, are but as a sufferable paine or disease, inflicting one part or limbe, in respect of the ruinerfall mischiefe following, that tormented and almost destroyed the whole bodie of the Empire. For by this time Sigismond King of Poland raiseth a mighty Army, compounded of many Nations, as Tartars, Leislanders, Coerlanders, together with some Companies of English, Scottish and Dutch, and many numbers of Cossakes, which be people drawne from all parts, following onely for spoile and prey.

Vansusce hearing of these great preparations in Poland, fortifies the Mosco and other places of import in the Empire, but especially the City of Smalensco, whereof one KneIacob a Noble man of great power and virtue, was Duke and Governour, howbeit at that time, for some reasons, he committed the government and defence of that City to an other whose name I could not learne. Thus all things being in a readinesse, both with the Pole for invasion, and the Russian for resistance, Sigismond advanceth forward with his Army, consisting of a hundred thousand fighting men. This was about Michael, // masse in the yeare 1609 for he stayed at purpose till their Harvest was ended for the reliefe of his Armie. Being descended into Russia, he came with his whole forces before the City of Smalensco, one Chollcosce a noble souldier that had done many honourable services against the Turke, being his Lieutenant generall.

Now had Vansusce (which I would have remembred before) sent to King Charles of Swethland for more ayde, who presently dispatched his Messengers to France, England, and the lowe Countries for men. There were taken up in England of Voluntaries, English, and Scottish, two thousand under the commaund of Captaine Caluine a Scottishman, lieutenant Coronel to my Lord of Wormston, and of Captaine Coborne a valiant Souldier Coronell of the horse. There were also sent at that time out of France, and the low Countries, to the number of one thousand more, the French under the commaund of Monsieur la Vile a Captaine of name and worth among them, the Dutch under the commaund of Coronell Doue: the English and Scottish forces arrived in Swethland

холода. Таким образом, во многих частях страны бедные русские по-настоящему страдали и подвергались мучительным испытаниям — живые и мертвые, они были под гнетом тирании поляков. Однако, эти действительно имевшие место несчастья и бедствия являлись всего лишь как бы мучительной болью или болезнью, поразившей одну часть или одну из конечностей тела, если их сравнивать с последующими разрушительными болезнями, которые мучили и почти разрушили все тело государства. Дело в том, что к этому времени король Польши Сигизмунд собрал мощную армию, состоявшую из многих национальностей, таких как татары, литовцы, курляндцы, а также нескольких отрядов из Англии, Шотландии и Голландии, множества казаков, то есть людей со всех стран мира, привлеченных лишь жаждой убивать и грабить.

Узнав об этих крупных подготовительных действиях в Польше, Vansusce укрепляет Москву и другие важные города России, среди которых особое внимание уделяет городу Смоленску, в котором князем и губернатором был некий KneIacob⁵² из знати, обладающий большой властью и заслугами, однако в то время по каким-то причинам он передал управление и оборону города другому человеку, имя которого я выяснить не смог. Таким образом, когда все было подготовлено, поляками для вторжения, а русскими для сопротивления, Сигизмунд выступил со своей армией, насчитывающей сто тысяч воинов⁵³. Это имело место где-то около Михайлова дня⁵⁴ в 1609 году, так как он оставался на месте с целью дожидаться окончания сбора урожая, чтобы люди освободились для вступления в его армию. Вторгшись в Россию, он со всей своей армией подошел к городу Смоленску, его генерал-лейтенантом был некий Жолкевский, воин знатного происхождения, прославившийся в войне против Турции⁵⁵.

До этого Vansusce (о чем мне следовало упомянуть раньше) обратился за дополнительной помощью⁵⁶ к королю Швеции Карлу, который направил гонцов во Францию, Англию и Нидерланды за людьми. В Англии было набрано две тысячи английских и шотландских добровольцев под командованием военачальника Колвила⁵⁷, шотландца, подполковника у милорда Вормстона, и военачальника Коброна⁵⁸, braveго воина, полковника кавалерии. Из Франции и Нидерландов в это же время были посланы силы численностью в одну тысячу человек, французы — под командованием месье Лавиля⁵⁹, военачальника, пользовавшегося среди них известностью и уважением, голландцы — под командованием полковника Дуэ⁶⁰: силы Англии и Шотландии прибыли в Швецию

about the latter end of May, some in the Nulies, some at Stockholland, and some in other places, as the uncertaintie of winde and weather drave them. But being all at length met at Stockhollam, entertained, mastered, and sworne unto King Charles, our Forces, together with the French and Dutch, which by this time were all mette, stayed there the most part of the Summer, until the latter end of August, in which time the King had made his preparations ready for his Intendments towards Russia. About the beginning of September these Forces were shipping for Russia, but by contrary windes were driven upon Fynland. where because the Commanders had no directions to land their men, the frost overtaking them, and victualls sailing aboorde, our people unaccustomed to so colde a climate, dyed in great numbers, for want of foode and abundance of colde, insomuch that being not able to // endure the extremitie, they landed their Forces by directions from the Governour of Abo, a towne scituate uppon the Sea: from thence to march to the Cittie of Wyborrough, being distant from the place of landing three score and tenne leagues, in which march they lost by the extremity of the colde, many of their men by the way, and many were left behinde sicke, that nevertheless did afterward recover the Army. At the last being come to the Cittie of Wyborrough in Fynnland, our Troupes releevd themselves after this long weary march, and being kindly entertained of the Bourgers, kept their Christmasse in the citie, and rested there for the space of foureteene dayes, wanting no necessaries that their present case required. After this time expired, our Troupes marched three daies journey to the Sea side, that Sea being narrow in that place, parting Fynnland and Russia: here they marched eight leagues upon the Ice, and having once set footing in Russia, the people of the Countrey being unacquainted of their coming, forsooke their houses, fleeing into the woods and other unknowne places, for the miserie of the warre was so great by the outrages of the Souldiers, that they found cause to distrust all aswell those that came to defend them, as such as came to destroy them. Yet our troupes committed no other spoile in their march, but onely in their provision for victualls, which in all places they found in abundance, our Troupes marched in small iourneis the foure moneths following, Januarie, Februarie, March and Aprill, under the guide and conduct of one Burrisse a Noble man of the Countrey, appoynted by Vansurce for that businesse;

примерно в конце мая вышеуказанного года⁶¹, одни — в Нюлисе⁶², другие — в Стокгольм, третьи — в другие места, в зависимости от неустойчивых ветров и погоды. Через некоторое время все они встретились в Стокгольме, где развлекались, совершенствовали свою подготовку, а затем приняли присягу королю Карлу. Наши силы, которые к тому времени объединились с силами Франции и Голландии, оставались там большую часть лета до конца августа, когда король был в готовности выполнять свои намерения по отношению к России. Примерно в начале сентября эта армия направилась по морю в Россию, но в результате переменных ветров оказалась у берегов Финляндии, где военачальники не знали, в каких местах высадить людей. В условиях, когда было холодно и продукты питания оказались за бортом, многие наши люди, не привыкшие к такому суровому климату, умирали, одни — от голода, другие — от сильного холода. Будучи не в состоянии выносить такие экстремальные условия, наши силы высадились под руководством губернатора Або, города, расположенного на побережье моря, с тем, чтобы оттуда следовать пешим строем до города Выборга, находящегося на расстоянии семидесяти лиг⁶³ от места высадки. На этом отрезке пути они потеряли от сильного холода многих людей, многие также заболели и отстали, однако впоследствии смогли догнать армию. Добравшись наконец до города Выборга в Финляндии, наши силы смогли отдохнуть после такого длительного марша. Их гостеприимно приняли горожане, в городе они встретили Рождество и отдыхали там в течение четырнадцати дней, не отказывая себе ни в чем. По истечении этого времени они проследовали трехдневным маршем к побережью. Морской залив, отделяющий в этом месте Финляндию от России, был узким: здесь они прошли по льду восемь лиг и, наконец, вступили на территорию России. Люди в этой стране, не ожидавшие их прибытия, покидали свои дома, убегая в леса и другие глухие места. Претерпеваемые ими военные невзгоды от преступлений солдат были такими сильными, что у них были причины не доверять никому — ни тем, кто пришел защищать их, ни тем, кто пришел их уничтожать. Наши войска, однако, на пути не совершили никакого грабежа, кроме добычи провианта, который был здесь в изобилии. В течение последующих четырех месяцев: января, февраля, марта и апреля наши силы продвигались небольшими дневными переходами, руководствуясь направлением и указаниями проводника, некоего Бориса из знати этой страны, назначенного с этой целью Vansusce⁶⁴. В течение это-

in which march they freed those partes of the Countrey, which the Pole before was possessed of, as the first, a towne of import called Stallarusse, which the Pole forsooke upon their comming, and fled. But Monsleür la Vile following them with a few horse, cut them in peeces. They marched from thence to a Towne of defence called Costasco, which the Pole has // alittle before beleagerd, but upon an assault made having found an unexpected resistance. And hearing the approach of the strangers, they fled before our comming.

By this time the Sunne in his delightfonie progresse having passed the Equinoctiall, had turned the wearis wrackes of wastefull winter, into the cheerefull view of the Summers beauty, at which time, it being in the beginning of Daie, our Troupes recoverd a very pleasant country, where in great plenty they found all necessaries for horse and man. After some few dayes march in this champian countrey our Troupes received intelligence where the Enemy lay, to the number of seaven or eight thousand, at a Towne called Arioua some foure score verts, which is three score English miles from them. This Arioua was a great Towne, scituate on the side of a hill, pleasant to looke upon, the great river of Vollga running through it, and as it were, equally parting it in the midst, with a strong and faire Castle in it; howbeit the Towne unwallèd and undefensibël.

Our men having received true relation, both concerning the Towne, the Poles strength, the distance, and the best way that leadeth unto it, they entered into councell, what best was to be done for the surprize of this Towne, and a non-slaught of the Poles, and as alwayes in such cases of weight, there are diversitie of Judgements and Opinions, some giving councell one way, some another, the bravest spirites stirred up with honourable emulation of others fame and greatnes, presse forward for employment. Coronell Coborne being the first that desired to have the undertaking of this businesse with five hundred horse; but his plot being disliked, as being too full of danger, Monsleür la Vile the French Coronell undertooke with foure hundred horse to doe some notable service or other, as occasion should be proffered. For many

го похода они освободили те части страны, которые ранее были захвачены поляками, первым был освобожден важный город Старая Русса, который поляки при их приближении покинули бегством. Однако месье Лавиль с небольшим кавалерийским отрядом настиг их и уничтожил. Оттуда они направились к городу под названием Осташков, который поляки немногим ранее осадили, однако, пытаясь взять его штурмом, натолкнулись на неожиданное сопротивление. Узнав о приближении иностранных войск, они пустились в бегство до нашего прибытия.

К этому времени солнце в своем восхитительном движении прошло точку равноденствия и превратило унылые картины разрушительной зимы в радостный пейзаж красоты лета. К этому времени, что было в начале мая, наши войска оказались в очень приятной части страны, где они имели в большом достатке все необходимое для людей и лошадей. После нескольких дней похода по этой благословенной части страны наши силы получили разведывательное донесение о местонахождении врага численностью в семь-восемь тысяч человек. В городе под названием Arjova⁶⁵, находящийся от них на расстоянии примерно восьмидесяти верст, что в английском измерении равняется шестидесяти английским милям. Arjova был крупным городом, расположенным на склоне холма, разделенным на две равные части большой рекой Волгой и имеющим сильную и красивую крепость. Однако, сам город не был окружен стеной и не был защищен от нападения.

Получив достоверные сведения о городе, численности поляков, расстоянии до города и кратчайшем пути до него, наши люди приступили к совещанию о том, что лучше сделать, чтобы обеспечить внезапность подхода к городу и штурм поляков. И, как обычно бывает при обсуждении таких важных вопросов, возникли различия в суждениях и мнениях. Одни выдвигали свои предложения, другие придерживались другого мнения, наиболее храбрые по духу, подвижные благородным стремлением быть достойными славы и величия других, с готовностью предлагали свои услуги. Полковник Коброн первым предложил решить эту задачу кавалерией численностью в пятьсот лошадей, однако его замысел посчитали слишком опасным, и он не был одобрен. Месье Лавиль, французский полковник, вызвался достичь тех или иных важных результатов, если предоставится возможность, силами в четыреста кавалеристов. Очень часто в таких спорных случаях непредусмотренные случайности и незапланированные действия имеют большие возмож-

times in such doubtfull cases, unlooked for Accidents and unplotted attempts ande better opportunitie finde successe in prevayling upon // the sudden, than premeditated and fore-decreed Councells. Thus having taken some of every Troupes, English, Scottish, and French, with the aide of three other Capitaines, as Capitaine Cosmorre, a Poore, a very valiant Souldier, brought up in the warres of the Netherlands, the other Capitaine Crale an Englishman, and Capitaine Creton a Scottishman, with this number of foure hundred horse. La Vile earely in the morning leaving the Armie in their quarters, marched towards Arioua, by the way they mette with a Conskippe of the Enemy, being a hundred horse upon the skirt of a wood, it being sent from the maine Armie in Arioua as a scowt-watch to discover our Troupes, for they had Intelligence before of our being in the Countrey. Their Vancurriers having espied our forces, gave the larum, and presently turned backe and fled, but our Troupe followed, slew some, forced others to take the river of Vollga, tooke many prisoners, the rest fled, fying the Countrey as they went, and brought the newes of our approach to Arioua. La Vile with his troupes held on his course, meeting with no other Occurrences by the way till hee came to a little river, which they found so deepe, and the current running so swift by reason of the late dissolving of the Snowe, that they knew not how to passe over. La Vile himselfe proffered to give the attempt, but was stayed by others that looked into the daunger: a French Souldier of his Troupe, shewing more courage than foresight, tooke the river with his horse, and by the violence of the Streame, were both drowned. Here they spent some time to seeke out a foord, but found none : at last they espied a narrow place, where (putting downe an olde house standing hard by) with the rafters there of they made a little bridge, upon which they passed on foote, swimming over with their horses in their hands. Thus they marched forward till they came within sight of Arioua about the noone time of the day. La Vile when he came within view of the Towne, and saw how it stoode parted // by the river of Vollga, might perceive afarre off on the other side of the Towne, the Enemies colours displayed in great numbers, the sodainenesse of the action bred a terrour on both partes, the Poales verily believing that the maine Armie of our forces to be at hand, and our troupes supposing the Enemies strength to be as great on that side of the river as on the other, though undescried, howbeit

ности и более неожиданный успех, чем заранее обдуманное и согласованное решение. От каждой части объединенных сил, английской, шотландской и французской, было отобрано в общей сложности четыреста человек кавалерии, включая выделенных в помощь еще трех военачальников: Космора⁶⁶ из бедного сословия, очень храброго воина, проявившего себя в войнах Нидерландов, Крэйла, англичанина, и Кретона, шотландца. С этими силами рано утром Делаویل отправился из расположения армии по направлению к городу Агіова. На пути они встретились с конным отрядом противника численностью в сто лошадей, который находился на окраине леса. Этот отряд был отправлен из основной армии в Агіова в качестве дозорного для обнаружения наших сил, так как их разведка донесла им, что наши войска уже находятся в стране. Дозорные отряда, обнаружив наши силы, подняли тревогу, и отряд немедленно повернул назад, спасаясь бегством. Однако наши силы вступили в преследование, некоторых убили, других загнали в реку Волгу. Остальным удалось уйти от преследования, удирая, они поджигали все на своем пути, а, прибыв в Агіова, сообщили вести о нашем приближении. Делаویل со своими силами продолжал путь без каких-либо происшествий, пока они не добрались до небольшой реки, которая из-за позднего таяния снега оказалась настолько глубокой и имела такое быстрое течение, что они не знали, как переправиться через нее. Делаویل сам вызвался сделать попытку, однако другие его остановили, посчитав это опасным. Французский воин из его отряда, являя пример больше отваги, нежели предусмотрительности, отправился через реку вброд верхом на лошади, но не справился со стремительным течением и утонул вместе с лошадей. В течение некоторого времени они искали брод, однако, не нашли такового: наконец, им удалось обнаружить узкое место, где, (разобрав старый дом, стоящий совсем рядом), с помощью стропил от этого дома они соорудили небольшой мост, по которому переправились пешком, держа под уздцы плывущих рядом лошадей. После этого они отправились вперед и шли, пока примерно в полдень не оказались в пределах видимости Агіова. Подойдя к месту, откуда можно было обозревать город, Делаویل увидел, что он разделен на две части рекой Волгой, а на на другом берегу реки далеко вдали развеваются в большом количестве знамена противника. Неожиданность происходящего вызвала смятение у обеих сторон, у поляков, считающих, что рядом находится основная армия наших войск, и у наших, предполагающих, что численность

they kept on their march towards the Towne, with resolution to doe some notable service, either by death or victorie; when they came within halfe a league of the Towne, they espied five hundred horses of the Enemie advanced against them, where on the sodaine both sides awhile stooode in gaze one of an other: at last fourty of the Enemies horses were drawne forth, with proffer of a charge after the manner of a Bravade, a twelve or fireteene of our horses gave an onset to answer them, slew some, and beat the rest backe into their maine strength, so that both parts againe stooode in gaze one of an other. Some doubted that it was the policie of the Pole to draw our Forces neerer to the Towne, and so to encompassse them with their Armie on the other side of the river.

But La Vile, whose courage overcame all feare, feeling no third way to be taken, but eyther that night to die, or to be Maisters of the Towne, out of a brave and honourable minde, with a few words in Dutch, did after this maner encourage his Souldiers, We have come (saith he) thus farre (my loving friends and followers) with purpose and resolution to doe some speciall service or other, in the honour of our Countries, and profession, for advauncing the successe of the maine action for this Land against the Poles tyranny in the behalfe of the King of Swethen. This place of Commaund which at this time I enioy with your consents, I will strive with all my power to discharge, as well for your safeties and contentments, as mine owne honour and reputation, and though we be of severall Nations, Languages, and Customes, we are in // this businesse tyed together in an indissoluble band of love and partnership, eyther to live or die together, the best hope is, wee have our God to defend us all, whole outstretched arme over-swayeth all: let not then eyther our owne weakenesse, or our Enemies strength affright us, for besides the atchivements of Honour that pricketh forward energie worthy minde, there is a necessitie to put us forward, for backe we cannot goe, without certaine dishonour and destruction, all places being harried and spoiled by the Pole, and no reliefs to be found: the rivers also and the champaine fields will give them advantage with their numbers to hemme us in, and cut us in peeces: and if I be not deceived, they stand in more doubt of us, than

противника на этом берегу реки не уступает его численности на другом, хотя этого замечено не было. Они все же продолжали двигаться по направлению к городу с решимостью действовать достойным образом — умереть или одержать победу. Когда они подошли к городу на расстояние в половину лиги, то заметили, что против них движется в наступление кавалерия противника численностью в пятьсот лошадей. Мгновение спустя обе стороны стояли, созерцая друг друга, затем сорок всадников противника устремились вперед с показной решимостью нанести удар, двенадцать—тринадцать наших всадников произвели ответную атаку, убив несколько человек и вернув остальных назад в строй врага. И, таким образом, снова обе стороны стояли, пристально изучая друг друга. Несколько человек высказало опасения, что это тактика поляков, которые хотят заманить наши силы поближе к городу, а затем окружить их войсками своей армии, находящейся на другой стороне реки.

Но Делавиль, отвага которого победила все опасения, понимая, что третьего пути не дано — либо умереть, либо стать хозяевами города, обладая смелым и благородным духом, выступил с небольшой речью на голландском языке и тем самым вселил мужество среди своих воинов. «Мы пришли, — сказал он, — так далеко (мои любящие друзья и последователи) с целью и решимостью сослужить ту или иную особую службу во славу наших стран и веры, для того, чтобы содействовать успеху основных действий, направленных против тирании поляков, на пользу этой стране от имени короля Швеции. Этот пост военачальника, который сейчас я занимаю с вашего согласия, я буду стремиться всеми силами использовать как для вашей безопасности и благополучия, так и для поддержания моей собственной чести и репутации. И, хотя мы все являемся представителями разных народов, языков и традиций, мы все вместе связаны в этом деле неразрывными узами любви и партнерства, чтобы вместе жить или умирать. Нашей самой сильной надеждой является то, что с нами наш Бог, который будет защищать нас всех, направляя каждого указующим перстом. И посему пусть не страшит нас ни наша собственная слабость, ни сила врага, так как кроме стремления к славным достижениям, что побуждает вперед любой достойный уважения ум, у нас есть и необходимость наступать, поскольку назад мы идти не можем без непременного позора и гибели — все места опустошены и разграблены поляками и невозможно будет найти никакого подкрепления,

we of them, as I iudge by the uncertaine waving of their colours on the other side of the river, and it may be all their feare hath given them halfe Intelligence, that wee are to receive seconds from our maine Armie, which they suppose to be at hand. From this feare of theirs springeth my hope, that in spight of the Poales Armie we shall rest in yonder Towne this night, and with that, crying out with a high voyce and spirite, Ihesus met ounce, which in English is: Jesus be with us, with a brave courage they advanced forward. Captayne Cosmorre with the Englishmen gave the charge, and was seconded by the French men.

The Pole seeing the charge thus made with such resolution, fearing (as it was afterward knowne) the approach of our maine Armie, turned their backs, and fled. Notwithstanding they had a second of foure hundred horses more, our troupes followed with all speede, slew many with the sword, the most of them tooke the river of Vollga, thinking to recover their maine Army, but the greatest numbers of them were drowned. Our troupes thus entred the towne of Arioua without any other resistance, and found the castle abandoned, at which they marvelled, that a Towne and Castle of such strength and import, having eight thousand men to defend it, should be thus forsaken.

реки и равнины также дадут им преимущество для того, чтобы, используя свое превосходство в силе, окружить и раздробить нас, и, если я не ошибаюсь, они больше опасаются нас, чем мы их, о чем я сужу по тому, как неуверенно развеваются их флаги на другой стороне реки, возможно, потому, что они опасаются, что не получили полных разведывательных сведений о том, что мы должны получить подкрепления от наших основных сил, которые, как они полагают, находятся рядом. Эти их опасения дают мне надежду, что вместо поляков сегодня ночью мы будем отдыхать в этом городе». И затем с громогласным и страстным кличем: «Ihesus met oupse», который по-английски означает «Иисус с нами!», они отважно бросились вперед. Первый удар нанес командир англичан Космор, за этим последовала атака французов.

Поляки, увидев такое решительное наступление, опасаясь (как стало известно впоследствии) приближения нашей основной армии, повернули назад и обратились в бегство. Несмотря на то, что у них в резерве было еще четыреста лошадей, наши силы преследовали их на полном ходу, многих порубили мечом, большая их часть бросилась в реку Волгу, думая добраться до их основной армии, однако большинство из них утонуло. Таким образом наши силы вошли в город Агіова без какого-либо дальнейшего сопротивления, обнаружив крепость покинутой. Это привело их в изумление — чтобы город с крепостью такой силы и важности, обороняемый восемью тысячами воинов, был так оставлен.

CHAP. 12

Vansusce sends his forces to joine with the strangers, to the number of thirty thousand. Pontus de la Gard Generall of the strangers, attempts to raise the Poles Leager from Smalensco, but in a set battell is fought withall and overthrowne by the Pole.

Arioua being thus taken in, our Troups rested there three days till our maine Armie came up, in which time the Pole stayed in the Towne on the other side the river. But when they saw the approach of all our forces, they hastned their departure, and because they supposed the inhabitants had betrayed them. they set fire on that side of the Towne in the death of the night, only to revenge suspition, where after a most cruell and barbarous manner, they burned and slew, man, woman, and child; a lamentable sight it was, to beholde the flame, and to heare the confused cries of the people, which was the more miserable, because, as there was no pittie in the Pole to respect them, so there was no way in our Troups to release them, by reason of the river, which for want of boats they could not passe. The Poles having thus satisfied their rage upon the poore Russian with blood & fire like incarnate divells, without remorse, leauing this miserable people of all sortes and seres, from the impotencie of Age, to the innocense of Infants, burning in that earths hell of horror, they marched away with drummes beating, trumpets sounding, colours displaying, as if they had effected some notable achievement. Early in the morning, La Vile perceiving them marching away, having had the night before many boats brought up the river by the Russe, carried his principal Forces over, and with all speede followed them. The first night they overtook them in their quarters, slew many of them, took many of their // colours, and forced the rest to flee, who still burning and spoyling the Country as they went, left no reliefe to helpe our Forces in the pursuite, so that in three days, having cleared all that part of the Country, they returned to Arioua, where our Armie rested some fourteene dayes: and as contraries are ever best knowne by their contraries, they found the excellencie of rest after their labour, and of

ГЛАВА 12

Vansusce посылает свои войска для воссоединения с иностранными в количестве тридцати тысяч человек. Генерал Делагарди, командующий иностранными войсками, пытается снять осаду поляками Смоленска, но в жестокой битве объединенные войска терпят поражение от поляков.

Захватив таким образом Агіова, наши войска оставались там в течение трех дней до тех пор, пока не подошла наша основная армия. Поляки в это время находились в городе на другой стороне реки. Но когда они увидели, что подходят все наши силы, они ускорили свой отход, а так как они считали, что жители города их предали, глубокой ночью с целью мщения подозреваемым в этом они подожгли эту часть города, и крайне жестоко и варварски жгли и убивали всех — мужчин, женщин и детей; это было прискорбное зрелище: видеть огонь и слышать отчаянные вопли людей и, что было наиболее ужасным, при отсутствии у поляков жалости к этим людям у наших войск не было возможности освободить их из-за того, что не было лодок для переправы через реку. Поляки таким образом выместили свой гнев на бедных русских — кровью и огнем, как сущие дьяволы, беспощадно уничтожая в этом горящем земном аду несчастных от мала до велика — от беспомощной старости до невинного младенчества, а затем маршируя в походном строю из города под бой барабанов, звуки труб, с развевающимися знаменами, как будто достигли каких-то значительных успехов. Рано утром Делавиль, которому русские накануне подвели вверх по течению реки множество лодок, обнаружив, что поляки уходят, переправил свои основные силы через реку и бросился за ними в погоню. К вечеру они перехватили поляков в их лагере, многих из них убили, забрав большое количество знамен, а остальных обратили в бегство. По мере своего продвижения поляки по-прежнему жгли и грабили страну, не давая нашим силам никаких возможностей облегчить преследование. Поэтому через три дня, очистив от неприятеля этот район страны, наши силы возвратились в Агіова, где наша армия находилась в течение примерно четырнадцати дней; а так как противоположное всегда лучше познается через противоположное, они поняли преимущество отдыха после своих тяжких трудов и недостатка после многих лише-

plenty after their wants. For heere they found all things in abundance that in many places before they wanted.

Not long after La Vile with Cosmer the Moore, and lieutenant Conisby a very resolute Souldier, took in a Towne called Pogrilla, together with a strong Sconce manned by the Pole, taking it upon a surprize in the night putting them all to the sword onely the Gouvernour, and some few other resecued, La Vile, within a while after, went to the Mosco, accompanied with many Officers, English, Scottish, and French, where entertained them with liberall gifts and rewards to every one. Heere they met with Poncus de la Gard, and found a great power of the Russians in a readiness for secure. Sigismond lying all this while before Smalensco, understanding of the free passages, that the strangers had made thorow the Countrey such to the Mosco. And having received further Intelligence, that their forces were ready to joine with resolution to attempt to raise the Leager from before Smalensco, sent upon the sodaine Chollcofsce his liutenant generall with fifteen thousand Launsiers, and thirtie thousand Cossakes to take a Skonce of great import called Gregory, that lieth in the common passage between two great towns from Mosco to Smalensco. This Skonce being thus strongly beleagured on all sides, Vansusce raiseth his Armie from the Mosco, constituting his brother Demetrius their Generall, who joining with the strangers forces, of whom Pontus la Gard had the command, they march towards the Skonce of Gregory, the whole Armie consisting of fortie thousand. Being come within two daise // march of the Skonce, the Enemy having gotten intelligence by some of our fugitives, of the approach of this Armie, their numbers and purposes, which was to surprize them in the night uppon a nonslaught. Cholcosce to prevent their project the night before, drawes out of his Leager three thousand and five hundred Launsiers, being Noble men and Gentle men of the best rancke and resolution, that came with the King of Poland, together with seven thousand Cossakes, and with this number, having nine thousand Launsiers more for a second, closely in the night they marched; and early in the morning, which was Midsummer day, they fell sodainely upon our quarters. Our men trusting that the Moscovite, who knew the Countrey, would be the Scowt-watches have given the larum of any sodaine approach. But the Russe not daring to stirre out of their quarters, was the cause of our

ний — ведь здесь они нашли то изобилие, в котором ранее в других местах нуждались.

Через небольшой период времени Лавиль с Космером Муром, а также с лейтенантом Конисби, очень решительным воином, захватили город под названием Погорелое⁶⁷ вместе с сильным укреплением, занятым поляками. Город был захвачен ночью и мечу Vansuscse были преданы все, кроме губернатора и нескольких других людей, которым удалось спастись. Через некоторое время Лавиль вместе с многими английскими, шотландскими и французскими офицерами направился в Москву, где Vansuscse с почестями встретил их, вручив каждому щедрые подарки и награды. Там они встретились с Делагарди⁶⁸ и нашли русских в хорошей боеготовности. Сигизмунд еще до осады Смоленска, понимая важность свободных проходов до Москвы, получив дополнительные разведывательные данные о том, что их силы готовы объединиться для того, чтобы снять осаду Смоленска, неожиданно послал под командованием генерал-лейтенанта Жолкевского пятнадцать тысяч уланов и тридцать тысяч казаков для взятия имеющего большое значение укрепления под названием Григорьевское⁶⁹, которое находилось на пути между двумя крупными городами: Москвой и Смоленском. Учитывая, что это укрепление осаждено таким образом со всех сторон, Vansuscse вывел свою армию из Москвы, назначив генералом над ней своего брата Дмитрия, который, объединившись с иностранными войсками под командованием генерала Делагарди, направился к Григорьевскому укреплению, при этом объединенные силы насчитывали сорок тысяч человек. Когда армия была на расстоянии двухдневного перехода от этого укрепления, противник получил от нескольких наших дезертиров разведывательные данные о приближении армии, ее количестве и намерениях, что держалось в секрете в расчете на внезапный штурм ночью⁷⁰. Жолкевский для предотвращения их планов накануне выдвинул из своего лагеря три тысячи пятьсот воинов, состоящих из знати и джентльменов высоких рангов и большой решительности, пришедших из Польши вместе с королем, а также семь тысяч казаков, и с этими силами, имея в резерве еще девять тысяч уланов, глубокой ночью совершил марш и ранним утром в Иванов день⁷¹ внезапно обрушился с ударом на наши позиции. Наши люди надеялись на то, что московиты, знающие местность, будут в дозоре и поднимут тревогу в случае любого приближения неприятеля. Однако русские, боявшиеся высунуться из их лагеря, стали причиной

unhappy defeature, and their owne bitter overthrow, for our men being thus put into amazement by the larum given. Pontus de la Gard did according to the shortnesse of the time, and the weight of the danger dispose in this manner of his forces, the bangard he gave to Edward Horne a full Souldier and a brave Commaunder with his Regiment of Fynlanders, who were the first that stoode the Poles charge. But being overcharged by the Poles number of Launsiers, they fled, scarce abiding the charge. Coronell Coborne commanding the English horse, advanced forward with his Troupes, to answer the Pole. The French and Dutch did the like. But Cholcsce finding them weakely armd and horsed, being encouraged before with the overthrow of the Fynlanders, with corage and resolution followed the tract of his fortune; and in short time overthrew the whole Forces of the strangers horse, but with the death of many of his owne Launsiers The whole Army of the Russe seeing the fortune of our forces, being themselves out of danger, fled, without stroke striking. The companies of our foote, seeing the successe // of the day, did barrocado themselves with Cartes and Waggons, with resolution to fight it out to the last man, or to take some honõrable composition. Which Cholcosce perceiving, and doubting some further stratagem, his returns also backe to the Skonce of Gregory being of moment, satisfiying himselfe at that time with the glorie of this day, made a tender of these proffers following, that if they would give over their Strength, they would be at libertie, eyther to serve the Emperour, or the King of Pole with the same pay they had: if they would returne to the King of Swethland, they would have leave, if into theyr owne Countries, they would have licence, and helpe to passe through the Poles Country, with the Kings favour. These proffers were accepted, and they having yeilded, did severally dispose of themselves, some backe to the Emperour, some to the King of Swethen, the most of them to the Pole, many home into their Countries. Thus was this great Armie unhappily disperced, that never met together againe. Pontus de la Gard, Edward Horne, La Vile, Collayne, and Coborne, with a few Officers, and some Souldiers, to the number of five hundred, returned backe to the King of Swethen.

нашего несчастного поражения и их собственного горького разгрома, так как наши люди были застигнуты врасплох таким войском. Генерал Делагарди, учитывая нехватку времени и степень опасности, смог по-своему распорядиться нашими силами. Он поставил Эдварда Горна⁷², настоящего воина и храброго командира, во главе полка финнов, который принял на себя первый удар поляков. Но в силу количественного превосходства польских пехотинцев его полк отступил, едва сдержав удар. Полковник Коброн, командовавший английскими силами, выдвинулся вперед со своим войском для отражения атаки поляков. То же самое сделали французы и голландцы. Но Жолкевский, видя, что они имеют слабое вооружение и недостаточное количество лошадей, будучи воодушевленным поражением финнов, смело и решительно воспользовался своей удачей и вскоре нанес поражение силам иностранцев, хотя и потеряв при этом многих своих уланов. Видя судьбу наших войск, вся армия русских, будучи сама вне опасности, отступила, не произведя ни одного удара. Наши пехотинцы, видя, как развиваются события, забаррикадировались с помощью телег и повозок, решив биться до последнего солдата или добиться какого-либо выгодного перемирия. Жолкевский, увидев это и сомневаясь в возможности осуществления каких-либо дальнейших обманных действий, также отступил к Григорьевскому укреплению⁷³, будучи удовлетворенным победами этого дня, и сделал следующие предложения: если они прекратят сопротивление, они будут иметь свободный выбор: либо служить царю, либо королю Польши, за то же жалование. Если они захотят вернуться к королю Швеции⁷⁴, то им это будет разрешено, если они захотят возвратиться в свои страны, то при этом им будет выдано разрешение и оказана помощь в проходе по польским землям при благосклонности короля. Эти предложения были приняты, и, сдавшись, они разделились: одни вернулись к царю, другие — к королю Швеции, большинство — к полякам, многие — домой в свои страны. Таким образом, эта огромная армия, к сожалению, была расформирована и никогда больше уже не была собрана в таком виде. Делагарди, Эдвард Горн, Лавиль, Колэйн и Коброн вместе с несколькими офицерами и солдатами в количестве пятисот человек вернулись к королю Швеции.

CHAP. 13

The Emperour Demetrius returnes from Colloge with a hundred thousand men and beleagers Mosco on the one side of the towne, Cholcosce on the other. Vansusce is taken prisoner, and sent into Poland. Demetrius flees againe to Colloge, and is at last miserably slayne by a Tartare.

Vansusce hearing of the overthrow of his Army, was much troubled in his minde, especially for the defeature of the strangers, upon whom he principally trusted: he now saw, that the hand of God was against him in dangers inevitable, which // by humane reason and iudgement, he could not avoyde, he feared Demetrius on the one side, that had drawne together in Colloge a hundred thousand men, with purpose to besiege the Mosco on the other side. He knew the Poales forces before Smalensco, and that they were still re-inforced with new supplies: he feared Gregory could not hold out that Skonce, bearing his name which Cholcosce had beleagerd, but that he would yeelede it up upon any composition, as indeede he did. He knew then that there was no barre nor hawlt for the Poales Armie to march from Smalensco, to the City of Mosco. To the increase of these feares hee sawe the citty empty of victualles, and other provision for the warres. But that which most troubled him, he found his reputation much lessened in the opinion of the Muscovite. While Vansusce stode thus exercised and perplexed with these feares, sayling betwixt Scilla and Charibdis, in doubt which way to take the Emperour Demetrius, layes hold of the occasion, and once more attempts with his new raised power to recover his Empire, hee therefore with all speed advanceth forward with this great Armie, consisting of a hundred thousand men, that in those tumultuous times, either for his love, or their owne safeties had fled unto him, there were also ten thousand Poles in his Army that had followed him in his last flight from the Mosco. He having thus once more like an Emperour the commaunding of such an Armie, which neverthelesse was more fearefull for their numbers then in their armes and courage, came before the Citty, fortifying his camp, and planting his Ordonance, which soone beganne

ГЛАВА 13

Царь Дмитрий возвращается из Калуги с армией в сто тысяч человек и осаждает Москву с одной стороны города, Жолкевский — с другой. Vansusce берут под стражу и высылают в Польшу. Дмитрий снова спасается бегством в Калуге и наконец, погибает мучительной смертью от руки татарина.

Vansusce, получив известия о разгроме его армии, был очень сильно расстроен, особенно из-за поражения иностранцев, на которых он возлагал основные надежды. Теперь он видел, что Бог отвернулся от него в неминуемых опасностях, которых он не мог избежать силой человеческого разума и рассудительности. С одной стороны, он опасался Дмитрия, который в Калуге собрал армию в сто тысяч человек с целью осадить Москву. С другой стороны, он знал, что армия поляков находится под Смоленском и что она стала более сильной за счет новых пополнений. Его страшило то, что Григорий⁷⁵ не сможет удержать укрепление, носящее его имя и окруженное силами Жолкевского, и что он сдаст его по любому мирному соглашению. Он знал, что тогда на пути польской армии от Смоленска до Москвы не будет ни преград, ни остановок. В дополнение к этим его страхам, он видел, что в городе нет провианта и других запасов, необходимых для ведения военных действий. Но больше всего его беспокоило то, что его репутация в глазах москвитов, как он обнаружил, упала. В то время, как Vansusce пребывал в таком состоянии тревоги и растерянности из-за этих опасений, находясь между Сциллой и Харибдой, раздумывая, какой выбрать путь, царь Дмитрий пользуется случаем и предпринимает еще одну попытку, используя вновь собранную военную силу, вернуть себе государство. Поэтому он полным ходом выступает с этой огромной армией, насчитывающей сто тысяч человек, которые в эти смутные времена перебежали к нему либо из верности, либо из заботы о собственной безопасности. В этой армии было также десять тысяч поляков, которые последовали за ним во время его последнего бегства из Москвы⁷⁶. Итак, будучи снова царем, командующим такой армией, которая, однако, была страшна больше своей численностью, нежели вооружением и отвагой воинов, подошел к городу (Москве — Е.К.), укрепил свой лагерь и установил артиллерию, которая вскоре начала вести огонь.

to batter. Sigismund King of Poland having intelligence hereof takes his advantage in this situation and sends Cholcosce his lieutenant generall, having lately taken in the fort of Gregory with forty thousand men to beleager the other side of Mosco, there were also fiteene honoured strangers in his army, English, Scottish, and French, that had put // themselves into the King of Poles service after their defeature on Midsummerday. Now was this great citty invironed on all sides, with huge numbers of men of warre, and in short time brought to so great misery in the height of all extreame, that is a man could imagine in such a case the worst of calamity, such was the the wretched fortune of this citty, wherein nothing but horror and despaire was found, the canon roring without, women and children crying within, the noise of drums, trumpets, horses, harquebuses, and the helplesse grones of dying men, made it on earth a hell to the miserable Muscovite. Famine also at length so pinchd them that they found these mischiefes to be unsufferable. Now was Vansusce without heart or hope, fearing daily to bee betrayed by his owne friends, if we may call it treason, to betray a traitor, and his feares proved true, for many noble men that were about him, looking into the present times condition, and reducing to their mindes the nature of the times past, they found Vansusce to be both the originall and efficient cause of all these miseries, and that God had thus plagued them with the plagues of men, for suffering an usurper to raigne over them, so that at last upon advice taken, they tooke Vansusce prisoner sitting in councill among them, with suppose, by delivering him captive, to make their peace with Cholcosce, & had the unkinde and unstable Muscovite delivered this usurper into their lawfull Emperour Demetrius that lay on the other side the citie, and had brought him in with their submission and acknowledgement of alegeance, they might have had the hand of God to have fought for them, and haply in short time recovered their former peace and glorie. But they doubting his weakenesse, and fearing the strength of the Poles, delivered up their prisoner, together with the Citty into the power of Cholcosce, to be kept for the king of Pole. Which in this manner was effected.

It was agreed upon betweene Chocosce and the State // of Russia, that he should have delivered into his hands, the Citty and the Castle to

Король Польши Сигизмунд, получив сведения об этом, в свою очередь пользуется данной ситуацией и посылает Жолкевского, своего генерал-лейтенанта, который незадолго до этого захватил Григорьевское укрепление, во главе сорока тысяч человек, для осады города с другой стороны. В его армии было также полторы тысячи иностранцев, англичан, шотландцев и французов, которые поступили на службу к королю Польши⁷⁷ после своего поражения на Иванов день. Теперь этот большой город был окружен со всех сторон большим количеством воинов и в скором времени претерпел такие сильные невзгоды, какие только можно представить среди наихудших бедствий — такова была несчастная судьба этого города, где царили ужас и отчаяние, был слышен гул орудий за городом, плач женщин и детей внутри него, шум барабанов, труб, лошадей, аркебуз, беспомощные стоны умирающих — все это стало земным адом для несчастных москвитов. Кроме того, муки настоящего голода были настолько сильны, что эти невзгоды стали для них невыносимыми. Теперь у Vansusce не осталось ни поддержки, ни надежды, и каждый день он боялся предательства со стороны своих собственных соратников, если мы можем назвать предательством измену изменнику. И его опасения оказались правильными, так как большая часть знати, стоявшая вокруг него, учитывая существующую ситуацию и в душе преуменьшая значение состояния дел в прошлом, пришла к мнению, что Vansusce был действительно первопричиной всех этих несчастий, и что Бог таким образом наказал их людскими бедствиями за то, что они позволили узурпатору править собой. Поэтому вняв, наконец, этому совету, они заключили Vansusce под стражу⁷⁸ и стали между собой совещаться, предлагая либо самим заключить мир с Жолкевским, отдав ему пленника, либо дать возможность недобрым и неустойчивым москвитам самим доставить узурпатора к их законному царю Дмитрию, находящемуся по другую сторону от города, с выражением своей покорности и верности ему и тогда, возможно, рука Господня будет снова помогать им, и в скором времени они снова обретут былой мир и славу. Однако, опасаясь его слабости и силы поляков, они решили сдать их пленника вместе с городом армии Жолкевского в подчинение королю Польши. Что было и сделано.

Между Жолкевским и Русским государством было достигнуто соглашение⁷⁹ о том, что Жолкевскому будет передан город с крепостью, где будет располагаться военный гарнизон от имени короля

be held with a garrison for Sigismond King of Poland, unto whom they proffered acknowledgement of homage and fealtie, conditionally, that Cholcosce with his Armie should presently remove the Leager of the Emperour Demetrius on the other side the river. These proffers were accepted of Cholcosce, together with the condition, conditionally that they should deliver sufficient hostages into his hands for the safegard of himselfe and his Army, which was graunted, and a many of the Nobilitie chosen out as the great Patriarch of Mosco, KneIacob Duke of Smalensco, and others of great power, who being delivered to the Cholcosce, sent them all as pledges to the King of Pole. Thus Cholcosce having taken possession of the Citty marcheth through to fight with Demetrius, and in short time overthrew him, who fleeng againe to Colloge, found himselfe there also abandoned of all his friends. Thus this unhappy Prince, fleeng from place to place, finding no place for safetie, was afterward (as I have heard it reported) miserably slaine by a Tartar.

Thus Cholcosce returning backe to the Citty in triumphant maner, was solemnely intertained of the Muscovite, who presented him also with many great gifts. He having stayed a while in the Cittie, and planted a garrison of eight thousand Poles in the Castle, returned to Smalensco with his prisoner Vansusce and delivered him to his maister the King of Pole, who not long after sent him into Poland, to be kept prisoner at the Castle of Waringborrough, where he yet lives a miserable captive.

Sigismond the yeare following takes in Smalensco, on assault, and returnes into Poland, disposing the most part of his Armie into garrisons in Russia. But the Muscovite in short time after rebelled, and having drawne the Tartare as their Assistants, after a long and bloudie assault, // they at last recovered the Cittie and Castle of Mosco, putting all the Poles to the sword. Thus was the Colloge againe freed, but not secured from the tyranny of the Poales, who are still possessors of a great part of that Countrey, sometimes losing in one place, oftentimes gaining in an other, nevër resting, but still in action, which the wretched people doe miserably sustaine.

And thus (as I understand) stands the condition of this torne Empire of Russia at this day.

F I N I S

Польши Сигизмунда, на верность которому они присягнут при условии, что Жолкевский со своей армией одновременно снимет осаду царя Дмитрия на другой стороне реки. Это предложение вместе с условием были приняты Жолкевским, который выдвинул свое условие о том, что они должны отдать в его руки заложников в количестве, достаточном для обеспечения безопасности лично его и его армии. Это условие было удовлетворено и среди знати было выбрано много людей, таких как великий Патриарх Москвы, князь Смоленска Якоб и другие влиятельные лица, которых всех передал Жолкевскому в качестве заложников короля Польши⁸⁰. Жолкевский, овладев таким образом городом, направляется в наступление против Дмитрия и в скором времени наносит ему поражение. Тот снова спасается бегством в Калуге, где оказывается также покинутым всеми своими соратниками. И этот несчастный государь, перебегая с места на место и нигде не находя безопасности, впоследствии (как я слышал) пал мучительной смертью от руки татарина⁸¹.

Жолкевский с триумфом возвратился в город, где был торжественно встречен москвитями, одарившими его множеством богатых подарков. Пробыв некоторое время в городе и разместив в крепости гарнизон численностью в восемь тысяч поляков, он возвратился в Смоленск со своим пленником Vansusce и передал его своему властелину, королю Польши, который вскоре выслал его в Польшу для заключения в крепость Варинборо, где тот по-прежнему находится в мучительном заточении⁸².

В следующем году Сигизмунд штурмом овладевает Смоленском⁸³ и возвращается в Польшу, рассредоточив большую часть своей армии по гарнизонам в России. Но вскоре происходит восстание московитов, которые, получив помощь от татар⁸⁴, после длительного и кровавого штурма, наконец, вернули себе город Москву с крепостью⁸⁵, предав всех поляков мечу. Затем была вновь освобождена Калуга, что не избавило страну от тирании поляков, которые все еще владеют большей ее частью, то проигрывая в одном месте, то выигрывая в другом, никогда не успокаиваясь и действуя по-прежнему, что приносит несчастному народу настоящие беды и страдания.

Вот таково (в моем понимании) состояние этого растерзанного Русского государства на сегодняшний день.

КОНЕЦ

Комментарии

¹ Карр Роберт (? — 1645) — первый граф Сомерсет, политик, государственный деятель, «шотландский фаворит» короля Якова I. В 1612—1614 гг. — государственный секретарь и советник короля, ведавший его личной перепиской. (English Historical Facts 1603—1608. 1980. P. 11; Dictionary of National Biography. Vol. IX. London, 1887. P. 172—176).

² Order of Carter — старейший орден Великобритании, учрежденный в 1348 или 1350 г. Эдуардом III.

³ Яков I (1566—1625) — первый английский король из династии Стюартов, сын Марии Стюарт и лорда Дарнли. Вступил на английский престол после смерти Елизаветы I Тюдор.

⁴ Норфолки — герцогский род, ведущий свое начало с XIV в. и происходящий от сына короля Эдуарда I Томаса Вротертон. У Р.Карра был роман с представительницей этого рода графиней Эссекс, дочерью графа Суффолка. После скандального бракоразводного процесса она вышла за него замуж. (Dictionary of National Biography. Vol. IX. London, 1887. P. 173—174).

⁵ Гордиев узел — в греческой мифологии был завязан царем Фригии Гордием. Считалось, что тот, кто сумеет развязать его, станет повелителем всей Азии. Согласно легенде, Александр Македонский, не сумев распутать узел, разрубил его мечом.

⁶ Сигизмунд III Васа (1566—1632) — сын шведского короля Юхана III и польской принцессы Екатерины Ягеллонки. В 1587 г. стал королем Польши, а в 1592 г. после смерти Юхана III унаследовал и шведскую корону. Был низложен со шведского престола в 1599 г. шведским протестантским дворянством.

⁷ Карл IX Васа (1550—1611) — король Швеции, сын Густава I и брат Юхана III. В 1592 г. после образования польско-шведской унии возглавил борьбу шведского протестантского дворянства против своего племянника Сигизмунда III, проводника католической реакции. В 1599 г. был избран правителем, а в 1604 г. — королем Швеции. В 1609 г. заключил с В.Шуйским союзный договор, направленный против Польши.

⁸ Дмитрий (1581—1591) — сын Ивана IV от Марии Федоровны Нагой. После смерти царя был отправлен в Углич, где погиб при невыясненных обстоятельствах. Под его именем в начале XVII в. выступило несколько самозванцев. У Бреретона от реального Дмитрия взято только имя. Вся же его биография составлена им из биографий Федора Ивановича, Лжедмитрия I и Лжедмитрия II.

⁹ Бреретон имеет в виду Ивана IV, которого иностранцы часто называли Васильевичем.

¹⁰ Knesevansuage (Vansusce) — центральный персонаж сочинения Бреретона, в котором угадываются черты Б.Годунова и В.Шуйского

¹¹ Речь идет о дочери польского магната Юрия Мнишка Марине Мнишек (1588/89—1614?). Характерно, что Бреретон нигде не называет ее по имени

¹² Tragus — персонаж явно собирательный, в котором довольно трудно узнать кого-либо из реальных лиц.

¹³ См. у Плутарха: Деметрий Полиоркет и Марк Антоний

¹⁴ В Кракове 12.XI.1605 состоялось обручение М.Мнишек с Лжедмитрием, на котором роль жениха исполнял дьяк Афанасий Власьев.

¹⁵ На пути в Москву М.Мнишек ночевала в Смоленске две ночи 21 и 22 апреля. (Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С.36—37)

¹⁶ Севера (Северская земля, Северская Украина) — расположена на территории бывшего Черниговского княжества, на юго-западной окраине Русского государства по течению Десны и Сейма. Северское княжество присоединялось к Москве отдельными частями, начиная с XVI в. (Трубчевск, Стародуб, Рыльск). В 1503 г. все эти земли по разделу с Литвой перешли к Москве, в 1523 г. были окончательно уничтожены остатки суверенности. Пограничное положение, постоянные военные стычки на границе Северской земли создавали здесь особые условия жизни для населения, которое по образу жизни напоминало казаков. Сюда бежали крестьяне и холопы, и к концу XVI в. здесь скопился горючий материал, вспыхнувший во время Смуты. (Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 407—412)

¹⁷ В свите М.Мнишек, прибывшей в Москву 2 мая 1606 г., было около 2500 человек

¹⁸ Здесь речь идет явно о В.Шуйском, возглавившем заговор против Лжедмитрия.

¹⁹ О жалобе на поляка, обесчестившем знатную русскую девушку, есть сведения у Костомарова (*Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 262)

²⁰ Гекуба — в греческих сказаниях жена троянского царя Приама, пережившая при разрушении Трои смерть всех близких.

²¹ Приам — в греческой мифологии последний царь Трои, убитый при взятии Трои Неоптолемом.

²² Поликсена — дочь Приама и Гекубы, принесенная при взятии Трои в закляние сыном Ахилла Неоптолемом (Пирром)

²³ Ниобея — в греческой мифологии дочь Тантала, обладавшая многочисленным потомством, которым она возгордилась перед богиней

Лето. В отмщение за это ее дети были уничтожены Аполлоном и Артемидой.

²⁴ Лето (Латона) — дочь титанов Коя и Фебы, мать Аполлона и Артемиды, которые оберегали ее и убивали тех, кто пытался оскорбить ее.

²⁵ Clasco — персонаж также собирательный, в котором довольно трудно узнать кого-либо из реальных лиц.

²⁶ Во время восстания 17 мая М.Мнишек была взята под стражу, в августе она вместе с отцом и братом была выслана в Ярославль, откуда летом 1608 г. выехала к польской границе через Тверь. Недалеко от границы она была перехвачена отрядом Лжедмитрия II и доставлена в Тушино. Эпизод с бегством в мужской одежде относится к событиям в Тушине в январе 1610 г.

²⁷ Эней — в греческой и римской мифологиях сын Афродиты и Анхиса, один из троянских героев, участник многих важных сражений. В «Энеиде» Вергилия по приказу богов он бежит из захваченной ахейцами Трои вместе с престарелым Анхисом.

²⁸ Иоакаста — в греческой мифологии фиванская царица, мать и жена Эдипа, покончившая жизнь самоубийством. Этому сюжету посвящена трагедия Сенеки «Эдип».

²⁹ См. прим. 20

³⁰ В этом эпизоде по всей вероятности отразилось начало калужского периода биографии Лжедмитрия II.

³¹ Бреретон соединил в одном эпизоде сожжение труп самозванца и перенесение мощей царевича Дмитрия в Архангельский собор.

³² Ахитофель — советник царя Давида, присоединившийся к заговору Аввесалом. Убедившись в том, что заговор обречен на неудачу, покончил с собой, опасаясь мести со стороны Давида.

³³ Улисс — латинская форма имени Одиссей, царь острова Итака, один из вождей Троянской войны. Узнав, что одним из условий победы над троянцами является обладание статуей Афины Паллады (Палладем), он проникает в осажденный город и похищает ее.

³⁴ Корнелия — жена Публия Красса, после гибели которого стала женой Гнея Помпея.

³⁵ Гней Помпей (106—48 до н.э.) — римский полководец и государственный деятель, консул, соратник, а затем соперник Цезаря. Потерпев от него поражение, бежал в Египет, где был предательски убит по приказу Птолемея XIII на глазах его жены Корнелии.

³⁶ Здесь у Бреретона ошибка. Помпей был разбит Цезарем в битве при Фарсале (Pharsalus) в Фессалии.

³⁷ По всей вероятности, имеется в виду поход Б.Годунова с войском против крымского хана Казы-Гирея под Серпухов в мае—июне 1598 г.

³⁸ Ирод — царь Иудейский, отличавшийся крайней жестокостью.

³⁹ Лукреция — жена римского гражданина Тарквиния Коллатина. Обещанная сыном последнего римского царя Тарквиния Гордого Секстом, она покончила жизнь самоубийством. Согласно легендарной версии, ее поступок послужил поводом для ликвидации царской власти в Риме.

⁴⁰ Порция — дочь трибуна Марка Порция, жена участника заговора против Цезаря Марка Юния Брута (85—42 д.н.э.). После убийства Цезаря он бежал из Рима. Потерпев поражение в борьбе с триумвирами Октавианом и Антонием, Брут покончил жизнь самоубийством. Его жена Порция последовала его примеру.

⁴¹ Возможность такого развития событий была одной из главных причин, заставивших Карла IX вмешаться в события в России.

⁴² На стороне Лжедмитрия II выступило около 4000 поляков.

⁴³ В начале июня 1608 г. Лжедмитрий II подошел к Москве и встал лагерем в Гушине.

⁴⁴ Инициатором переговоров о союзе был Карл IX. Впервые он обратился к В.Шуйскому с предложением о помощи еще в 1606 г.

⁴⁵ Бреретон имеет в виду Якоба Понтуссона Делагарди (1583—1652), сына шведского полководца французского происхождения. Карл IX поставил его во главе войска, направленного им в соответствии с условиями Выборгского договора 1609 г. в Россию для оказания помощи В.Шуйскому.

⁴⁶ Роберт Ширли прибыл в Персию в 1598 г. вместе с братом Антони к шаху Аббасу (1587—1625) с неопределенными полномочиями и расплывчатыми предложениями о союзе против Турции. По предложению шаха они поступили на службу в иранскую армию. В 1599 г., готовясь к войне с Турцией, Аббас послал Антони Ширли с дипломатическим поручением в Европу. Из этой поездки он не вернулся. Роберт в это время продолжал служить в иранской армии, занимаясь ее перевооружением и обучением. Он отличился в битве с турками в 1605 г., в 1607 г. он женился на дочери черкесского вождя Исмаил-хана.

После того, как в 1606 г. был подписан Ситваторокский договор между Турцией и Австрией, шах обратился за военной помощью к Московскому государству (посольство Сеид-Азима 1506 г.). В 1608 г. шах послал Роберта Ширли с дипломатической миссией в Европу, целью которой было создание антитурецкой лиги Европейских государств. Его путь в Прагу, Рим и Мадрид проходил через охваченную Смутой Россию.

Исследователь русско-иранских отношений П.П.Бушев предполагает, что «Ширли не достиг Москвы, а был перехвачен тушинцами. Сочинение Бреретона подтверждает это предположение и является единственным источником, проливающим свет на содержание пе-

реговоров Р.Ширли и самозванца. (*Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. М., 1976. С. 201, 339—340, 403—409).

⁴⁷ Войско Делагарди выступило в поход из Выборга в начале марта 1608 г. и в конце месяца подошло к Новгороду.

⁴⁸ См. прим. 45.

⁴⁹ Дмитрий Шуйский Иванович (? — 1612) — князь, боярин, брат Василия Шуйского. Участвовал в заговоре против Лжедмитрия I. После воцарения В.Шуйского занял одно из первых мест в государстве, участвовал в военных действиях против И.Болотникова. В борьбе с отрядами Лжедмитрия I и Лжедмитрия II проявил себя как бездарный и трусливый военачальник. Потерпел сокрушительное поражение в сражении с поляками в битве под Клушиным 24.06.1610, умер в польском плену. Народная молва считала его вместе с братом виновниками смерти М.В.Скопина-Шуйского, которого после освобождения Москвы они считали опасным соперником. (*Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991).

⁵⁰ Разногласия между Лжедмитрием II и польскими тушинцами начались после того, как в Тушино прибыл представитель польского короля Станислав Стадницкий, которому было поручено уговорить тушинских поляков оставить самозванца и перейти на службу королю.

⁵¹ Лжедмитрий II бежал из Тушинского лагеря в Калугу в январе 1610 г.

⁵² В 1608 г. В.Шуйский назначил воеводой Смоленским Михаила Борисовича Шеина, отличившегося в сражении с войсками Джедмитрия I при Добрыничах в 1605 г. Вторым воеводой был Горчаков. До него смоленским воеводой был Василий Васильевич Голицын, очевидно, именно его Бреретон называет князем Якобом. (см. примеч. 80).

⁵³ В армии Сигизмунда было около 30000 человек.

⁵⁴ Михайлов день отмечался 29 сентября.

⁵⁵ Станислав Жолкевский (1547—1620) — польский военачальник, гетман, канцлер, автор «Записок о Московской войне». Принимал участие в подавлении восстания Наливайко-Лободы и рокоша М.Зебжидовского. Принял участие в походе Сигизмунда III в Россию, в 1610 г. нанес сокрушительное поражение русско-шведскому войску под командованием Д.Шуйского и во главе польской армии вступил в Москву. Погиб в битве с турками под Цесорой.

⁵⁶ В конце августа—начале сентября Э.Горн и Р.Таубе были посланы в Нарву за подкреплением. В декабре в Выборг из Швеции прибыли наемники: англичане под командованием Колвила, шотландцы под командованием Коброна и французы под командованием Делавиля. В начале февраля Горн перешел по льду Финский залив, вышел к

Копорью и двинулся на соединение с Делагарди.

⁵⁷ Колвил — капитан наемной английской пехоты. Весной 1610 г. он поддержал мятеж в рядах наемников, за что был отстранен от командования. После Клушинской битвы уехал в Германию.

⁵⁸ Коброн (Cockburn) Самуил (Даниил) (1574–1621) — шотландец на шведской службе, в 1609 г. по поручению короля ездил с Якобом Спенсом вербовать наемников в Англию и Шотландию. Вместе с ними прошел с боями путь от Копорья до Зубцова. После подавления мятежа в рядах наемников возглавил английских и шотландских наемников. После поражения под Клушиным остался под командованием Делагарди, участвовал в военных операциях под Ладогой, Новгородом, Гдовом, Тихвином, Бронницами. (Svensk biografisk lexikon. Band 8. Stockholm, 1929. S. 678–685).

⁵⁹ Делавиль Пьер — (Pierre de Laville, sieur de Dombasle) — французский дворянин, с 1609 г. наемник на шведской службе, в составе армии Делагарди участвовал в походе на Москву, затем был послан к Ладогe, которую взял в 1611 г. В 1611–1612 гг. вербовал наемников в Нидерландах. В октябре 1613 г. вернулся в Россию, где принял участие в военных акциях, в частности, в осаде Псково-Печерского монастыря. По возвращении во Францию описал события в России, в которых он принимал участие, в сочинении «Краткое сообщение о том, что происходило в Московии» (Discours sommaire de ce arrivez en Mosgovie... // La chronique de Nestor. Tome I. Paris, 1834).

⁶⁰ Очевидно, речь идет о полковнике Рейнгольде Таубе, представителе лифляндского дворянского рода, члены которого с XVI в. служили Шведской короне. (Hofberg H. Svenskt biografiskt handlexikon. Senare Delen. Stockholm, 1876. S. 377).

⁶¹ Имеется в виду 1609 год

⁶² Nulies = Lödöse (Nylöse, Nylues)

См.: Eduard van Ermen. Erik van Mingroot. Sverige och Skandinaviska länder i gamle kartor och tryck. Atlantis, 1987. S. 44–47; Göteborgs eskader och örlogsstation 1523–1870. Göteborg, 1949. S.10–11

⁶³ Лига (League) = 3 милям = 15840 футам = 4827 м. (Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 160). От Або до Выборга по прямой ок. 360 км.

⁶⁴ Горн совершил марш через Старую Руссу, Осташков, Ржев. Взяв 24.04 Зубцов, он послал Делавиля на помощь Г.Валуеву, осадившему поляков Иосифовом монастыре. 21.05 они были изгнаны из Иосифова монастыря и Горн с кн. Барятинским осадил крепость Белую, занятую А.Гонсевским, но взять ее не смог и отступил к Зубцову.

⁶⁵ По всей вероятности, речь идет о Ржеве, о сражении под которым по русским источникам ничего не известно (Один из вариантов написания Ржев у Видекинда — Ortzove).

В середине апреля с отрядом в 400 кавалеристов к Ржеву был отправлен Пьер Делавилль. Сражение закончилось полным разгромом поляков, при этом многие из них утонули в Волге. (*Видекин2д Ю. История шведско-московской войны XVII в. М., 1994. С. 529; Almquist H. Sverige Ryssland 1595–1611. Sundberg U. Svenska krig 1521–1814. 1998. S. 124*).

⁶⁶ Возможно, речь идет о пехотном капитане Гансе Море (Hans Moor).

⁶⁷ Посад Погорелое городище.

⁶⁸ Горн соединился с Деллагарди 21.06.1610 в 25 верстах от Можайска в Мышкине (Маслово).

⁶⁹ Сигизмунд III, узнав о соединении Деллагарди с Горном, отправил навстречу им Жолкевского, который 14 июня осадил Царево Займище (Gregory), где сидели воеводы Григорий Валуев и Федор Елецкий. Здесь к нему присоединился Зборовский с остатками тушинских поляков.

⁷⁰ Два наемника из войска Деллагарди перебежали к полякам и сообщили им о продвижении войск под командованием Д.Шуйского.

⁷¹ Решающая битва между правительственными войсками под командованием Д.Шуйского и польскими войсками под командованием С.Жолкевского произошла 24 июня 1610 г. у села Клушина в 20 верстах от Гжатска, где встал лагерем русско-шведская армия, которая шла на помощь Г.Валуеву и Ф.Елецкому. Победа поляков открыла им путь на Москву и привела к свержению В.Шуйского. Русские источники (прежде всего «Новый летописец») возлагают вину за поражение на наемников, которыми командовал Я.Деллагарди. Иностранцы же, как правило, обвиняют русских в трусости и пассивности. Аналогичной точки зрения придерживается автор «Летописной книги» С.И.Шаховской. (ПЛДР. Т. 9. С. 403)

Описание Клушинской битвы является одним из наиболее интересных мест сочинения Бреретона, поскольку это — свидетельство очевидца, хотя и не беспристрастного. Поражение в ней он объясняет тем, что противник получил от дезертиров подробные сведения об армии, посланной В.Шуйским против поляков, а также внезапною нападения поляков, которую он вменяет в вину русским. Он обвиняет их также в бездействии во время сражения. Однако в отличие от Делавилля он ничего не пишет о том, что часть наемников во время сражения взбунтовалась и перешла на сторону противника. Вполне вероятно, что он умалчивает об этом потому, что среди тех, кто перешел на сторону противника, были прежде всего англичане. Известно, что после сражения Карл IX просил Якова I наказать английских наемников, если они объявятся в его владениях. (*Cronholm A. Sveriges historia under Gustav II Adolfs regering. Del I. Stockholm, 1857. S. 206*).

⁷² Горн Эверт (1581–1615) — шведский военачальник, прибыл в Россию весной 1609 г. в составе шведского вспомогательного корпуса под командованием Я.Делагарди, отличился в боях под Каменкой, Торжком, Клушиным. Во время штурма Новгорода в июле 1611 г. он командовал кавалерийской колонной, которая первой вошла в город. В феврале 1612 г. он нанес поражение казачьему отряду С.Наливайко под Боровичами. В том же году он захватил Ям, Копорье, Гдов и Ивангород. Зимой 1614–15 гг. во время отсутствия Делагарди возглавил шведскую военную администрацию в Новгороде. По приказу короля безуспешно пытался привести новгородцев к присяге шведской короне. Погиб при осаде Пскова войсками Густава II Адольфа в июле 1615 г.

⁷³ Оценка Бреретоном действий Эверта Горна совпадает с мнением П.Петрея (О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 353) и коренным образом расходится с оценкой «Нового летописца», который обвиняет Горна в предательстве.

«Князь Дмитрий же Иванович с немецкими людьми поиде к Клушину. Тутю же к нему приде Иветгорн с немецкими людьми; и подошла к Клушину и укрепилася обозом. Немецкие же люди начаше же у него прошати найму. Грех же ради наших ничто же нам успеваше, нача у них сроку просить, будто у него денег нет, а у него в те поры денег было, что им дать. Немецкие люди начаша сердитовати и умышляти. Тот же Иветгор после к гетману Жолкевскому, чтоб он шол не мешкая, а он с им битися не станет. На утренней же зоре приде Жолкевский к Клушину. Московские же и немецкие люди, кои были с Яковом, начаша битися. Той же Иветгор опять послал, а велел литовским людям непушати. Литовские же люди ..... на московских людей, а тот Иветгорн отъеха со всеми немцами. Литовские же люди русских людей побиле ...» (ПСРЛ. Т. XIV. М., 1965. С. 97–98).

⁷⁴ После победы под Клушиным Жолкевский пошел к Цареву Займишу. Считая дальнейшее сопротивление бессмысленным, Елецкий и Валуев подписали с ним договор об условиях избрания Владислава на Московский престол. Вслед за Царевым Займищем Жолкевскому сдались Можайск, Волок, Ржев, Иосифов Монастырь.

⁷⁵ Делагарди с Горном и Делавилем ушли к Торжку. 7 взводов (*fänikor*) английской пехоты остались у Жолкевского, часть французов у короля под Смоленском. Glasnapp, Linck, Betti, Colville, Kolf, Qvarnhem, Post ушли в Германию. (*Almqvist H. Sverige och Ryssland 1595–1611. Uppsala, 1907. S.191*).

⁷⁶ Григорий Леонтьевич Валуев — представитель дворянского рода, переселившегося из Литвы в Россию в XIII в., активный участник майского переворота 1606 г. Считается, что именно он убил Лжедмитрия I. Воевал под командованием М.В.Скопина-Шуйского, освободил из польского плена Филарета. В 1610 г. вместе с Ф.А.Елецким во

главе шеститысячного отряда был послан для обороны важного укрепленного пункта Царева Займища. Они храбро защищали его против Жолкевского. После поражения под Клушиным присягнули Владиславу и, соединившись с поляками, пошли на Москву.

⁷⁷ Когда весть о поражении правительственных войск дошла до Калуги, Лжедмитрий II решил, что настал подходящий момент для свержения В.Шуйского, и двинулся к Москве, заручившись поддержкой Сапеги. Взяв Серпухов, Коломну и Каширу, он встал в июле у села Коломенского.

⁷⁸ 17 июля 1610 г. В.Шуйский был свергнут с престола дворянами под предводительством З.Ляпунова, власть перешла в руки Боярской думы во главе с кн. Ф.И.Мстиславским.

⁷⁹ Речь идет об августовском договоре, подписанном в польском стане под Москвой 17 августа 1610 г. Ф.И.Мстиславским, В.В.Голицыным и Д.И.Мезецким. Согласно договору, московский престол передавался королевичу Владиславу при условии его перехода в православие. (См.: Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб. 1871. Приложение 20).

⁸⁰ 7 октября под Смоленск к Сигизмунду III для утверждения договора об избрании Владислава было отправлено посольство во главе с представителями знатнейших московских родов В.В.Голицыным и митрополитом Филаретом. Переговоры с королем не увенчались успехом, и в апреле 1611 г. члены посольства в качестве пленников были отправлены в Польшу. Упоминание князя Якоба подтверждает наше предположение о том, что под этим именем Бреретон имеет в виду князя Василия Васильевича Голицына. (См. примеч. 52). Он участвовал в низложениях Лжедмитрия I и был серьезным конкурентом В.Шуйского, после свержения которого стал одним из претендентов на российский престол. Именно поэтому Жолкевский настоял на том, чтобы он был включен в состав посольства. В 1616 г. он отказался агитировать москвичей в пользу Владислава. Умер в польском плену в 1619 г.

⁸¹ После свержения В.Шуйского Жолкевский от имени короля предложил самозванцу Самбор или Гродно. Лжедмитрий отверг это предложение и засел в Угришском монастыре. Жолкевский хотел захватить его, но он бежал в Серпухов. В сентябре он вернулся в Калугу. 11 декабря был убит одним из своих бывших сподвижников Петром Урусовым.

⁸² В.Шуйский был пострижен в монахи и выдан Жолкевскому. Он взял его с собой под Смоленск, оттуда — в Варшаву. После торжественного представления пленника королю и сенаторам он был помещен под почетную и свободную стражу в Гостинском замке в 130 верстах от Варшавы, где скончался 12 (22) сентября 1612 г. (*Либрович С. Царь в плену. М., 1991*).

⁸³ Смоленск пал 3 июня 1611 г.

⁸⁴ Первые попытки освобождения Москвы от поляков совпали по времени с набегами крымцев и ногаев на Московскую Украину (*Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.-Л., 1948. С. 73–74).

⁸⁵ 24–26.10.1612 г. объединенные силы и казаки под руководством Д.Трубецкого штурмовали Китай-город и Кремль. Польский гарнизон в Москве капитулировал.

CONTENTS

PREFACE (G.M.Kovalenko)	5
THE EPISTLE	18
CHAP. 1. Demetrius the last of that name, after the death of his father Basilius , succeeds him in the Empire, he distrusteth his owne people, and many of his Nobility, and strives to strengthen his estate by marriage with a yong Lady neere in blood to Sigismund king of Poland ..	20
CHAP. 2. The Emperour Demetrius descends in person into Poland , with an honourable traine, and is there with all solemnity espoused to the Polish Princesse, returneth into Russia , bringing with him five thousand Poles for his guard	28
CHAP. 3. The Emperours guard of Poles abuse his favour, committing many outrages in the Citty, and in short time fall into great hatred with the Muscovite , Kresevansusce laying hold of this occasion, ioynes with the Muscovite , and growes discontent	34
CHAP. 4. Vansuske with the aide of the Muscovite rebels, surpriseth the great Castle or Palace of Mosco , kills all the Poles in one night, in this garboile the Emperour is bruited to be slaine, but with the aid of a trusty servant escapes secretly with his Lady disguised	40
CHAP. 5. Demetrius with his Empresse flies to the Dukedome of Collooge , and findes entertainment, Vansusce bruits him dead, and causeth one like him to be carried thorow the Citty murdered, the Muscovite beleeves it	48
CHAP. 6. The counterfeit body is buried for the Emperor Demetrius , with the state and solemnity of a Prince, Tragus is suddenly surprised and brought prisoner to the Mosco	56
CHAP. 7. Tragus is arraigned, condemned, and iudged uniustly in the Mosco , who out of the greatnesse of his minde, to mocke Vansusces tyranny kills himselfe	64
CHAPTER 8. The wife of Tragus dies for sorrow his two children detayned prisoners, Vansusce is crowned Emperour of Rushia , Demetrius , with the Empresse flees into Poland from whence with a great Army he returnes backe into Rushia : the warre begins	74
CHAP. 9. Sr. Robert Sherly comes as Embassadour from the Persian to Demetrius in the Leager, the Muscovite mutiny, but are appeased, Glasco is suspected, convicted, arraigned, and executed in the Mosco	82
CHAP. 10. King Charles of Swethland sendeth an army of twelve thousand Souldiers into Ruscia , under the command of Pontus de la Gard a French Coronell, the Ruscians ioyne with them and remove the Leager: the Emperour Demetrius flees againe into the Dukedome of Colloge	90

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Г.М.Коваленко)	5
Послание	19
Глава 1. Дмитрий , последний из династии, после смерти своего отца Василия наследует царство. Не доверяя своему собственному народу и многим из окружающей его знати, он стремится упрочить свое положение женитьбой на молодой госпоже, близкой по крови королю Польши Сигизмунду	21
Глава 2. Царь Дмитрий лично приезжает в Польшу с почетной свитой и там со всей торжественностью женится на польской принцессе. Возвращается в Россию в сопровождении охраны из пяти тысяч поляков	29
Глава 3. Польская охрана царя, злоупотребляя его благосклонностью, совершает множество преступлений в городе и вскоре становится объектом сильной ненависти москвитов . Кнсевансусце , воспользовавшись этим случаем, объединяется с москвитами и сеет недовольство	35
Глава 4. Vansusce с помощью мятежных москвитов неожиданно нападает на замок или дворец в Москве и уничтожает всех поляков за одну ночь. В этой суматохе царя убивают, как ходят слухи, но он с помощью преданного слуги, изменив внешность, тайно совершает побег со своей женой	41
Глава 5. Дмитрий с царицей совершают побег в Калужское княжество, где находят приют. Vansusce сеет слухи о том, что он (Дмитрий) мертв и по его распоряжению похожего на него убитого проносят через весь город, чему москвиты верят	49
Глава 6. Подложное тело хоронят как царя Дмитрия с почестями и торжественностью, полагающимися царю. Tragus застигнут врасплох, схвачен и в качестве пленного доставлен в Москву ..	57
Глава 7. В Москве Tragus предстает перед судом, ему предъявляются обвинения и выносится несправедливый приговор. Обладая сильным духом, в знак протеста против тирании Vansusce он кончает жизнь самоубийством	65
Глава 8. Жена Tragus'a умирает от горя, двое его детей содержатся в качестве пленников. Vansusce коронован царём России . Дмитрий с царицей бежит в Польшу , откуда с большой армией возвращается в Россию : начинается война	75
Глава 9. Сэр Роберт Ширли прибывает в качестве посла из Персии к Дмитрию в его осадный лагерь. Москвиты бунтуют, но их умиротворяют. Glasco арестовывают по подозрению, осуждают, предъявляют ему обвинения и казнят в Москве	83

CHAP. 11. Knesevansuske continues still his usurped authoritie. Sigismond King of Poland descends into Ruscia with an army of a hundred thousand men he beseegeth Smalensco , ang the great City of Mosco . The Emperour Demetrius makes another attempt, but is driven backe into the Dukedome of Collogue	98
CHAP. 12. Vansusce sends his forces to joine with the strangers, to the number of thirty thousand. Pontus de la Gard Generall of the strangers, attempts to raise the Poles Leager from Smalensco , but in a set battell is fought withall and overthrowne by the Pole	112
CHAP. 13. The Emperor Demetrius returnes from Colloge with a hundred thousand men and beleagers Mosco on the one side of the towne, Cholcosce on the other. Vansusce is taken prisoner, and sent into Poland . Demetrius flees againe to Colloge , and is at last miserably slayne by a Tartare	118
COMMENTS (G.M.Kovalenko)	124

Глава 10. Король Швеции Карл присылает в Россию армию в двенадцать тысяч солдат под командованием французского военачальника Делагарди. Русские присоединяются к ним, и они прорывают осаду. Царь Дмитрий снова бежит в Калужское княжество	91
Глава 11. Knesevansuske по-прежнему продолжает удерживать узурпированную власть. Король Польши Сигизмунд прибывает в Россию с армией в сто тысяч человек, осаждает Смоленск и огромный город Москву. Царь Дмитрий совершает еще одну попытку, однако его отбрасывают снова в Калугу	99
Глава 12. Vansusce посылает свои войска для воссоединения с иностранцами в количестве тридцати тысяч человек. Генерал Делагарди, командующий иностранными войсками, пытается снять осаду поляками Смоленска, но в жестокой битве объединенные войска терпят поражение от поляков	113
Глава 13. Царь Дмитрий возвращается из Калуги с армией в сто тысяч человек и осаждает Москву с одной стороны города, Жолкевский — с другой. Vansusce берут под стражу и высылают в Польшу. Дмитрий снова спасается бегством в Калуге и, наконец, погибает мучительной смертью от руки татарина	119
Комментарии (Г.М.Коваленко)	124

ГЕНРИ БРЕРЕТОН

**ИЗВЕСТИЯ
О НЫНЕШНИХ
БЕДАХ РОССИИ**

Р № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60х90 в 1/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 8.7. Тираж 1500 экз.
Заказ № ? ^

«Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3